
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Асташкин
(г. Омск)

НЕУДЕРЖИМЫЙ

Журналист и писатель-прозаик. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах и альманахах «Истоки», «Муза», «Невский альманах», «День и ночь», «Приокские зори», «Нива», «Крылья», «Северо-Муйские огни», «Голоса Сибири», «Складчина», «Литературный Омск». Автор 18 художественных книг. Дипломант областного конкурса «Лучший рассказ XXI века», лонг-лист международного литературного конкурса «Чистая книга» им. Федора Абрамова (2019), лауреат международного конкурса «Они сражались за Родину» (2020).

Он стоял возле приземистой ограды, орнаментированной приваренными к прутьям кольцами, в вылинявшей робе, с коротким седым бобриком, не по годам жилистый, и торжествующе сверлил своего молодого шефа выцветшими зрачками на задубленном солнцем лице.

— Читал мое вчерашнее заявление? — с явным удовлетворением спросил он у Михаила Вешкина.

Поняв по ответному молчанию, что успел-таки доставить неприятности директору станции юных техников, весомо добавил:

— Сегодня я занес второе заявление на счет тебя...

Полюбовавшись на произведенный эффект, присовокупил:

— А завтра напишу третье...

После этого он довольно отправился в сторону своего дома, по пути еще раз оглянувшись на паренька, которому годился в отцы.

«Да хоть рулон испиши», — подумал ко всему привыкший Михаил. Эка невидаль. Дедку уже под семьдесят, на кружке почти всех детей поразогнал своими окриками. Уж помолчал бы, ему ли «выступать»?..

В коридоре Вешкин столкнулся с заведующей райотдела образования Валентиной Ивановной. Поскольку его лицо сводила саркастическая улыбка, проницательная заведующая по-свойски спросила у него, тоже с усмешкой:

— Уже в курсе?

— Петрович мне все в лоб выпалил, думал напугать детской выходкой...

— Что вы с ним не поделили? Строчит про тебя всякую галиматью...

— Обиделся, что не взяли в компанию, когда устанавливали станки в его кабинете.

— Понятно,— утोलилось любопытство заведующей доходчивым ответом.— Не дали и ему подзаработать.

— Он же был в отпуске. Да мы и без него справились...

Неугомонный дедок Петр Петрович действительно держался «на честном слове» в Доме творчества, включающем в себя Дом пионеров со станцией «Юный техник» и музыкальную школу на втором этаже. На полную ставку руководителю кружка требовалось набрать по нормативам четыре группы по пятнадцать человек. Это было нереально, даже одну полновесную группу не наберешь при всем желании. Нынешних школьников трудно чем-то заманить. Михаил Вешкин не раз бывал на областной станции юных техников, сокращенно СЮТ, и там тоже на кружках раз, два и обчелся. Разные проверяющие истинную наполняемость прекрасно знают. Но кто соблазнится копеечной работой? Пенсионер, инвалид или вчерашний выпускник школы, которому надо где-то перекантоваться до армии. Пусть бы хоть аккуратно заполняли журнал посещений для блезира. Но Петр Петрович и этого не желал делать. Приходилось перед проверками вписывать за него фамилии школьников в графы и выставлять числа.

Последние годы дед увлекся садоводством. На окраине города, за трассой отгородил горбылем бесхозный участок. Поставил емкость, куда ему знакомый водовоз за литровку самогона раз в неделю сливал машину ишимской воды. Там он и ночевал в картонной халабуде, еду приносили толстоногие внучки-близняшки запионерского возраста, обитавшие у деда с бабкой — родная мамаша во втором замужестве ушла жить к новому суженому, потомство там мешало, вот и навещала дочерей от случая к случаю.

Осенью предприимчивый дедуля всегда с хорошим барышом: прямо на дому мешками покупают яблоки, да и бабка сидит на базаре каждый день. Что Петровичу эта доля за установку станков? Или думал, что без него не обойдутся? Взял и пошел на принцип...

Противостояние закончилось так же быстро, как и началось. Через несколько дней шантаж закончился. Заведующая просто сказала пенсионеру:

— Не нравится — пишите заявление...

Тот и накарябал его, думая, что еще будут ходить к нему с поклоном да уговаривать вернуться.

Теперь Михаила зажало нешуточным цейтнотом. Не найдет за считанные дни двух руководителей кружков на полную ставку — прикроют за милую душу его СЮТ, где он провел пять не самых плохих лет. По сути, это местечко ему нравилось больше всех остальных, где ему приходилось зарабатывать на хлеб насущный. А тут начались повальные сокращения. Только теперь люд разглядел во всей красе истинное лицо перестройки, поначалу казавшейся заманчивой. Она стала безжалостно сметать одно за другим не только мелкие фирмочки, но и незыблемые местные мастодонты: строительные и дорожные организации, автобазы с огромным парком транспорта. На ладан дышали молзавод, швейная фабрика и ремзавод.

Все это заменяла сплошная перепродажа. В опустевших помещениях открывали частные магазины, где на огромных витринах едва разглядишь несколько жалких жвачек, чупа-чупсов и сигаретных пачек.

Было такое ощущение, что весь установившийся уклад скоро ухнет в бездонную яму — вот это будет апофеоз! Не «милицианера», а хуже. Всего карточного домика Перестройки. Опять собственными руками все разрушим — до основания. А затем?... Кто был никем, станет трижды никем. А какой-нибудь пострел выловит в мутной луже целого кита...

Михаил решил посоветоваться с завхозом школы. Дядька матерый. Сейчас на нем висит ремонт всех помещений к новому учебному году. Может, что подскажет.

Сначала надо заглянуть на склад, где хранятся стройматериалы. А если завхоза там не окажется, придется шастать по всем корпусам, отыскивая по шуму, где сейчас орудует бригада шабашников.

До школы недалеко — выйдешь через дворы меж типовых двухэтажек — и сразу перед тобой растянувшаяся на целый квартал бывшая альма-матер, куда и он ходил. Михаилу повезло: завхоз разобрал какие-то бумаги у себя, где оборудовал уголок со столиком и парой списанных кресел. Краснолицый здоровяк, тертый калач. Себе на уме, однако сразу дал Михаилу «наколку»:

— Да вот тут рядом, в Школьном переулке живет один татарин с русской фамилией Захаров. Мастак. Как раз оказался не у дел. Он плотничал в ПМК-154. Организация занималась новым спортивным комплексом. Захаров сделал там всю резьбу на отделке. Это было просто чудо...

Вешкин слышал об этом необычном объекте, издалека виден арочный огромный ангар, покрытый листовым оцинкованным железом. Такого строения еще не знал район. Близился день сдачи, а потом случилось непонятное. Недосмотрели, не подумали об охране. Девтора ночью сорвала хлипкий замок на двери и стала среди этих поистине царских покоев забавляться. Сделали коптилку на керосине и в конце концов устроили поджог. Все внутри выгорело дотла, а отвечать некому.

— Такая была тонкая работа, и все пошло прахом! — сокрушался деятельный завхоз. — Больше такой стройки не будет. Начался развал. Теперь растаскивают обгорелые листы с ангара все кому не лень. Захарову даже не заплатили за ту работу. Да ты, наверное, слышал, что он гонялся с топором за своим начальником вокруг конторы. За это и уволили. Тебе бы как раз подошел такой мастер для кружковой работы. Только ты не говори заведующей о его выходке. Он и к нам просился в бригаду хоть кем, но директор школы — жуткий перестраховщик, побоялся взять его.

Завхоз уточнил дорогу к дому краснодеревщика:

— По левую сторону напротив детсада увидишь дом, узнаешь его по воротам — на них тоже какие-то деревянные узоры. Да вот еще что. Говорят, он топтал зону. Но ты об этом тоже не говори заведующей, а то не допустит до работы...

Михаила покорежило от столь «радужного» известия. С такой биографией нельзя и близко подпускать к детям. Хотел даже пройти мимо этого дома, но ведь другого выхода нет. Хоть бы еще с годик продержалась их станция. Каждый раз ему приходится набирать новый штат. Правда, внезапно напросился вести у него кружок по дартсу давний знакомый Олег Крымов — гулена, ходок, каких свет не видывал. Не зря его прозвали в народе Крым-рымов. Лет пять назад он окончил пединститут. Его поставили завучем в интернате. Значит, турнули оттуда. И там завел шашни с преподавательницами. Как только терпит все это молодая жена? Бросила благоустроенный Кустанай и поехала за ним в эту дыру. Да куда ей деваться — ждет второго ребенка...

Еще согласился вести на полставки радиотехнический кружок другой знакомый — Семен Шумилов, начальник вневедомственной охраны, которую тоже сильно потрепало. Из-за массовой ликвидации контор и сторожа теряют работу. Именно этот хваткий Шумилов и предложил на пару установить новые токарные станки. Неделю потрудились — и еще одна зарплата в кармане. Михаилу пришлось долго вручную просверливать бетонную стену, чтобы напрямую запитать кабель от пакетника с той стороны. Все руки изорвал, орудия ручками метровой трубки с приваренным сверлом. Петрович сам все время нудил: будут станки, тогда и детей можно заманить. А потом вместо благодарности неожиданно стал кляузничать. И на что надеялся?..

Еще у Михаила есть в сельских школах три трудовика, которые взяли часы технического творчества от СЮТ. Если согласится вести кружок резьбы этот Захаров, тогда станция уцелеет...

Так по дороге размышлял Вешкин, пока не утонул взглядом в вычурных воротах — на обеих половинках какие-то разноцветные резные клоуны. На стук в калитку

вышла сдобная женщина — смуглая, с усиками, тоже из земляков мужа. Взгляд ее был лишен малейших проблесков интеллекта, она являла собой распространенный образец подавленности бытом.

— Он как раз спит,— шепотом объявила она опасливо, узнав о цели визита незнакомца.— Ох, и не любит, когда его будят! Даже не знаю, что делать...

— Придется разбудить. Ему же нужна работа?

Вдвоем прошли в саманный домик скромных размеров и оказались в зале, где на диване прикорнул пегий от седовласости хозяин. Убранство было очень скудным, лишь на стене инородно красовалась трехсекционная полочка с резными дверцами в верхнем отсеке. Снизу были приделаны штыри, на которых висели свеженькие скалки, разделочные доски, еще не применявшиеся по своему прямому назначению.

Женщина поднесла свои телеса к дивану и стала аккуратно тормошить лежащего. Тот резко приподнялся на локтях и разразился бранью:

— Сколько раз предупреждал тебя! По зубам захотела, дурында?..

— Тебя зовут на работу,— стала оправдываться хозяйка.

Мужик недовольно откинулся на спинку дивана, протирая глаза. Только теперь он заметил в дверях постороннюю фигуру.

— Говорят, вы хороший резчик,— стал объяснять Михаил свое непрошеное вторжение.— Я директор станции юных техников, хотя это громко сказано. Вы бы нам подошли...

Мужик мгновенно переменялся. Он резво нащупал ногами шлепанцы. Угодливо сгорбился перед незнакомцем, щетинистый, малорослый. Подобострастие в глазах.

— Извините, а чем там занимаются?

— Вы могли бы открыть кружок резьбы по дереву. Зарплата, правда, так себе, но зато особо не перерабатываемся. Вот я вижу на стене — гарнитур под старину. Ваша работа?

— Балуюсь помаленьку,— закивал головой хозяин, улыбаясь железными зубами.

— Покажи ему и шкатулку,— засуетилась супружница.

Плотник юркнул в спальню и вынес небольшой лаковый ларец, весь ребриющийся ромбиками резьбы.

— Такое не купишь ни в одном магазине,— оценил Михаил тонкость работы.— Я как раз недавно видел в культтоварах набор резцов...

— Это дешевка, если не сказать хуже,— сморщился Захаров.— Ими невозможно работать — сразу тупятся. У меня свои резцы.

Седовласый оставил ларец на диване и взял с подоконника фанерную коробку, в которой звякнули железяки.

— Вот какой у меня инструмент! Выточил из полотен, которыми пилят рельсы. Только такая сталь годится.

Резцы были очень замысловатой формы, двусторонними, похожими на раскрытые крылья птиц. Вместо ручек обмотки синей изолянт.

— А из какой древесины режете? Не из сосны же...

— Липа. Только липа...

— А где ее достанешь в наших краях? Даже не представляю...

— Пойдемте, что-то покажу в сарае, у меня там мастерская,— загадочно произнес мастер.

Во дворе рядом с сараем была сделана пристройка. Там стоял верстак, а в углу высился целый стеллаж ровненьких досточек по полтора метра длиной, без единого сучка.

— Я разглядел эти рейки на складе в ПМК. Там даже не догадывались, что это за ценность, думали осина, балбесы. Я не будь дурак, потихоньку все до одной рейки перетаскал домой, а то бы сколотили из них штaketник. Слишком жирно было бы. Этого мне надолго хватит. Можно наделать целую кучу шкатулок.

Начальник СЮТ посмотрел на часы.

— Еще полтора часа у нас есть. Давайте прямо сейчас сходим на станцию, покажу кабинет, где будете полным хозяином. А потом — к заведующей. Надо срочно заполнить штатную ведомость, чтобы утвердили в области.

Хозяйка опять встряла в мужской разговор:

— Ильяс, может, наденешь пиджак?

— Буду я еще выржаться! — опять вспылил плотник. — Не праздник...

И добавил уже для Михаила:

— Что возьмешь с бабы, кроме анализов. Волос длинный, ум короткий...

Хозяйка проглотила незаслуженную пилюлю, видно, привыкла к такому обращению. Захаров только накинул на себя спецовку.

— Давайте захватим шкатулку, покажем заведующей, — сообразил Вешкин, зная рано или поздно заведующей шепнут, что у нового руководителя кружка криминальное прошлое. Надо подсуетиться.

На станции Захаров деловито осмотрел токарные станки. Брезгливо подержал в руках прилагавшиеся к ним резцы с деревянными ручками.

— Я сделаю получше — из плоских напильников. Здесь же выделяют средства на инструмент?

— Конечно, я все закуплю, составьте список.

Отправились к заведующей, — к концу рабочего дня даже удобней, наверняка она уже не занята. Валентина Ивановна оказалась одна в кабинете.

— Вот, нашел кудесника! — с порога возгласил Михаил, подталкивая вперед жмушгося плотника. — Продемонстрируйте-ка свой шедевр...

Захаров на полусогнутых подсеменял к заведующей и стал суетливо разворачивать газетный сверток.

— Вот, оно...

Красноречием он не отличался.

— Боже мой! — всплеснула руками Валентина Ивановна, увидев переливающуюся лаком и подрумяненную морилкой шкатулку.

Ее владелец открыл крышку, внутри вещица была отделана бордовым бархатом. Поставил ее на стол перед заведующей и угодливо отошел назад, комкая в руках газету.

— Вот...

— Так что это, подарок? — она не верила своим глазам, не имея сил отказаться от такого неожиданного и вроде бы незаслуженного презента.

Захаров помялся и что-то утвердительно гукнул; видно, ему самому только что спонтанно пришло в голову подарить свое изделие хорошему человеку.

— Вот это да! Спасибочки!

Валентина Ивановна перевела взгляд на директора СЮТ.

— Помогите ему написать заявление и пусть секретарша зарегистрирует...

* * *

В сентябре Михаил Вешкин намалевал на ватмане приглашение записываться на кружки: дартса, радиотехнический, резьбы по дереву и фотодело, который вел сам. Сходил в школу и прикрепил кнопками лист на стенде объявлений.

Буквально через пару часов на половину СЮТ зашла директор Дома пионеров, почти ровесница Сауле Талгатовна и приватно известила коллегу, что его плакат сняла со школьной доски завуч, занудная старая дева: «Нечего здесь распоряжаться чужакам!» Валентина Ивановна такое бы не поощрила, но Михаил не любил ввязываться в контры с женщинами. В таком случае придется пройтись по шестым-седьмым классам, чтобы сагитировать кого-то на кружки.

Михаил мобилизовал Крымова и Захарова походить по классам, желательно не попадаясь на глаза вездесущему завучу, иначе и здесь вдохновится на препоны. Все учителя в школе были знакомы, не бранились, когда тройца вваливалась в класс посреди урока, и разрешали сделать объявление. Крымов демонстрировал подросткам дротик дартса, а Захаров зеркальце в резной рамке с ручкой вполне музейного вида. Детвора почти всем скопом бездумно поднимала руки, записываясь в кружки. Вешкин на ходу записывал в блокнот фамилии, называл дни и часы занятий. Пусть в Дом творчества явится лишь треть из записавшихся — и этого будет достаточно.

Поначалу детвора действительно стала после уроков со своими портфелями за-скакивать в Дом творчества. В кабинете Крымова слышались хлопанья по мишени оперенных дротиков. Захаров тоже занимался делом. Он склеил, зажав винтами в стусле, новую заготовку для шкатулки. Выдержав какое-то время, освободил ее и стал расчерчивать на ней карандашом под линейку узоры, а кружочки выводил циркулем. Детвора, сугубо мальчишки, обступала его, сидящего у верстака на стуле. Он давил резцом по черте, глубоко вгрызаясь в древесину. Резал не от себя, а на себя. Михаил невольно ежился: если так попробуют действовать ребята, могут по неосторожности поранить себя.

Мастер на глазах за полчаса покрыл резьбой одну сторону шкатулки. На ее углах не было шиповой связки, планки соединялись проще — в два ножовочных пропила вставлялся кусочек деревянной линейки, а когда клей подсыхал, резцом срезали выступы. Корпус шкатулки становился прочным, резьбой можно было покрывать и углы.

На следующей неделе все бока шкатулки пестрели геометрическими узорами. Захаров приготовил из более толстого куска липы два бруска, по всему периметру срезал на них полсантиметра с краев. В центре оказался выступающий прямоугольник, ровно входящий в пустые места заготовки — дно и крышка. Посадил все это на клей и зажал в верстаке. На очередном занятии разрисовал узорами крышку. В центре был круг в виде солнца с расходящимися конусами лучей. Донную часть обработал резцом только сбоку.

— А как она будет открываться? — недоумевали школьники.

— Глядите, неучи! — подстрекнул их довольный вниманием Захаров.

Взял лучевую пилу и отпилил верх шкатулки, отступив от крышки на сантиметр. В этом месте среди узоров оставалась свободная полоса. Теперь крышка просто снималась. Руководитель вынул из кармана спецовки маленькие навесики.

— Теперь осталось врезать эти штуки.

— А по-другому нельзя делать шкатулку? — кто-то надеялся на более легкий вариант.

— Если делать крышку отдельно, очень трудно ее подгонять, — щедро раскрывал свои секреты плотник. — Получится шире или уже, а то и наперекосьяк. А так все идеально подходит...

Намедни Захаров покрыл шкатулку вишневым морилкой, разведя в воде горсточку бордового порошка. На очередном занятии объявил:

— Теперь можно покрывать лаком.

И заработал мелкой беличьей кисточкой, тщательно на три раза промазывая все углубления. Когда лак просох, прошелся везде шкуркой-нулевкой, убирая поднявшийся ворс. Потом стал той же кисточкой прохаживаться по изделию растворителем.

— Зачем? — опять кто-то не понял таких действий. — Смоется лак...

— Чтобы блестело, господа прогульщики! — поучающее откликнулся старикашка.

И действительно — шкатулка засияла при свете электролампочки под потолком.

Даже Михаил подивился, насколько замысловата технология изготовления. В школе одноклассники на трудах выпиливали шкатулки из магазинных фанерных наборов, но это такой примитив! А у этого умельца можно перенять между делом массу секретов.

На заключительном этапе Захаров попросил на кружке кройки и шитья Дома пионеров обрезки плотной ткани. Его щедро снабдили лазурным бархатом — то что надо!

Кружковцы думали, что каждому из них на занятиях сделают по шкатулке, но руководитель быстро охладил их пыл.

— У вас есть дома липовые доски? То-то! Можно, конечно, резать из осины или клена, но такая древесина гораздо тверже, замучаешься давить резцом, и со временем дерево может покоробиться, изойти трещинами.

И добавил скорее для находившегося рядом начальника:

— Свой материал не могу разбазаривать. Сейчас начну делать для областной выставки этажерку, на нее тоже немало уйдет реек из моих запасов...

Детвора заметно приуныла, пришлось вмешаться Михаилу:

— Тогда, может, детишкам заняться разделочными досками — маме в подарок...

— Это дело, — подхватил мастер и скомандовал кружковцам: — Ищите дома березовые доски. Отпилите нужный кусок, только без сучков. Здесь обстругаем и делаем все остальное...

Ребята принесли нужные доски, кроме одного мальчишки, который жил в пятиэтажке, и у него не было сарая с дровами и досками. Захаров выудил из своих запасов кусок многослойной фанеры и нанес на него контур разделочной доски. Протянул пацану:

— Вот, отпиливай лишнее, балбес, только, поосторожней...

Ножовка у него была так тщательно заточена, что сама вгрызалась в древесину.

Школьники не обижались на то, что наставник все время величает их недоумками. Он же не всерьез...

* * *

Захаров в течение месяца сделал прелестную этажерку с разными отсеками и ящичками. Высший пилотаж! На итоговой выставке «с разгону» оценят высшим баллом.

Про его искусство уже прослышали, и однажды в мастерскую забрела технолог общепита разбитная разведенка Баженова, являя собой очень лакомый кус — в расцвете сил, яркая без всякой косметики. Михаил заметил: как только на горизонте появляются фемины, у Захарова неестественно разгораются глаза — наверное, истосковался по женщинам во время длительной отсидки, недобрал своего. А Баженову он просто поедал взглядом, тем более что она явилась именно к нему. Месяц назад разнеслась по городку весть, изрядно позабавившая обывателей. Заведующий общепитом вез Баженову и ее подругу с какой-то загородной пирушки, устроенной в рабочее время, и на полном ходу врезался в первый же городской столб, безбожно смяв капот своей легковушки. При этом подруга Баженовой сломала ключицу. Незамедлительно подъехали сотрудники ГАИ и разглядели, что завобщепитом в изрядном подпитии. Так все тайное вылезло наружу. История умалчивает, устраивала ли разборки жена общепитовца. Однако сейчас Баженова выглядела вполне невозмутимой.

— Дружище, — по-свойски подкатила она к Захарову, зная цену своей неразменной привлекательности, — я слышала, ты штампуешь разделочные доски. Мне как раз нужна одна для ресторана.

Захаров не спешил с ответом, чтобы его хорошенько поупрашивали.

— Что? — не поняла она его заторможенность. — Думаешь, я бесплатно? Я заплачу.

— Гусары с женщин денег не берут, — попробовал пошутить Захаров с прозрачным намеком.

— Да ладно тебе! — заученно отговорила гостя, пылая спелым румянцем на щеках. — Ты уже возрастной...

— Старый конь борозды не портит,— опять потянуло старичка на примитив, более оригинального он не мог сходу придумать.

— Ну, не ломайся,— напирала раскрасавица.— Я знаю, у тебя есть в запасе...

Захаров игриво затопал в угол походкой крадущегося кота, приговаривая на каждом шажке «Ох, ох, ох...» Выудил из своего тайника разделочную доску небывалой ширины — и где он только раздобыл такой массив? Той же перекачкой подошел к разделке, поднося дар. Выглядел он перед ней очень куце, так как был ниже на полголовы и не таким упитанным. Баженова протянула деньги, но он с брезгливым видом отстранился, делано поморщившись. Михаил, оценив его дурость, кивал со стороны: бери, бери! Но тот решил покрасоваться на славу.

Баженова довольной ушла восвояси. Михаил не выдержал:

— Ну и напрасно не взяли деньги. Больше от нее ничего не дождетесь...

— Посмотрим...

— Она гуляет только с начальством. Это ее фишка. Так что все бесполезно...

— Тогда я сделаю ей шанкир,— в который раз употребил Захаров непонятное словечко, нахмурившись. Михаил не стал уточнять, что это такое, наверное, тюремный жаргон.

Стали уже задерживать зарплату. Михаил удивлялся непрактичности своего работника, которого называл просто Захарыч. С его золотыми руками другой бы озолотился, а у него все идет не впрок. На днях начальника СЮТ отправляли в область на недельные курсы. В гостинице он познакомился с двумя пронырливыми людьми, которые открыли кооператив по ширпотребу. Он рассказал им про своего умельца, те сразу заинтересовались.

— Пусть наделает шкатулок и разного прочего, чтобы поместилось в фургон «Москвича-пирожка». Мы же не поедем из-за двух-трех шкатулок. Вот наш адрес и телефон. Звоните, условимся о цене,— которая устроит вашего работника и по которой мы реально сможем реализовать товар.

Когда Михаил поставил об этом в известность Захарова, тот вместо делового разговора начал выделываться:

— У них есть миллион долларов?

И приподнял с пола свою завидную этажерку.

— Такому место лишь в музее!..

— Захарыч, давайте поближе к реальности. Может, и я подключусь, вместе подзаработаем.

Но он так и не сказал ничего вразумительного. Зато вскорости стал хамить из-за дрянной задержки зарплаты:

— Не можешь пробить. Какой тогда ты начальник?..

А поначалу величал его по имени-отчеству: Михаил Иванович.

— Я и сам в таком же положении,— оправдывался Михаил.— В кассе немного ссужают остронуждающимся...

— А мы не нуждаемся? — упорно твердил Захаров.

Сам же взял и просто так, что называется от балды, отдал разделочную доску, да еще такую редкостную. Баженова не промах девица. Возьмет в хозмаге липовый счет, оформит эту доску и присвоит себе чужой заработок.

А с этажеркой и вовсе произошел казус — глупее не придумаешь. Собираясь домой на обед, Михаил заглянул в приоткрытую дверь мастерской и увидел, что Захаров демонстрирует какому-то барыге свою этажерку. Подумал, торгуются. Ну и ладно, пусть хоть что-то заработает, меньше станет ворчать...

После обеда директор застал в мастерской дивную картину: Захаров мертвецки спит прямо среди стружек, на верстаке опорожненная бутылка водки, остатки закуски. «Налакался! — поморщился Михаил.— Обмывал что ли продажу...»

Быстренько закрыл на ключ комнату и пошел в свою фотомастерскую. К нему

тоже стало все меньше и меньше ходить кружковцев. Он специально устраивал фотосессии, чтобы у школьников была хоть такая заинтересованность. Тут же проявляли пленку, сушили ее под настольной лампой, чтоб побыстрее. Садись за фотоувеличитель, делали карточки. Ребятам не терпелось взять домой свои фотки, они лишь слегка прополаскивали снимки после закрепителя, забрызгивая панели, и тут же к глянецвателю. Сколько ни предупреждал руководитель кружка, что такие отпечатки очень быстро пожелтеют, ничего не помогало — ребята лихорадочно торопились, словно сделать снимки — все равно что быстрее всех пробежать стометровку.

Потом и вовсе стали являться на кружок по два-три человека.

— Остальные сказали, что больше не будут ходить...

В первый год работы Михаил набрал такую классную группу! Спаялись, летом даже брали палатку, садились на велосипеды и ехали полевыми дорогами на озеро Копытное за пятнадцать километров. Вот это была компания — веселая, с юмором! Брал ребят с собой на областную выставку, разок они даже попали на передачу местного телевидения. Теперь эти ребята в выпускном классе — им не до кружков. Да и всему научились уже, свободно фотографируют, без подсказок.

Через пару часов Михаил отпер мастерскую. Захаров по-прежнему похрапывал на полу. Стал тормошить его.

— А? Что? — взметнулся он недовольно, словно был в своем доме.

Проморгался и понял, что все-таки на работе в таком непрезентабельном виде.

— Что ж вы так, Захарыч? Хорошо хоть никто этого не увидел...

— А где моя этажерка? — оглянулся он вокруг себя.

Его изделие действительно исчезло.

— Я думал, вы ее продали...

— Где этот мужик? — вскочил на ноги Захаров. Выбежал на улицу, заглянул за угол Дома творчества. Михаил ходил следом за ним.

— Ты не знаешь его? — растерянно спрашивал Захаров.

— Я думал, вы знакомы. Ну, тогда ищи ветра в поле...

Хитрый мужик подпоил Захарова и унес этажерку, хотя через дорогу сверкал одинарными стеклами в алюминиевых рамах новый трехэтажный корпус милиции. Скорее всего, хват ушел дворами...

* * *

После этого случая Захаров начал срывать злость на кружковцах: постоянно одергивал их, передразнивал. Вскоре стал пропадать инструмент. После занятий недосчитывались многого. Первым делом испарились надфили, которыми школьники обрабатывали разделочные доски и другую мелочь. Их легко можно спрятать в карманах. Потом дело дошло до напильников, на глазах таяла наждачная бумага. Директор СЮТ посоветовал записывать, что кому выдано, а после занятий делать сверку. Но и это не помогало. Кто-то отпраивался на улицу якобы «до ветра», а потом не возвращался. Вместе с такими ловкачами исчезали очередные напильники, пилочки, плоскогубцы, — не будешь же каждого обыскивать.

— Да они ходят сюда лишь для того, чтобы что-то спереть, — возмущался Захаров, прохаживаясь по опустевшему кабинету.

Такого раньше действительно не было. Наступали другие времена, когда с телеэкранов стали внедрять в сознание, что теперь каждый сам за себя, а за место под солнцем надо бороться со всей изворотливостью. И сам городок подавал заразительный пример: деятельные индивидуумы приватизировали не только государственный транспорт, но и целые здания.

От Захарова теперь чаще несло сивушным душком, он стал не в меру раздражительным. На кружке дартса тоже воцарилось затишье. Школьники сами накупили

дротиков и упражнялись в меткости уже у себя дома. Крымов беспечно разводил руками, видя недовольное лицо директора станции.

— Могу водить с собой сынка для блезира — вроде, тоже кружковец...

— А то не видно, что он еще не дорос до школы...

— Буду говорить, что он вундеркинд,— посмеивался ловелас.

— Посмотри, на вязальном кружке всего пять-шесть человек, одни и те же лица, но я никогда не видел, чтобы хоть одно занятие было пропущено полным составом. Хоть кто-то да сидит...

— То девочки, они всегда сознательней...

Однажды Крымов подманил пальцем своего шефа-дружбана и с таинственным видом спросил вполголоса:

— Ты хоть знаешь, за что парился твой хваленый мастер?..

Михаил внутренне сжался: ну, сейчас выдадут! И — точно:

— За убийство своей жены.

— Вот это да!..

— Наверно, Валентина Ивановна еще не в курсе,— догадливо протянул Крымов, с сочувственным лицом демонстрируя собеседнику свою полезность.

— Ты хоть пока никому не трезвонь. Надо продержаться этот год. Сам видишь, что сейчас творится. Придумали хитрое слово оптимизация — и давай сокращать каждого второго...

От нечего делать втроем собиравшись у Захарова послушать его тюремные байки. Он действительно частенько выдавал настоящий эксклюзив из заповолочного специфического быта.

— На «химии» я был в Альметьевске, это у нашего брата — у татар. В основном строили дома. Иногда шабашили у частников. Которые пощеднее, тем все делали на совесть. А попадались такие жлобы! Не хотят платить, и давай придумывать разные отговорки. Но таких мы могли здорово проучить — век будут помнить. Можно сделать так, чтобы в доме всегда отдавало тухлятиной, а хозяин не докопается, от чего это.

— Как? — живо настораживался авантюрный Крымов, видимо, жажда пополнить свою копилку, вдруг пригодится на жизненных расстанях.

— Когда штукатурим, замуровываем в углублении яйцо, а потом шилом протыкаем в том месте дырочку. Яйцо протухнет, и потянутся невыносимые вонизмы...

Михаил с Олегом переглянулись: додумался же кто-то до такого трюка! Наверное, не от хорошей жизни...

— А еще можно сделать так, что печная труба будет выть — хоть уши затыкай. Одному жлобу мы сделали фирменный подвох, чтобы он не мог как следует протопить дом. В подвальных стенах оставили хитрые щели — не напрямую, а зигзагом, чтоб не светилось. Можно и в кирпичной кладке такое сотворить. Жмотов учить надо, правильно я говорю?..

Слушатели согласно поддакивали.

— Вот директор Карамов прихватизировал целый ремзавод. Почему не мне или слесарю Иванову-Петрову он достался? Специально обанкротили завод, сократили рабочих и давай дербанить. Мне сказали, что сейчас Карамов под шумок грузит заводские станки на платформы и отправляет в Казань. Видно, туда решил махнуть. По какому праву все ему одному досталось?..

Захаров аж скрипнул зубами.

— Жил бы поближе, я бы ему устроил. Подложил бы что-то в бензобак, чтобы через полчаса жахнуло...

Он вскочил со стула и нервно зашагал по мастерской, пиная стружки.

— Ничего, настанет время, и этих олигархов будут подвешивать на березах вверх ногами...

Его ненависть к нуворишам не знала границ. Подбежал к шкафу, выудил железную фляжку и хлопнул стаканчик мутного зелья.

— Захарыч, не в рабочее же время! — возмутился для порядка директор СЮТ.

— Ильяс Батькович! — подмигнул Олег шефу.— Между нами, здесь все свои. Нам интересно, что у вас произошло с первой женой? Если в лом, можете не говорить...

— Как что? — встрепенулся он и добавил почти плача: — Загуляла на всю катушку, а мне — убивай?..

Словно жаловался, что ему пришлось совершить такое.

Вешкин с Крымовым потихоньку исчезли из мастерской и опомнились в кабинете напротив, где на стене висела побитая мишень для дартса.

— Да,— протянул Олег, давая понять, что он не возводил напраслину на плотника, и дальновидно добавил: — Он когда-нибудь тебе сделает!..

Директор не знал, что и сказать. Крымов усмехнулся:

— Я вижу, у тебя работают одни...

Он затруднился с подбором синонима к просящемуся диагностическому слову.

— Я понял. Да разве найдешь нормального на смешную зарплату? Один шустрый, да ты его знаешь, Мухортов, в прошлом году навязался вести радиотехнику. Я чувствовал, что толку не дождешься. Потом его призвали в армию, и он напоследок унес домой музыкальный центр. Я ему по-хорошему: верни! С меня бы высчитали недостачу. Увиливает. А когда ему пришла повестка из угро, сразу прибежал. Мол, зачем так, мама расстроилась. А как еще с такими?..

— Он так и не пошел служить, наверно, отмазался,— вставил всезнающе Крымов.— А еще у тебя вертелся этот сынок инспекторши финотдела, редкий бездельник...

— Он нигде не хотел работать. Мамаша привела его, упросила взять. А он пару раз показался и надолго исчез. Думал, просто так будут давать зарплату. Уволил его, а мамаша оскорбилась и устроила проверку. Ходили, считали детей. А потом этот Петрович устроил бучу. И так каждый раз, только и жди от кого-нибудь сюрприза...

* * *

После Нового года Крымов бросил свой осиротевший кружок и подался в предприниматели — собирать металлолом на заброшенных предприятиях. Михаил боялся, вдруг до Валентины Ивановны дойдет новость, что у Захарова тяжелая статья, несовместимая с такой работой, но ее внезапно положили в областную клинику на операцию. Мало кто знал, что она уже проходила химиотерапию и облучение по поводу онкологии.

В Дом творчества стал заглядывать муж заведующей Валерий Сергеевич, который был в том же РОНО инспектором по трудовому обучению. Простодыра, немного напоминающий киношного Шурика в очках. Забавно было наблюдать на планерках, как Валентина Ивановна выслушивает отчеты сотрудников о проделанной за неделю работе, в том числе и его. Он, как школьник, вскакивал за общим столом и тараторил, называя свою жену по имени-отчеству. Она его так же на полном серьезе, словно дома все это не обговорили со всех сторон. Теперь он, единственный мужчина отдела, искал возможности выговориться в мужской компании. От него и узнавали о положении дел.

— Вчера Валентине Ивановне ампутировали часть прямой кишки...

Все понимали, что это означает такая сложная операция. Пациенту выводят кишку на живот, и всю оставшуюся жизнь придется ходить с упрятанной под бельем резиновой уткой. Вряд ли такой человек сможет остаться на руководящей должности.

Но Валентина Ивановна вернулась на свой пост. Выглядела она довольно бодро, проводя совещание с директорами и завучами школ в актовом зале Дома творчества. Михаил замечал, что все присматриваются к ее фигуре и одежде, но не было видно никаких изменений. Вот и славненько! Еще поработает. Такие специалисты, что на-

зывается, штучны. Она все решала по справедливости, юлить перед ней себе во вред, лучше говорить начистоту, она всегда поймет и поступит правильно...

В школах и во внешкольных учреждениях начались массовые проверки. Значит, готовилась очередная оптимизация. Ищут слабые звенья, а это в первую очередь — наполняемость кружков. Ясное дело, что сократят СЮТ, если даже огромный ремзавод приказал долго жить.

Хорошо хоть всех заранее оповещали, куда сегодня направят стопы областные проверяющие. Михаил сообразил сходить на большой перемене к школе. Собрал во дворе пацанов средних классов и пообещал показать видеофильм, если те придут после занятий и разойдутся по кружкам, делая вид, что занимаются. В городке мало пока было видеоманитофонов, и ребяшня клюнула на это.

После обеда Вешкин принес из дома видак, выпросил у Сауле Талгатовны телевизор, объяснив ситуацию. Проверяющие убедились, что дети присутствуют, однако не везде ведутся журналы посещаемости. На станции они действительно давно не заполнялись. После ухода комиссии детвора собралась в выставочной комнате СЮТ, как самой большой. Старые модели Михаил упрятал в кладовку, зная, какая участь их может ожидать.

После просмотра боевика «Коммандо», который закончился уже в нерабочее время, Михаил обнаружил в комнате настоящий погром, иначе это и не назовешь. Все декоративные элементы и ручки были выковыряны с обшивки серванта, пол усеян толстым слоем семечной шелухи. Какой-то умник специально на протяжении всего сеанса посылал плевки в одно место, отчего образовалась вызывающе огромная пенная лужица. Прямо в книгу рекордов Гиннеса! Если все это увидит техничка, она откажется убирать, да еще и нажалуется заведующей.

Пришлось директору самому браться за веник и выметать мусор. Особенно противно было ликвидировать наплеванное. Оказалось, что и стенды с фотографиями исписаны неприличными словесами, а на том, где были приклеены разноцветные прямоугольнички-упаковки от различных видов фотопленки, в том числе и импортной, сорваны самые красивые и редкие, чего не бывает в продаже. Михаил все это выпрашивал в разных лабораториях.

После такого Вешкин утвердился во мнении: да пусть закрывают станцию! Она больше не нужна, раз пошла такая молодежь. Прежде все вытягивались по струнке перед взрослыми, а теперь творят, что хотят, и ничего нельзя возразить — сам окажешься виноватым. Он сам от себя не ожидал, что окажется в стане пессимистов.

* * *

В марте должна была состояться областная выставка технического творчества. На сей раз в створ рыночных отношений ее решили сделать коммерческой — кое-что пустить на продажу, чтобы и внешкольные учреждения приносили хоть какой-то доход.

Захаров для своей жены потихоньку делал электрическую прялку. Это было заковыристо, так как он действовал не по чертежам, а на глазок. Увидел у кого-то, перерисовал узлы и решил скопировать. Сам вытачивал из дерева кругляши и шкивы с углублениями на ребрах для натягивания шнуров.

Когда прялка вчерне была готова, пригласил шефа и директора Дома пионеров, чтобы продемонстрировать свое умение и в этом. Он даже запасся куском шерсти. Сауле Талгатовна восхищенно затараторила:

— Ой, какая вещь! У нас ножная, уже древняя, скоро рассыплется. Мамаша постоянно вяжет носки. Неплохо бы иметь такую дома...

Захаров включил прялку, она затарахтела, задвигала мослами. Он хотел сам попробовать спрятать несколько витков, но директриса азартно сунулась вперед.

— Дайте я попробую...

Присела на маленькую табуретку возле прялки, попыталась скрутить нить пряжи, но не тут-то было. Прялка тянула руку вместе с пряжей, всякий раз обрывая нить. Сколько ни пыталась директриса приноровиться, совершенно ничего не получалась.

— Захарыч, да твоя прялка бешеная. За ней невозможно угнаться!..

Плотник выключил прялку, почесывая за ухом. Приглашенная ушла к себе разочарованная.

— Не подрассчитал с диаметром шкива,— стал оправдываться сконфуженный Захаров.— Надо переделывать...

На радиотехническом кружке Шумилов для выставки пообещал сделать настоящий ресивер. Он увлекался радиоэфиром на коротких волнах и кое-что в этом понимал. С наполняемостью кружка его выручал старший сын-восьмиклассник, который приводил с собой двух приятелей с серьезными лицами. Занятия у них начинались поздно, когда начальник охраны освобождался на основной работе. Ну, хотя бы так. Ребята что-то паяли для себя. Могли смастерить зарядное устройство или другую мелочь, полезную в хозяйстве.

На сельских филиалах тоже пообещали что-то подготовить для выставки. Один трудовик закончил сборку велосипеда из старых велосипедов. Оставалось все покрасить. А на продажу привезет разные скалки с толкушками. Михаил со своей стороны готовил из больших листов картона раскладушку с фотографиями. Он несколько раз выходил с ребятами на пленэр. Снимали виды с крутого берега Ишима, тальниковые заросли и заводы, панорамы окрестных улиц.

За это время Захаров дважды устраивал фокусы. На станцию прибежала его законная недотепа, чтобы спасти ситуацию. В первый раз после семейного скандала Захаров собрал сумку и подался на автовокзал, чтобы вечерним автобусом уехать к сыну, который жил в совхозе Донской за пятьдесят километров, в самой глуши. Вдвоем еле уговорили его вернуться, сын обещал его устроить плотником на ферме. Во второй раз его вызволяли уже из кутузки. Женушка сама сдала его за пьяный дебош. Михаилу пришлось обращаться к дальнему родственнику, работавшему в органах, чтобы помог вызволить буяна. Захаров вовсе не обрадовался, когда открыли камеру. Тут же стал злобно препираться с охранником, чем-то ему насолившему; Михаил уволок сотрудника за рукав, пока его снова не запечатали.

Но перед выставкой Захаров устроил целый «концерт». В восемь утра он должен был ждать в мастерской, собрав в дорогу прялку и разделочные доски. Еще Михаил попросил его принести из дома ту многоэтажную полочку, чтобы блеснуть на выставке и занять хоть какое-то место. Все работники станций так же беспардонно лукавили. Рассматривая привезенные экспонаты, трудно было поверить, что все это сделано руками тринадцатилетних.

В назначенное время Захарова на месте не оказалось. Михаил сам собрал все нужное в его кабинете и отнес в автолавку, где собралась делегация: два совместителя из совхозных школ, директриса Дома пионеров с сотрудницей, муж заведующей и еще одна инспекторша. Веломобиль тоже находился среди вещей. Сама заведующая сидела в кабине, ерзая от нетерпения.

Михаил стремглав понесся к нерадивому сотруднику. Слава богу, субботний день, на улицах никого. Миновал захламленные дворы, забежал на школьный двор и, обогнув главный корпус слева, влился в Школьный переулок. Остановился, задыхаясь, у знакомых ворот и стал ломиться в калитку. Никто из домочадцев не реагировал, хотя уже разрывался на части злющий дворовый пес. Михаил перепрыгнул через штакетник палисадника и стал стучать в окно зала. Наконец вышла заспанная толстушка и стала объяснять, что ночью опоросилась свинья, поэтому Ильяс почти не спал.

Михаил стал будить Захарова, конечно же, от него несло перегаром. Он недовольно разлепил глаза, не торопясь вставать.

— Быстрее, машина уже ждет!..

Тот стал ворчать, что сильно устал.

— Да там ничего не надо делать, просто сидеть с экспонатами...

— Я не бритый...

— Некогда уже, сойдет и так...

Вешкин больше всего боялся, что не получится прихватить на выставку эту аховую полочку, а без самого Захарова могли бы свободно обойтись. Хозяин тяжело встал и стал одеваться. Опять отказался облачаться в костюм, привыкший к своей издавшей виды черной спецовке. Михаил стал убирать с полочки разные флаконы, за это время обосновавшиеся там. Снял ее с гвоздей.

— Я сам понесу...

Двинулись в путь. Захаров еле передвигал ноги, нисколько не подгоняемый тем, что их давно ждут и могут из-за него опоздать на выставку — ехать больше ста километров по разбитой вдребезги трассе. Когда подошли к автолавке, заведующая разразилась бранью в открытое окно машины:

— Ну, сколько можно, в самом деле? Что это за сборы?..

Михаил успел занести в будку массивную полочку, высматривая, куда бы ее приулить среди людей и вещей. Валентина Ивановна еще что-то выдала, задевшее за живое Захарова. Он вдруг перешел на ругань:

— Мне на фиг не сперлась ваша выставка!..

— Ну и ступай домой! — отреагировала заведующая.

Но Захаров протянул руки в будку к своему шефу:

— Давай сюда полочку! Давай, сказал!..

Дело приняло совсем нехороший оборот, когда кого-то на глазах у всех понесло «в разнос».

— Да отдай ему! — крикнула из машины заведующая.

Михаил раздосадовано вернул сотруднику его добро.

— А теперь мою прялку! — не успокаивался плотник.

— Хочешь сорвать выставку? — тоже перешел на «ты» директор СЮТ.

— Давай ее сюда! Раз такие умники, без меня обойдетесь...

— Да поехали уже! — вмешался шофер, бывший «афганец». — И так опаздываем...

— Ну, я с тобой разберусь в понедельник! — пригрозила Валентина Ивановна, и машина наконец тронулась с места.

В Аркалыке на центральной площади уже заканчивали расставлять экспонаты. Опоздавшие типчакцы стали «в темпе вальса» вытаскивать из машины свое. Михаил сам выбирал место для выставочных вещей, а предназначавшееся на продажу упокоилось на столах. Еще надо было прикрепить заранее приготовленные бирки с описанием экспонатов. Успели-таки...

С десяти любопытствующий народец стал скапливаться на площади. Комиссия областной СЮТ оценивала экспонаты, выставя баллы. В конце концов, жюри объявило, что типчакцы заняли второе место, на это Михаил особо не рассчитывал. Заведующая посмотрела на него с явным уважением.

Народ раскупал деревянный ширпотреб. Кто-то вожделенно присматривался к велосипеду, но он, к сожалению, не продавался. Тут к Вешкину и стоявшему рядом Валерию Сергеевичу обратился какой-то аксакал, захвативший сюда на лошади, он привязал ее к дереву поодаль.

— Работает?

Он кнутом показывал на прялку, которую к выставке покрыли лаком.

— Работает, — автоматически ответил Михаил.

— Продавай моей бабка...

— Это не продается.

— Зашем? Все продается... Сто рублей даю.

Валерий Сергеевич извилисто ответил на немой вопрос в глазах Михаила:

— Вообще-то нам нужно заправлять бензином машину. Мы тут со скалками работали только на пирожки. Все копеечное — по два-три рубля...

— Захарыч обидится.

Аксакал не уходил:

— Сто двадцать даю. Мало? Больше нету...

— Продай,— давал добро муж заведующей.— Захарову же платят зарплату за что-то. Тем более так вызываясь себя повел...

Аксакал хотел удостовериться, что прялка рабочая. Сходили в ближний магазин, где опробовали ее, подключив к розетке. Михаил отдал деньги заведующей. И только тут вспомнил, заполошно выдохнув в сторону Валерия Сергеевича:

— Совсем забыл! Прялка-то крутит, как ненормальная. Захаров не рассчитал со шкивом и не успел переделать ее. На ней невозможно прясть...

Валерий Сергеевич не сдержался, рассыпавшись в смехе:

— Вот расшумится апайка, когда попробует на ней прясть!..

Оглянулись по сторонам, но аксакал уже уехал на своей лошади...

После выставки Захаров помалкивал первую неделю, опасаясь, что его выгонят. Но Валентина Ивановна опять прихворнула, ее срочно положили в областную клинику. Потом Захаров словно очнулся:

— А где мои деньги за прялку?

— На них заправили машину, я же говорил...

— Меня это не касается. Пусть отдают мое!..

— Ладно, я скажу Валерию Сергеевичу...

А он и сам на следующий день зашел на станцию пообщаться с мужиками. Михаил перехватил его у входа и завел к себе. Поведал о претензиях распоясавшегося плотника. Он, наверное, совсем разругался со своей половинкой несмотря на то, что она пустила его к себе на постой. Поставил в мастерской топчан, ночует там. Сауле Талгатовна шепнула коллеге, что ночью проходила мимо и видела свет в окне мастерской. А все это бросается в глаза с крыльца милиции. Еще начнут интересоваться, с какой стати кто-то устроил в учреждении ночлежку.

— Да пусть скажет спасибо, что уцелел,— возмутился «трудолик».— Если бы не попала в больницу Валентина Ивановна, она бы его давно уволила. А сейчас не до него. Что-то не видно у него кружковцев, всех распугал...

И стал делиться горем:

— У Валентины Ивановны выходил наружу гной... ну, ты меня понимаешь. Врачи стали выдавливать его, и вдруг как выскочит наружу салфетка! Оказывается, ее забыли внутри во время операции. Такая вот халатность. Теперь совсем худо дело...

Вскоре заведующую вернули домой, так как рак перешел в четвертую стадию, а медицина тут бессильна. Ей каждый день колют морфий, чтобы не мучили адские боли. С трудом достали этот препарат, выходили аж на министерство. Кругом ведь сплошной дефицит. А все наркотическое контролируется, пустые ампулы надо сдавать.

Начальник СЮТ дал понять Захарову, что пусть больше не вспоминает о прялке. Тот, видно, подумал, что присвоили его деньги и ощерился:

— Если не отдадут деньги, тогда...

— Что тогда?..

У Захарова недобро вспыхнули глаза. Он ищуще огляделся в кабинете, словно искал что-то увесистое и травмирующее. Если бы кинулся к топору, Михаил бы успел среагировать и заломить ему руку за спину. Хуже, если бы он выхватил нож. Даже самые опытные единоборцы в один голос заявляют, что от ножей нет эффективных приемов. Если не окажется под рукой палки, чтобы удерживать дистанцию, лучше вовремя ретироваться. Это в кино снимают красивые сказочки, как безоружный играючи уклоняется от ударов самурайского меча и побеждает противника голыми руками. Несусветная глупость.

Захаров, видно, понял, что может схлопотать не слабую ответку. Заворчал и сел на стул.

— Вы бы лучше заделали одеялом окно, ночью милиции виден свет,— проронил Вешкин, выходя из мастерской. Больше он не стал в нее заходить.

В апреле пришел из области приказ о закрытии станции юных техников. Уцелел лишь Захаров. Сауле Талгатовна пообещала перевести его кружок к себе,— вообще-то больше был нужен завхоз: вставить разбитое стекло, поменять на двери замок, починить мебель.

Это известие Захаров принял воодушевленно. Стал смотреть сквозь своего бывшего шефа, который отработывал последние два месяца. У плотника вырвалось на ходу:

— ...а то развелось начальников. Брось палку — обязательно попадешь в какого-нибудь начальничка.

Сауле Талгатовна навестила на дому Валентину Ивановну и потом поделилась с Михаилом:

— Она у меня спросила: «Как там себя чувствует Вешкин? Наверное, в трауре, что попал под сокращение...»

Вот это женщина, восхитился Михаил. Ее дни сочтены, а она еще думает о его судьбе. Он-то не пропадет, его стали звать на свадьбы и похороны — он единственный в районе может делать цветные фотографии. Михаил ни капли не переживает, наконец-то пустится в свободное плавание, он востребован.

После майских праздников наступил траур: Валентина Ивановна отмучилась. Ушел в небытие незаменимый руководитель, покровитель слабых и обиженных и просто человек прекрасной души. Михаила попросили сфотографировать процессию.

На похороны собралось немало народа. Гроб с телом Валентины Ивановны установили для прощания на площади рядом с райисполкомом. Михаил сделал последнюю съемку человека, которому был многим обязан.

Летом, после того, как Вешкин оказался вольной птицей, он стал заглядывать в РОНО, чтобы получить расчет, однако денег в кассе не было. В последний приход он увидел, что все сотрудники буквально не в себе, ходят по коридору, хватаясь за щеки.

— Что стряслось? — поинтересовался Михаил у взволнованного Валерия Сергеевича, который вышел на улицу покурить. Руки у него дрожали, когда он доставал из пачки сигарету.

— Да твой Захарыч сейчас устроил тут такое! Ворвался в контору и стал всех загонять в кассу. Потом дверь на ключ и приставил к горлу кассирши нож, мол, если сейчас не выдаст задолженность за три месяца, будет всем плохо. А нож он наточил, как бритву. Только что его скрутила милиция...

У Михаила шевельнулось в голове: как теперь будет существовать Валерий Сергеевич? Он такой беспомощный. Но «трудолик» словно понял его не озвученный вопрос:

— Уеду в Омск. Старший сын устроился переводчиком в немецкую компанию — совместное предприятие. Его там ценят, дали квартиру. Обещает меня забрать.

Михаил вспомнил, что у Валентины Ивановны девичья фамилия была немецкой. Поэтому сын так хорошо знает язык тевтонов.

— Младший сын тоже поступил в омский институт,— дымил сигаретой Валерий Иванович.— Мне до пенсии шесть лет, как-нибудь дотяну...

* * *

Захарову к его прежним восьми годам отсидки приплюсовали два года строга-ча — для ровного счета...

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ
«БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»**

«БОГ ПРИСТАНЕТ И ПАСТЫРЯ ПРИСТАВИТ»

*Машины сравняли неравенство талантов и дарований,
и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности.*

Н. С. Лесков «Левша»

◆ Одиннадцатиклассник Димон Третьюхин провел весенние каникулы в Москве в семье дяди, материного брата Константина Ильича. Семьи их еще не раздружились, как то бывает обычно между родственниками, живущими в столице и хотя в ближней, но в провинции. Особенно в нынешнее, разъединительное для людей время. Дело в том, что всего полтора года, как Константин Ильич, коренной тулуповец, служивший в областном следственном комитете, получил полковничью папаху и был переведен в Москву. Как он сам под хмельком за праздничным столом говорил, ничтоже сумняшеся — «в порядке передислокации кадров, чтобы не прикармливались особо на кумовских местах».

А с двоюродным брательником Сашком, ныне первокурсником юридического факультета первостатейного столичного вуза, они в Тулуповске и вовсе в одной школе учились с разницей в один класс, крепко дружили и друг о друге за глаза и в глаза говорили: «Он мне двоюродный, но лучше чем родной». Уже освоившись с московской житухой, Сашок весь уходящий учебный год, последний для Димона, зазывал брата на все каникулы «приобщиться к цивилизации». И Константин Ильич, когда служба позволяла успеть к домашнему ужину и пересечься в племянником, если того Сашок не увлекал в тот день до начала ночи на тусовку, воспитательно намекал Димону, что-де «у меня растут года», будущую кормовую профессию на финише школьных лет и вовсе пора в определенность переводить. «Бог пристанет и пастыря приставит»,— обращался он к племяннику с деревенской мудростью, ибо он, как и мать Димона, в первом поколении являлись городскими жителями, помнили еще сельскую образность мышления под разговор... и добрую стопку, разумеется.

— Я к тому, Дима, речь склоняю, что и твои мать с отцом не против, а я и вовсе... вот и Сашок поддержит — бери курс на юстицию. В наше славное время, будь не к ночи оно помянуто, по-евангельски не наживешь палат каменных трудом праведным. Нет, конечно, против морали, особенно сейчас, когда гайки по всей «вертикали» накрепко закручены и даже насечкой застопорены, идти не следует. Но быть юристом, лучше адвокатом, депутатом каким-никаким все же надежнее, чем в сомнительное по определению в нашей стране предпринимательство встраиваться. А другие рода занятий? — Наука... сомневаюсь, что таковая серьезная осталась. Учителство в школе или в университетах, инженерство — все, все как-то смято и унижено в социальном плане. Так что, дорогой мой, вот бог к тебе всех твоих родственников в пастыри при-

ставил! И все к одному склоняются: давай и в твоей родственной ветви продолжим нашу юридическую династию! Давай-ка по пятнадцать капель, братья.

Закусив — и в этом не совсем еще отошел от родной деревни — соленым огурчиком домашнего приготовления, пару трехлитровых банок которых мать всегда навязывала ворчащему Димону при поездке в Москву, Константин Ильич окончательно входил в роль богоданного пастыря — уже с четким, юрист ведь! расписанием по графам и разрядам:

— Опять же и ни на грамм хлопот с учебой, две остановки троллейбуса от дома до корпуса *нашего* политеха тулуповского, в котором юридическое отделение располагается... — с наблюдательностью матерого следователя подметив, как братья переглянулись, оговорился, — нет, нет, не думай даже, что отлуп тебе даю от Москвы! По моей должности мне пятихатка полагается. Вот еще годок «испытательного срока» и переедем — приезжай и живи не хочу! Просто, специфика *нашего* образования такова, в отличие, например, от физико-математического, медицинского и прочего, где важна традиция и преподавательские кадры, что римское право, лежащее в основе русской, потом советской, а ныне российской законности, создано латинянами абсолютно логично, просто и на все последующие века и тысячелетия. Ни убрать, ни прибавить. Другое дело — наша русская специфика практики, это где законы что дышло... Ну-у, это в образовательный курс не входит. Так что, если желание учиться имеется, память — а она у тебя недурственная! наличествует, левое полушарие головы, где логика сидит, соображает, то неважно где юриспруденцию постигать: в Москве, в Тулуповске, в Лондоне, куда мои высокопоставленные подследственные своих балбесов посылают. Хоть в Замухрайске на базе бывшего педучилища, ныне университета. Владимир Ильич Ленин и вовсе самолично, будучи изгнанным из Казанского же, но настоящего, не замухрайского! университета, все науки юридические изучил и экстерном сдал экзамены на присяжного поверенного, адвоката по-нынешнему. А практику осваивал в подполье и революциях.

Димон не мог не согласиться с юридически четкими, но и доходчивыми доводами полковника юстиции. И Сашок согласно кивнул головой.

— Вот я и говорю, ребята, не в обиду вам, да и мне самому будь сказано, что юриспруденция на базе римского права есть не творчество и не научно-прикладная отрасль. Это необходимый объем твердых, логически оформленных знаний, а потом работа, работа... работа до седьмого пота. Зато полная определенность в жизни. И здесь не имеет никакого смысла искать вуз попрестижней. Опять же — латиняны древних в сочиненном ими праве не переплюнешь! А вопросов-сложностей с поступлением в Тулуповске у тебя никаких. Учишься ты хорошо, эту самую *ege* — обить твою-жесть без труда осилишь. Да и фамилию мою назовешь, помнят меня в городе черти, откозыряют тебе на факультете.

Разохотившись — день пятничный, уикэндový,— полковник опрокинул еще стопку, закусил сестринским, с дачи, огурчиком, продолжил пастырство:

— И не вбивай в голову, племяш, что-де юридическое наше есть не творчество, не наука, не полезные ремесла всякие, а сугубая практика исполнения закона. Да, мы не поем по праздникам «не кочегары мы, не плотники», хотя подхалимы всякие из артистов десятого ноября на День милиции, то бишь сейчас полиции — скажи я это слово в деревенском детстве в одобрительном смысле, так дед Егор меня бы арапником через спину протянул; меняются на глазах временные ориентиры! — много всяких похвальных песенок споют... даже с пританцовкой и коленцами с выходом. Практика и есть практика, повторяюсь. Потому и имен громких в нашей среде почти не имеется. Из позапрошлого века только адвокаты Кони и Плевако разве? Да обер-прокурор синода Победоносцев, но это больше по духовной части. Из совесткого времени Дзержинский с Менжинским, наркомы от Ягоды до Лаврентия Павловича — но сейчас все они в ничтожество сведены; тот же Вышинский, что на Нюрнбергском

процессе от СССР председательствовал. Вот и все: если слава, то глухая и порой сомнительная. И срам девяностых годов. Мы по определению есть трудовые винтики механизма закона. А таковая машина неумолимо сравнивает всех ее тружеников. Получается, что нет разницы между этими людьми, талант здесь излишен! Даже число звезд на погонах есть не признак неравенства, но тожко отметка практических заслуг. Исполнительный, аккуратный в поведении и ведении дел сотрудник быстрее и «звездится». Самое же существенное, что и во всей современной жизни, а чем дальше, тем все быстрее и явственнее, все меньше места остается талантам, дарованиям всяким — творческим художественным и научным. И что это значит? — А то, что наша юридика уже не белая ворона на фоне остальных жизненных занятий и устремлений, но все и вся семимильными шагами в период глобализации, дурацкий термин! вливаются в рамки жесткой «машинной» логики. Как придуманное древними римское право.

♦ Димон всю эту неделю московского пребывания, слушая здравые рассуждения Константина Ильича и оптимистические планы Сашка, чувствовал себя в положении того киногероя из случайно просмотренного по телевизору древнего совкового фильма, что кричал с обидой: «Чего это вы, товарищ парторг, меня за советскую власть агитируете!» Он и сам уже с прошлого года, имея пример успешной карьеры дядьки, а потом поступления Сашка на юрфак, все более склонялся последовать примеру их обоих. А с кого еще этот самый пример брать? Отец, правда, конструктор, недавно стал начальником отдела на одном из немногих сохранившихся в городе военных научно-исследовательских предприятий, а теперь, когда, по его слова, «в стране поняли, что зад надо чем-то прикрывать», заметно ожившем. Но всю жизнь, да еще с накануне чемпионата по футболу повышенным пенсионным возрастом, монотонно, с утра до вечера за забором с вахтерами на проходной ломать голову — по отцу же и знал — над формой зацепа пружины автоматической пушки? Опять же при его довольно холодных отношениях с точными науками, да еще шесть лет, вместо обычных пяти, учиться на военно-техническом факультете их универа? — Избавьте. Тоскливо при соблазнах, правда, почти недоступных, нынешней образцово-показной жизни. И уж не хлопотунья мать пример, что при совке на счетах и арифмометре «железный Феликс» начинала свою заводскую жизнь в финансово-бухгалтерской службе, а сейчас на компе те же самые салдо-бульдо считает в почти что скобяной мастерской, оставшейся от приватизированного завода, распроданного новыми хозяевами на металлолом китайцам.

Бизнес? — Нет этой традиции в их родстве. Здесь хотя бы отца завбазой овощной или продавщицу мать надо иметь. В школах на уроках биологии пожилая, очень умная по части генов учительница все на месте в его голове расставила. А против биологии не погрешь. Да и опоздал он с годом своего появления на свет — другое бы дело «лихие девяностые», там пан или пропал. Сейчас же время совершенно иное, устаканенное, «олигархическое с толерантным лицемерием», — как говорит Петька Подшибякин, одноклассник и функционер городской комсомольской организации. Ему-то, Димону, глубоко плевать с телевизионной вышки, что на южной окраине города, но все эти олигархизмы, капитализмы и пройденные, как классы школы, социализмы. Против лома нет приема, говорит отец, когда мать по-бабски малоразумно вздыхает по советской старине: пенсия в пятьдесят пять лет, колбаса и пельмени из мяса, молоко от коров, а не с китайского завода пищевой химии, бесплатное лечение и образование... А у Димона в классе, исключая Петьку Подшибякина и еще двух ребят с родительскими магазинами, все такие же поплевицы — поплевывают с телебашен. Впрочем, каждый со своей, индивидуальной. Время такое обособленное, все против всех, а каждый только за себя.

...Впрочем, с начала одиннадцатого класса все эти рассуждения приобрели для Димона этакую абстрактную второстепенность: с некоторым запозданием, явно по наследству от деревенских предков, что крепки задним умом, доставшимся, все по-

теснила влюбленность. Но и здесь все как-то ни шатко, ни валко шло. В первой четверти, по волнующей золотой осени с ее вечерними дымками и острыми запахами увядающей листвы в парке вроде бы сдружился с Златой из параллельного класса, но все и ограничилось этими прогулками по парку и парой посиделок в недорогом кафе. Все ему казалось, что она вроде присматривается к нему. Видать, не приглянулся: без объяснений, легко, как сигарету выкурить, перешла Злата к другому, мажору в своем классе. Петька Подшибякин разъяснил ему с комсомольских, классовых позиций: «У Златки, Димон, папаша, на паях правда, двумя автозаправками владеет. Так сказать, купец третьей гильдии. А у тебя папа-мама кто? Вот и подели и умножь в своей голове. Сейчас, в эпоху торжества мелкобуржуазного частнособственничества, даже на нижних его ступенях деток своих, особенно девиц, сызмальства приучают избегать мезальянса. Как это ни смешно, но *олигархерам* и мелочные торгаши подражают! Осталось только таким как Злата с началом полового созревания постоянно носить с собой как его... слово такое полуматерное есть: хештег или херштег с надписью: «Знакомлюсь и совокупаюсь с серьезными намерениями только с успешными парнями с доходом не менее 10000 USD в месяц». Ха-ха-ха, Димон, не бери в голову! Найдешь себе пару по размеру...».

Вот после новогодних каникул потянуло его к Ксюше, однокласснице, но только в прошлом году в конце десятого класса перешедшей к ним из другой школы и вообще из другого, районного города — родители переехали в областной центр. Здесь бы и Петька Подшибякин не отыскал «классового неравенства». Она не отказывалась встречаться наедине — у семейства Димона имелась пустующая однокомнатная квартира — чье-то родственное наследство его матери. В наем ее не сдавали, дескать, всех денег не заработаешь, а хлопот со сдачей в наше воровское время не оберешься, рассуждали мать с отцом, налетишь и вовсе лишишься! Знал Димон, что квартира эта (имелась еще сестра-восьмиклассница) предназначается ему при женитьбе. Вот и с Ксюшей там уединялся. Но и у той свои повадки, явно от «уездного воспитания» матерью, учительницей, да еще словесницы. На романах дочь выросла.

И вина с ним выпить «для расслабления» не отказывалась, очень танцевать под лирическую музыку любила, а на диване, раскрасневшись, умеренно возбуждалась, даже постанывала в объятиях расходящегося Димона, но... объятиями, поцелуями, частичным раздеванием диванные дела и ограничивались. Даже усмехалась: «Димочка, не торопись, ведь не на поезд опаздываешь!» Димон умеренно раздражался. Тем более, в десятом классе после опять же новогодней вечеринки уже имел одноразовую постельную связку с почти незнакомой девицей не из их школы. После случайной встречи на улице, спокойно оба говорили «привет!» и не останавливались.

«Что за динамика? — размышлял он после очередного «уик-энда» на *своей* квартире, — чего она тянет? Бойтся что ли? Или мама со своей русской словесностью в районном городке так настропала?» И он близок был к догадке. Перед самой поездкой на весенние каникулы к московским родичам, как-то бездумно валяясь на диванчике в своей комнате — а дома никого не случилось, тишина, — услышал он через тонкую, не капитальную стенку из соседней квартиры литературную запись рассказа Бунина «Натали». Он знал, что дед, патриарх соседского семейства, отставной профессор педуниверситета, хворал глазами, поэтому составил себе фонотеку записей русской классики. К тому же, будучи и глуховатым, включал на полную громкость в своей, смежной с димоновской, комнате. Так что тому даже и прислушиваться было не надо.

...И вот, слушая рассказ Бунина о любовных похождениях студента, в летние каникулы навещавшего родственное помещичье семейство с дочерью, только что окончившей гимназию, то есть двадцатилетней, уже «похожей на молодую, только что вышедшую замуж женщину», Димон уже с конкретным интересом слушал сцены ночных свиданий в отведенной студенту комнате, где «она уже позволяла всю себя целовать, но только целовать». Наконец она все же сказала: «Возьми меня, *всю* возьми!» ...К сожалению для них здесь им помешали.

«Так значит это все же обычная женская манера — подинамить вволю, а затем сблизиться,— усмехнулся Димон,— значит, подыграем и своего дождемся! Даже пикантно, что Ксюша не стандартная «трахалка», а с правильным воспитанием».

...Словом, роман с Ксюшей развивался по законам русской литературной классики, суля не мимолетное, но осмысленное, все более и более развивающееся чувственное удовольствие, возможно, перерастающее в искреннюю любовь? А любовь, как известно, все житейские перипетии, включая насущный выбор будущей профессии, отодвигает на неясное будущее.

◆Проводили уезжающего Димона по-московски. То есть супруга семейства чмокнула племянника и вручила — алаверды за соленые огурцы прошлогоднего урожая и пару литровых банок домашнего же варенья — пакет с московскими сувенирами. Обнялся с Сашком, извинившись: срочно нужно, хотя и близко к вечеру, в универ, все же староста группы. А Константин Ильич на служебной машине с водителем довез его до Курского вокзала, дружески распрощался, вежливо выйдя из авто: «Ну-у, племяш, вижу ты уже морально готов к юридической карьере. Сложности — мало ли что? возникнут с поступлением — сразу звони. Урегулируем тотчас».

Прогуливаясь по перрону в ожидании вечернего экспресса — следующей до Тулуповска безостановочной электрички,— Димон увидел знакомую фигуру: этого красавца лет тридцати с небольшим, с мягким, доверительным взглядом карих глаз, с д'артаньяновской (так решилось; вроде как д'Артаньян безбородый?) аккуратной бородкой и усами, достаточно щегольски одетого, хорошо сложенного для своего среднего роста, он не более как пару месяцев назад видел на факультете с юридической специальностью — в воскресенье ходил туда на день открытых дверей. Представляя собравшимся в большой аудитории школьникам, среди прочих преподавателей, заведующий кафедрой, обращаясь к «нашим будущим коллегам», рекомендовал д'артаньяновца: «...А вот наш доцент, кандидат юридических наук Юрий Николаевич, являет собой замечательный пример плодотворного сочетания вузовской науки и практической адвокатской работы. Прошу любить и жаловать, когда мы с вами, вне всякого сомнения, встретимся в начале сентября месяца этого года!»

...Причем красаватый Юрий Николаевич не в одиночестве, как Димон, ожидал покойного в малом комфорте и скорого в движении экспресса: он беседовал с молоденькой, студенческого вида девушкой, не то что яркой красавицей, но с теми своеобразными фигурой, лицом и прической, что девушки моделируют на себе в период начала первой молодости, примеряясь к искусству обольщения с маской почти что невинных представлений о жизни вообще. Что-что, но уже имея какой-то опыт с Яной и Ксюшей, Димон, хотя бы и не в такой словесной интерпретации, грубовато проше, уже разобрался во внешнем виде девиц. Студенток тем паче.

По всей видимости, д'артаньяновец Юрий Николаевич, как человек компанейский, тем более препод и адвокат, любящий покрасоваться в среде молоденьких студенток, только что и завел на двухчасовую дорогу благодарную, пикантную по юной свежести слушательницу и спутницу. Здесь подали состав. Димон и отмеченная им парочка вошли в напротив их остановившийся вагон. Не имея никакой цели, Димон, поскольку входил за ними, и сел в кресло, из числа стоявших попарно, с удобными высокими спинками, так что не видно ни впереди, ни позади сидящих, за сдруживающейся парочкой. Состав тихо тронулся. Кресло рядом с Димоном осталось незанятым, поэтому он совершенно по-домашнему, не торопясь, выпил банку пива, пару которых всунул в материну сумку «с сувенирами» Сашок, мол, чтобы в дороге не скучал. От пивка, тем более под уходящий в темнеющий вечер законный вид, хорошо нагретого вагона, не более чем наполовину занятого пассажирами без гомона и шумных разговоров, Димона не то что в сон потянуло, но в приятнейшую дремоту завершающего свое путешествие странника. Спинки кресел полностью закрывали впереди сидящих, но в тишине вагона их разговор, по преимуществу росказни Юрия Николаевича, отчетливо втекали в Димоновы уши.

— ...Вы, наверное, Юрий Николаевич, очень заняты в университете? Сложно ведь совмещать с работой адвоката, да?

— Да нет, Юлечка, я в университете больше для души, что называется, для разнообразия, наконец, для своего рода отдыха — ведь знаете? Лучший отдых — перемена рода занятия — от адвокатской работы. Поэтому от стандартных дисциплин сразу отказался, а веду семинары, порой лекции читаю по специальным отраслям юриспруденции, в чем *штатные* преподаватели особо не сильны. Мой, так сказать, конек — история и практика смертной казни...

— Уй, что-то страшное, Юрий Николаевич, вы избрали,— подластилась к визави Юля.

— Да нет,— рисуясь бархатным, совсем чуточку, нарочито утомленным баритоном, успокоил Юрий Николаевич,— это специфика нашей профессии, когда следует постоянно отвлекаться от чувственной, эмоциональной стороны. Закон жесток, но это закон. По латыни *dura lex, sicut lex*. А кроме смертной казни еще с удовольствием веду семинары по основаниям римского права. Здесь тоже штатные доценты и даже те два процессора, что у нас на кафедре, не совсем верно студентов научают. От топорливости и ежегодного повторения одного и того же, скорее всего...

— Это по истории юстиции?

— Нет, Юлечка, здесь речь об основных, базовых логических формулах, что положены в основу римского права. Ну-у, это всем известно: закон не имеет обратной силы, состязательность процесса в триединстве судьи, обвинения и защиты, презумпция невиновности и некоторые их конкретизации. А я студентам своим в лоб прямо-таки почему-то забытое базовое логическое правило: во время совершения преступления закон не действует! Они в ответ — нам этого никто не говорил. А я им — пошевелите нестандартно своими мозгами: ведь весь процессуальный кодекс на этой формуле основан! От права на самозащиту и действий сотрудников органов при задержании и так далее, в моральном плане — ведение войн даже! Как все это совместить с законом, понимаемым абсолютно?

— Ой, как интересно, Юрий Николаевич! И у нас на менеджменте, хотя бы неявно, тоже похоже. Как сейчас принято говорить: ничего лишнего, только бизнес! А расскажите что-нибудь из своей адвокатской практики. Вот где интересно, да?

— Извольте, дорогая моя. Недавно защищал одного своего клиента, прямо скажу не без успеха (Димон, не видя лица рассказчика, но по интонации зрительно представил изображение притворной скромности — слегка уткнулся д'артаньяновской бородкой в воротничок рубашки, стянутой галстуком), а дело, доложу тебе, Юлечка, вообще еще не имело прецедента, по крайней мере, у нас в России.

♦ Слушая занимательный рассказ Юрия Николаевича, где увлекательная тема приятно оттенялась хорошо поставленным бархатным баритоном, в сухом тепле нарочито неярко освещенного вагона и все на контрасте со все уверенно наступающей темнотой за окном, от которой ощутимо представлялась морозящая к ночи позднемартовская погода и окрестные мчащемуся поезду невеселые окрестности с почерневшим, сгорающим днем, все более просаживающимся снегом и голыми ветвями сиротливого леса... словом, слегка прикрыв веки глаз, Димон совсем зауютился: словно смотришь спокойный фильм советской поры — о Шерлоке Холмсе или о Штирлице...

А щегольский адвокат не преминул для начала повествования все же дохвалить себя:

— Вот вы, дражайшая моя, от московской подруги домой возвращаешься, а я как раз одним днем ездил в столичную адвокатскую контору, где заинтересовались *моей* защитой. Она и здесь нашумела!

— Так вас, Юрий Николаевич, могут и в Москву позвать работать? Как здорово!

(Уже кое-чем умудренный в свои неполных восемнадцать лет, Димон желчно усмехнулся: бабы, наверное, еще в утробе матери предельно практически мыслят...)

— Ну-у, там посмотрим. Так вот, начало этому *громкому* процессу случилось по

прошедшей осени. Обратились ко мне общие со мной и одним известным в городе, слегка скандальным, но не по характеру, а по выбранному им *modus operandi* — это по юридической латыни значит образ действия, журналистом. С журналюгой этим я и сам пару раз в компаниях встречался, вообще много слышал — так он есть сочетание прирожденного правдолюбца и деятельного в своей профессии. Гремучая смесь! Потому неоднократно имел стычки с губернской властью имущими. Так и прошлой осенью стычка у него вышла с замом главы области. Сейчас уже оба бывшие, слышали, конечно, об уходе губернатора «по собственному желанию», а за ним и всей его команды. Статья-то предельно двусмысленная. Словом, тиснул наш журналист громобойную статью в областной оппозиционной газетке, а вице-губернатор на него в суд за оскорбление личности и ложные обвинения, по-нашему диффамацию.

От тепла и ровно льющегося бархатного голоса Димон едва не задремал, но, вспомнив о второй банке пива, вынул ее из сумки, сделал пару хороших глотков, приободрился для дальнейшего слушания.

— ...Надо сказать, Юлечка, юриспруденция сугубо логическая вещь, все по букве закона, особенно если дело движется к обвинительному вердикту. Вот говорят в прессе, по телевидению во всех жанрах — от кинокомедий до бесед прикормившихся там «выдающихся политологов», — что-де в эпоху сталинизма, в особенно часто упоминаемом тридцать седьмом году, просто так, ни за что, хватали ни в чем не повинных людей на улицах, вытаскивали из квартир «дома на набережной», сажали в «воронки», далее в застенки и приговор тройки: к стенке или на «десять лет без права переписки». ...С хрущевских времен, хотя *мы с вами* их не застали, и по сей день и далее вперед на все «светлое будущее» это день ото дня талдычат. Утюг включишь — вроде как и он о жертвах сталинизма зловеще шипит.

— А-а, разве все не так?

— Понимаешь, Юлечка, я не с политической, так сказать, а с сугубо юридической позиции рассуждаю. Надо государству — закон по всей жестокости действует, как и было в эти самые «сталинские годы», а понадобится, что и было в «золотые» советские шестидесятые-восьмидесятые, то закон и в более мягкой своей ипостаси карает. Словом, «исправленному верить», взятие на поруки, общественные суды. Это наши родители и дедушки-бабушки все хорошо помнят и забыть не могут. Но — в любой своей форме, предельно жестокой и смягченной, никто никого бессудно к стенке не ставит или на поруки товарищам не выдает: все должно по *форме закона!* А все это к тому, извиняюсь за юридический ликбез, что сейчас законы сформулированы, так сказать, расширительно. Их можно применять и со строгостью, и с послаблением. По всей видимости, когда их в девяностые годы писали, то много взяли с американцев. У них так принято исторически. Но, в то же время, большое внимание уделяется четкости формальных определений. Опять как у тех же американцев.

(Димон, особенно после пива, почувствовал некоторое уважение к юридической грамотности Юрия Николаевича).

— ...Это необходимое пояснение к делу журналиста, которого общие наши с ним друзья попросили меня защищать в суде. Я не отказался, альтруистически, понятно, откуда у оппозиционного журналиста деньги, да и процесс, учитывая вице-губернаторскую власть, заведомо проигрышный. Но — взялся по-дружески и максимум возможного на суде сделал: штрафы сейчас за диффамацию свирепые, в сотнях тысяч, а мне удалось на нижнюю планку свести, что несколько взбодрило моего подзащитного и неприятно подействовало на представителя истца; понятно дело, в области вице-губернатор есть персона малоприкасаемая и в суд за себя подчиненного чиновника посылает. Как у Салтыкова-Щедрина. Попиваем мы с журналистом коньячок вечером дня процесса, тот благодарит меня, но профессиональная злость в нем так и пышет: «Слушай, Николаич, — мы ровесники, — а нельзя ли так апелляцию по-искуснее, ты ведь у нас в области адвокатский профи высокого класса! чтобы этого «вицика» и вовсе с носом оставить?» Попробую, отвечаю, у меня и у самого спор-

тивный интерес проявился. Наутро, все другие дела отложив, даже по телефону семинар в университете отменил, обдумывать апелляцию начал, ишу в судебном деле журналиста нашего закавыки и — о, удача! эврика настоящая! У нас по традиции сейчас судьи в основном из бывших судебных секретарей производятся. То есть и судья, и ее секретарь, особенно последняя, еще не в почтенном возрасте, то есть уши их попризывкли к современной речи, особенно в телевизорах, где с каждым днем все больше американизмов. Не утомил я вас скукой юридической?

— Нет, что вы, Юрий Николаевич, так интересно-о!

◆— Вот, по всей видимости, помощница, то есть секретарь судьи, наслушавшись новомодного словечка *фейк*, которым щеголяют не то что теледикторы, но и люди высокого чиновного ранга, и, ничтоже сумняшеся, дважды употребила его в материалах дела, не в тексте приговора, конечно, там бы судья вряд ли пропустила, но все же в *официальном документе*! И такую я, с позволения сказать, апелляцию сотворил! — Гоголь и все тот же Салтыков-Щедрин одобрили бы. Опять же, Юлечка, ведь ты в курсе, что сейчас власть официально объявила русский язык достоянием народа и государства? И этот довод в апелляции таким железобетонным оказался, что суд высшей инстанции без возражений отменил приговор, хотя бы по формальным признакам, возвратив все на круги своя, то есть на доследование. Правильно в народе говорят «пока суд да дело», словом, власть в области поменялась, а вице-губернатору стало не до копеечного иска к журналисту; ему впору от взяточной уголовки отмазываться... Извини, Юлечка, за жаргонизм — с кем порой общаешься, от того и набираешься.

Димон даже хихикнул от удовольствия: допитого пивка и ловкости адвоката. Вот и конец пути, состав вкатил на пристанционные пути Тулуповска и мягко затормозил у перрона. Как и входили в Москве в вагон — Димон за парой, таки вышли — сначала они, он за ними. Тем же строем шли к троллейбусной остановке. Димон отметил про себя: если сдружатся, то ненадолго, мимолетно, ибо как ни искусно Юля, а скорее всего любящая и заботливая ее мать, подбирали ей наряды, но все же в изящных с виду ее ножках, если приглядеться, присутствовал изъян не для женского гурмана: некоторая, хотя бы и на сантиметр-другой, непропорциональность длин бедер и голеней.

...На зимние каникулы следующего учебного года Димон приехал к московским родичам первокурсником Тулуповского университета по юридической специальности. Спасибо правильным пастырям!

*Всем известно ленинское определение русского интеллигента, хотя, между нами, девочками, говоря, и сам Владимир Ильич начинал трудовую жизнь малоудачным либералом-адвокатом. Впрочем, скоро опомнился. В наше же волчье время интеллигент и вовсе гнойный нарост на умирающем теле национальной культуры и науки. Понятно, если он не другого пошиба, демократического... Самое существенное, что никакое время, никакие катаклизмы жизни народа и государства не изменили душевные и умственные устремления пресловутого *i n t e l l e g e n c e*: вкусно покушать три раза в день и с полдником, следовать линии партии (коммунистической, либеральной, монархической... — какая шишку во власти держит), немного диссидентствовать, с девками молодыми шалить. А что касается нравственного выбора, то его всегда вырывает гадание на пальцах или на кофейной гуще.*

БЕЛАЯ ВОРОНА

Заматерелость в преданиях, и никакой идеи.

В. О. Ключевский
«Боярская дума древней Руси»

Нынче тоскует лишь тот, кто не украл миллиона.

Н. А. Некрасов

Читатель вправе назидательно заметить нам: что это вы, любезнейший, взявшись сочинять о молодой поросли народа российского, все пишете* или об окончивших «свои университеты», а то и о собирающихся в оные поступать. А где же самые студенты — многочисленнейшая группа, то есть миллионная масса современной молодежи! Как говорится, была бы честь предложена. Вот вам и о студенте, одной из фигур вселенского *gaudeamus igitur*.

♦ Игорь Редькин, нимало не обижавшийся на свою сельскохозяйственную фамилию, завершил четвертый курс без усилий и напрягов, но и равнодушно не стремясь к высшим баллам — никакого смысла в этом не видел. И матерый доцентиче Николай Андреянович, читавший им в весеннем семестре аэродинамику крылатых ракет, что относилась по программе к спецкурсам, в отличие от общей аэродинамики летательных аппаратов, выслушав на экзамене очень даже здравые рассуждения Игоря о флаттере, то есть резонансном дрожании специфических крыльев этих ракет, спросил его: «Может тебе сто баллов поставить, как сейчас по-американски принято, а по-советски — пятерку?»

— А зачем, Николай Андреянович? На пятерку господь бог все знает. И вы, как практик ракетостроения, не один десяток лет проработавший в военном конструкторском бюро, приближаетесь к такой оценке. А мне и четверки, по американо-нижегородски восемьдесят баллов, достаточно...

Пораженный логически выстроенной иерархией знаний, тот все же поставил умному и здраво мыслящему студенту в зачетку и ведомость девяносто баллов. Примерно так же Игорь сдавал и остальные зачеты и экзамены за четвертый курс. К обоюдному удовольствию его и преподавателей.

Студенческое прозвище *Редька* к нему еще с первого курса не приклеилось, поскольку на вопросы однокашников, нагловатых бывших старшекласников, он отвечал серьезно, что его дед, Трофим Епифанович, доживший до *миллениума* и даже до начала «мирового кризиса империализма две тысячи восьмого года», из тех солдат первого послевоенного призыва, что был отправлен в обезлюдившую Курскую область солдатом-землепашцем одного из военных совхозов, в части организации которых Иосиф Виссарионович использовал опыт Аракчеевых военных поселений в бедных людях северных губерниях Российской империи. А в Курской и в соседних Орловской, Белгородской и ряде других областей села совсем опустели: слишком долго там немцы хозяйничали, а потом мудрый Вождь принял стратегически верное решение: заселить исконно русским народом, тем более оставшимся на погорелом месте, очищенный от татар Крым, а от пруссаков — Калининградскую область. В военкоматах по всей стране тогда комиссарами находились боевые офицеры, списанные еще в войну по ранениям и инвалидностям, то есть люди многоопытные в жизненных познаниях. Поэтому заполняя разнарядки призывников по роду войск, они мудро отбирали ребят с исконно крестьянскими фамилиями по спискам в военные совхозы Средней России: пахать землю и убирать урожай в гимнастерках и галифе...

* Данное предупреждение для той категории читателей, которые читают не этот, отдельно взятый рассказ, но весь цикл таковых в последовательности их размещения.— Прим авт.

пока не обрастет людьми убитая в войну земля от оставшегося местного крестьянского населения. «Вот и мой дед, Трофим Епифанович Редькин, призванный с Вологодчины, прослужил положенное трактористом, женился на местной курской, там и остался. А уже отец, потом выписав деда с бабкой, был переведен в Тулуповск по своей работе — хотя и не номенклатурной особо, но специалисты тогда приказу подчинялись». После такого пространного объяснения все замолкали и прозвище овощное напрочь забывали. Не приклеилось.

Отец, успешно начавший в самые молодые годы, после окончания института, работу (слово *карьера* он и посейчас полагал паскудным) в части геодезии и картографии, и сейчас успешно продолжал ее в Тулуповске по государственному ведомству в полном расцвете сил, заматеревши, воспитав трех детей, Игорь младший — последний, как любовно называл его дед Трофим Епифанович. Мать успела в последний год «ухватить» пенсию еще по советским меркам, сейчас вела домашнее хозяйство в собственном доме на ближней окраине города. Не вынося многоквартирных муравейников, в самом конце восьмидесятых глава семьи, Василий Трофимович, с еще бодрым Трофимом Епифановичем соорудили для семьи поместительный дом. Благо в Тулуповске с его двумя металлургическими заводами стройматериала для добротных и теплых зимой, прохладных летом литых шлакоблочных зданий имелось предостаточно — плата только за вывозящие с отвалов шлак самосвалы.

В девяностые и нулевые годы разгула мелочного частнособственничества — подготовки субординированного олигархата — в «пентагон», по принятому во всем городе наименованию корпуса, в котором базировались военно-технические специальности, шел, причем без всякого, даже символического конкурса, самый захудалый, троичный абитуриент с совершенно безлошадными родичами. А после окончания через пень-колоду обучения все эти безлошадные тройбанисты шли в магазинные приказчики и офисные кровати. В «пентагоне» обучение бесплатное...

Когда же в начале второй половины две тысячи десятых годов на специальность ракетостроения поступал Игорь, то ситуация в «пентагоне» заметно изменилась. В стране, где почти четверть века целенаправленно — с подачи кого надо через агентов влияния — разрушался и добивался бывший мощнейший в мире военно-промышленный потенциал, вдруг вспомнили слова Александра Третьего про единственных союзников России: ее армию и флот. Ну-у, флот дело долгое и очень дорогое, а вот в части сухопутной армии, авиации и ракетных войск можно было и спохватиться не на пустом еще месте. Во-первых, героическими усилиями виднейших генеральных конструкторов удалось спасти значительную часть крупнейших оборонных исследовательских и серийных промышленных предприятий. Во-вторых и в главных, в архивах этих предприятий сохранилась — с запасом опережения натовцев до двадцатых-тридцатых годов — техническая документация, а в испытательных цехах опытные образцы потенциальных новейших разработок.

Поскольку же за минувшую четверть века разрухи прежние, матерые оружейные кадры исследователей и разработчиков поизносились, на пенсию с отвращением ушли, а в основном не пожелали оцифровываться, переходить от карандашей и кульманов с ватманскими листами к компьютерным «автокадам», «маткадам» и прочему, то в значительном числе потребовались и новые, не с кондачка подготовленные кадры.

...И в Тулуповске усилиями невероятными, благо характеры сформировались в прямой временной связи со сталинскими установками, академиком Гусаковым сохранилось в рабочем состоянии одно из первых в стране ракетно-пушечное исследовательско-конструкторское объединение, а другим всесоюзно, потом всероссийски известным начальником и главным конструктором — того же ранга предприятие по более специализированному типу оружия. Для пополнения их инженерными кадрами скоренько подтянули «пентагон»: вместо тройбанистов с офисно-торговым прицелом начали привлекать — гарантированным трудоустройством на серьезных

предприятиях с вполне реальной оплатой — более серьезных ребят. И родители абитуриентов вспомнили те, не столь уж далекие времена, когда весь Тулуповск трудился на оборону, да и сами они, в практическом плане ныне рано взрослеющие, соображали: время мелких лавочек и офисов «купи-продай» проходит стремительно — власти для своей поддержки они уже в массовости своей не потребны. Значит, есть смысл ориентироваться на восстанавливаемую военную промышленность, хотя бы в «пентагоне» учиться шесть лет, а базовые дисциплины там в основном физико-математические.

Отчасти и по таковым соображениям Игорь Редькин, учась в школе изрядно, как по-гимназически говорили персонажи русских классических романов, поступил на «пентагоновскую» специальность; но он и самоличней, не зависящий от общественных веяний, пунктик имел: словно в генетическую компенсацию деду Трофиму Елифановичу, служившему солдатом-пахарем в курском военном совхозе, и отцу, вообще не служившему (кафедра военной геодезии и картографии не в счет) по причине учебы в институте, его с детских лет тянуло к оружию. Не в смысле стрелять-фехтовать, но изготавливать его. Рогатки, луки детства, а затем появившееся изобилие китайской игрушечной милитаризации — все это занимало Игорька, затем Игореху по-дворовому, в части устройства и принципов работы.

Поэтому выбору факультета и специальности никто не удивился в доме — родители и брат-аспирант — и вне его, то есть замужняя сестра, самая старшая из детей Василия Трофимовича и ее супруг, жившие отдельно, и весь круг знакомых Игоря, включая школьных одноклассников.

♦ Память Игорь — потому в школе и в университете учился не напрягаясь, но хорошо — имел отменную с детско-отроческих годов. Поэтому, когда в узком пацановском кругу, еще не до конца отмененном компом, кто-то затевал брэнчать на гитаре и подпевать из вечного дворового навроде «В кейптаунском порту, с пробоиной в борту, «Жаннета» поправляла такелаж», то Игорь, занятый чем-то совершенно иным, мимоходом поправлял: «С какао на борту». И никто не возражал. А если иной Фома неверующий просил разъяснить, тот охотно и рассудительно это делал: «Речь в песенке идет о судах явно торговых, поэтому с пробоиной не вяжется никак. А парусные суда имели сложное, даже капризное хозяйство, поэтому требовали поправки такелажа перед каждым длительным переходом — здесь же везти груз какао-бобов из Кейптауна в Европу в огиб всей Африки. Это не фунт изюма!»

Доцент Николай Андреевич, ставший с четвертого курса, с которого собственно и начинались его дисциплины у студентов-ракетчиков, особо примечать Игоря Редькина, как-то заметил ему: «Ты вот просто Игорь сейчас, а у меня имеется давний, еще со времен «Меткости», друг, тоже Игорь, но с обязательным отчеством Васильевич, ибо всевозможный заслуженный и почетный, обладатель неоднократных ученых степеней и званий. И память у него абсолютная, то есть он все помнит с пятилетнего возраста: слышанное, самим сказанное и увиденное. Даже осязательная и вкусовая память у него в абсолюте! Например, он помнит вкус советского производства пива, которое делали естественным брожением с циклом шестьдесят дней. А потому уже почти тридцать лет, с кончины нашей родной и так далее, не берет в рот ни единой капли того скороспелого, в шесть дней забурлыживаемого, напитка, что именуют пивом. На самом деле — это недобродивший солод с добавлением химически произведенного спирта, всяких ароматизаторов и консервантов, а также закачанного — для пены — углекислого газа. ...Впрочем, по той же вкусовой памяти твой тезка по имени не употребляет вин. Все они порошковые, какие бы цены и этикетки к бутылке не были приставлены. Это как в «Бесприданнице» Островского, что вашему поколению более известна как «Жестокий романс» михалковский: дескать, сударь, по восемьдесят копеек бутылки кругом, а наклейки какие пожелаете наклеим. Ну-у, это все к слову, к примеру, а у тебя, не берусь по твоей молодости судить о винно-пивной памяти, но в научном плане таковая отменна!»

Игорь, конечно, уловил в похвальном его памяти монологе, что случился в преподавательской, куда он, как староста группы с первого курса, за пятнадцать минут до начала занятия зашел за семинарскими методичками, причину своеобразной трактовки абсолютной памяти: от матерого ракетного доцента слегка попахивало. Да он и сам ненароком оговорился, что с утра заходил к профессору Скородумову поздравить того с лауреатством почти безденежной, но ценимой в широких научных кругах премии...

Другая, уже обоюдная, не монологичная, беседа интересующегося мыслями и нравами современного юношества доцента с запомнившимся ему неординарным мышлением студентом состоялась на предэкзаменационном зачете. По написанным, еще с советских времен, правилам студенческой жизни староста группы завершал зачеты и экзамены. Здесь сочетались и армейские традиции, созвучные с военной спецификой «пентагона» (по-чапаевски: в обороне командир с биноклем в тылу дивизии), и штатский либерализм: все равны, староста не выпячивается своими знаниями... равно и незнаниями. Худо-бедно, со скупыми поощрениями Николая Андреяновича, чаще с необходимыми его смешками и словесными подковырками, группа «зачлась». Игорю он подмахнул роспись в зачетке после пары вопросов на смекалку.

— Смекалка, дорогой мой, — благодушествовал доцент, явно не торопящийся, в два часа пополудни заседание кафедры, домой на обед, хотя и рядом живет, особого смысла идти нет, — в нашем *с тобой* инженерном деле суть интуиция мышления, на которое накладывается вся громада приобретаемого годами и десятилетиями конструкторского опыта. Но вот с твоей точки зрения: осталось ли место этой смекалки-интуиции в современной инженерной практике?

— Можно говорить, Николай Андреянович, без казенных словосочетаний?

— Конечно, конечно. Я ведь не советский парторг и не нынешний чиновник на официальном приеме у губернатора. Опять же всем в «пентагоне» известно, что я не профессиональный, как говорится, преподаватель, а пришел, по словам классика «пора на пенсию, в сенат», из военной промышленности. Так сказать, от кульмана и испытательного стенда... еще от язвительных неудовольств сурового, но справедливого академика Гусакова, в своем роде морального садиста, и отборной матерщины — в качестве обыденного разговорного языка — цеховых начальников и знающих себе цену работяг-уникумов...

— Я вас понял, Николай Андреянович. Вы имеете в виду стремительное оцифровывание всех инженерных работ и интернет?

— Во-во, Игорь Васильевич гордится изобретением нового слова *цифрофрения* — метко, по-нашему, по-оружейному! Так сказать, новая версия доброго старого русского мата. Итак?

— За себя могу сказать: всячески сопротивляюсь возможной утрате интуиции. Не хочется стать приложением к интернету, в смысле — брать уже готовые решения, а еще проще говоря — совсем отказаться от использования своей памяти, как оперативной, так и основной, подсознательной.

— Это сейчас в школьной биологии про виды памяти так просвещают?

— Нет, там все на тестовую зубодолбежку переведено. Читаю много. И брат аспирант в педуниверситете, диссертацию сочиняет по психолингвистике. Вообще-то он сугубый современный практик. Степень нужна для карьеры чиновника. Он это вовсе не скрывает. Но — далеко не дурак. Таковых у нас в семействе не наблюдается.

— И как соотносятся эти два вида памяти — я-то от Игоря Васильевича, это его конек, все знаю, в интернетовском оцифровывании?

— Очень просто, Николай Андреянович, соотносится. Оперативная память замещается справками из интернета, вплоть до мелочей: от правильного написания слова до формулы квадрата суммы двух чисел. То есть этот вид памяти в итоге суживается для указания пальцам рук нужных клавиш клавиатуры. Творческая же, под-

сознательная память и вовсе уходит в виртуальную реальность уже готовых компьютерных программ.

— Ну-у, батенька, как вы радикально с живым-то человеком разделяетесь! — восхитился Николай Андреевич, но в том же ключе еще минут двадцать побеседовал с оригинально мыслящим студентом, посоветовав тому стать читателем журнала, редактируемого профессором Скородумовым.

♦ Оба живших в семье брата Редькины, аспирант и студент, понятно дело, работали. Аспиранту по нынешним временам было бы дико на шее у родителей сидеть. Игорю же отец, как значимый в области специалист, преимущественно по кадастровой части, необижаемый по окладу и иным легальным источникам, неоднократно предлагал «не отвлекаться от учебы, что у нас на прокорм и даже определенные карманные не хватит?» но и сам понимал: времена совершенно отличные от его студенческих бытований. Если в его студенчестве подработка являлась «поддержанием штанов» и совестью напрягать, будучи здоровенным лбом, родителей — то есть отягчающим, всего лишь сопутствующим основной учебе занятием, то на примере своих уже детей в годы их студенчества четко осознавал, что это уже поколенный образ жизни, когда *работа* заменила *труд*. Василий Трофимович в недурственной своей памяти (было в кого Игорю с его «абсолютом» пойти!) как-то не зафиксировал времени и ситуации, когда он, глядя на своих детей и молодых сотрудников по своей службе, пришел к открытию для себя разницы между трудом и работой. Толчком же послужила... рыбалка, основное и, пожалуй, единственное его увлечение-отдохновение. Благодное («ее же и монаси приемлют», в смысле вкушают рыбу вместо мяса) это занятие дарует человеку уйму времени для неторопких размышлений, в которых прошлое наслаивается на будущее, усредняясь в настоящем. Во время священного акта ужения плотвичек, что шли на баловство домовому коту, и задумался Василий Трофимович на тему сопоставления: почему в советское время слово *труд* заметно теснило вроде бы аналогичную по сути *работу*? Что и в официальных документах присутствует. Супруга его, как любая женщина, серьезно относящаяся к своему здоровью — дай, бог, и дальше вовсе не хлипкому! — тоже заметила, случайно заинтересовавшись: «А что это, Вася, раньше в больничных писали «Приступить к труду (с такого-то числа)», а сейчас ставят слово «к работе?»»

И на очередной субботней рыбалке сам-один, компаний здесь с обязательными «выпили-закусили», хотя бы в жизни стопку мимо рта не пронесил, Василий Трофимович не терпел, его озарило, как открывателя-самоучку. Ведь работа — от слова *раб*, а труд есть осмысленное, в чем-то всегда творческое содержание жизни? — Получалось, что так оно и есть.

Игорь, став подрабатывать, как и все его сокурсники, с самого начала университетской жизни, вряд ли оттенил в памяти слова отца, в какой-то семейный праздник под тост сказанные. Именно — не оттенил, то есть не обратил нарочитого внимания. Да и не требовалась ему такая подсказка — осознание содержания вспомогательного к учебе занятия само собой и понималось именно как кем-то и чем-то неизвестным установленное, необходимое по определению «вычеркивание» из своей жизни стольких-то часов в день. А поскольку это привносило усталость, то, значит, такое же «вычеркивание» организменных сил. И далее он развивал мысль: удовольствие эта самая работа (в интернете, с компьютером — как у всех), какого-то удовлетворения не приносит; от денег, конечно, никто не отказывается, но особо они им и не востребованы. Деньги, как самоцель, под иной, нежели у него, да и всех его семейных, характер «деланы». Даже иной чем у Остапа Бендера — для сына турецкоподданного таковые тоже являлись не самоцелью, но всего лишь средством. И нынешняя реклама в телящике клеветает на Остапа Ибрагимовича, заявляя в ролике, что-де Бендер являлся первым продюсером гениальных проектов, и в наши дни его имя возглавляло бы списки журнала «Форбс»... Нет, деньги для Игоря не самоцель, а по большому

счету даже и не средство. Получается, что именно сейчас в самой полной мере сбывается библейское проклятие первочеловеку: работа (а не творческий труд!) есть немотивированное ярмо человеческое. Первые две книги Ветхого Завета он со вниманием прочел еще учась в девятом классе — в доме имелась староизданная библия; как оттиснуто на титульном листе: «В русском переводе. 2-е Синодальное издание». Ее дед Трофим Епифанович, призванный и направленный в курский военный совхоз, обнаружил на чердаке пустого дома, в котором поначалу расквартировали его отделение...

До одиннадцатого класса Игорь пользовался интернетом и «гэджиками» — с язвительного языка Василия Трофимовича — как и все остальные, не задумываясь, не восторгаясь, но и не порицая все более и более новые разработки Силиконовой долины и их китайскую штамповку. Полагал: так надо, но кому надо? — не задумывался. Тот же поплевизм. Но в выпускном классе, когда его невидимая глазу белая ворона, пролетая по своим орнитологическим делам, слегка задела крылом, и задумчивость пришла: конечно, научно-технический прогресс со времен средневековых мануфактур (а на втором курсе уже с наслаждением читал в первом томе «Капитала» любовное описание Марксом таковых) неотменим и до появления радио, телевидения, вычислительных машин вроде бы никаких возражений и сомнений не вызывал. Бабушка с антресолей с керосиновой лампой из сочинения одесских классиков не в счет.

Но ужасающее ускорение последних лет в оцифровывании человечества, причем глобального, вызвала в голове старшего школьника Игоря Редькина какой-то ступор, что продлился до второго университетского курса. Здесь на него напала — после окончательной размолвки со Светкой, первой юношеской любовью — читательская лихорадка по естественным наукам. Благо он напал в интернете на каталог московского научного издательства, что специализировалось в последние двадцать лет на издании книг западных, преимущественно английских и американских, современных или почти современных, светил этих наук. Самое главное, все эти нобелисты и близкие (по своей относительной молодости) к ним ученые умели замечательно писать для широко образованного читателя ясным, но объективно научным языком. Наши высоколобые только начали осваивать такую манеру изложения. Часть таких книг он нашел в университетской библиотеке, иные, насколько позволяли «стукнешь по карману — не звенит», покупал через книгу-почтой. В Тулуповске все книжные магазины закрылись ввиду полной утраты спроса «на бумагу», а Москву с недавних пор стал полагать совсем другим государством, неудобным даже для дневного пребывания в «городе желтого дьявола».

Результатом такое целенаправленной читательской лихорадки и стало преодоление затянувшегося на годы ступора. Игорь пришел к точным по формулировкам выводам, сам-для-себя рекомендациям. А именно: традиционный человек обречен на перевоплощение в электронную, цифровую копию. А раз так, то в своей жизни, в которой с керосиновой лампой на антресолях не отсидишься — Василий Трофимович из того времени, когда последние поколения студентов наизусть цитировали страницы книги об Остапе Бендере, изустно в хорошем настроении пересказывал ее своим детям, — то следует усилиями воли сохранять человеческое, творческое мышление, хотя бы оно и есть «архитектурное излишество» для современного бытия; «человек — это звучит гордо!» в то же время, хотя бы и с брезгливостью, по необходимости нести на себе оцифрованное бремя.

...Через благоволящего к нему Николая Андреевича Игорь был представлен своему тезке — по имени — профессору Скородумову и стал его молодым научным коллегой. А главное, на первом году инженерной работы встретил основную в своей жизни, уже непреходящую любовь. Сказке ли конец? — но для его возраста это стало началом.

Доцент философии Енукидзе не любил частной собственности. Чужой. Своей же не имел по причине низкой зарплаты и благодушной лени характера, хотя и был родом с предприимчивого Кавказа, точнее — Закавказья. Короче говоря, обрусел уже в третьем поколении, а истинный православный русский человек на эту самую собственность прибор положил... Нынешние идеологи объясняют такое странное свойство пресловутым, принудительным коллективизмом: замкнутые в глухих лесах роды племен вятичей и древлян, крестьянская община при крепостном праве и после него вплоть до Столыпинных реформ и революций; наконец, силой загнанные в колхозы-совхозы. Но зачем же сдвигать мотив на цель, как говорят философы, — ведь и в Европе была схожая история, но коллективизмом там не пахло и вовеки на запахнет. Все дело в православии, которое русские приняли, как дети, всей душой, а православное христианство напрочь отвергает частную собственность.

...Иногда снилось доценту Енукидзе, что он юн и с братишкой Гогой работают в сельской кузне: плавят, куют, вытачивают. Любо-дорого посмотреть на них со стороны! И самим весело, хотя и жара банная от горнового пламени, от раскаленного инструмента и остывающих поковок.

Проснется доцент, потянется в постели, заулыбается. И тут же заулыбается: «Вот-вот, так эта зараза и затягивает. Хорошо детям играть в кузнецов. А подрастут, женятся, и бабы алчные стравят их с Гогой на почве дележа прибыли, топоры в руки возьмут. В итоге — один на вечный покой, другой — лес валить в Коми-республику...»

Юрий Мартишин
(г. Электросталь)

КИНОМАН

Наш постоянный автор.

Как много людей работают без души, отрабатывая свою трудовую вахту от безвыходности положения, ища и не находя себя в этой жизни! Как много народа мечтает о профессии, которую никогда не смогут приобрести в силу определенных обстоятельств...

1. Охранник-контролер

Его звали Николай Бабин. Сей субъект был фанатом кинематографа. Все, что показывали Бабину по ящику, он проглатывал с утра до глубокой ночи. Работал Петрович охранником-контролером в мясном магазине со звучным названием «Вырезка». Работу свою не любил, начальника презирал.

— Да за что ее, треклятую, любить-то можно? — шептал Николай мяснику Аникею. — Денег платят восемнадцать тысяч рублей в месяц. А походи за эти деньги двенадцать часов, два через два, а?

Аникей Михайлович дружески мотал головой.

Немолод был наш герой — шел киноману пятьдесят четвертый год. Большая часть жизни данного индивида была, попросту сказать, профукана. Мыкался Коленка по жизни туда-сюда, менял профессии как перчатки. Вот его послужной список: медбрат, официант, продавец, грузчик, мерчендайзер, торговый представитель. Докатился до охранника. И хотя жизнь Николая Бабина была, мягко сказать, не совсем налажена, он продолжал мечтать о съемках в кино. Как говорится, если сильно хотеть, Бог тебя услышит. Ну, не в кино попал, но героем телепередачи Петрович стал и даже пожалел об этом — конфуз на съемочной площадке случился.

А было это так. Шел две тысячи второй год, пора зарождения разных скандальных телешоу и телесериалов. После программы «Моя жизнь» Павла Мисарова выходит в свет его же проект «Форточка» с ведущим Дмитрием Гереевым. Вот в эти «Форточка» Петрович и залетел. Сын его Аким учился тогда в московском институте на телеоператора. Так вот, агент телепередачи в вузе, где учился младший Бабин, разместила на доске объявлений листок следующего содержания: все желающие, которые хотят сняться на телевидении в следующем проекте (название), звоните мне по данному номеру. Внизу имя и фамилия: агент Рита Юшкевич. И самое главное: мероприятие это не бесплатное. Чем больше роль, тем и оплата выше.

Молодым всегда деньги нужны, сами понимаете. Снялся тогда Аким в этой мыльной опере. Всей семьей смотрели выпуск. Николай Петрович во время просмотра все ерзал и смотрел на сына в ящике с расширенными от удивления глазами.

— Ну ты даешь, Акимка! — кричал он, не давая смотреть домочадцам передаче. — Я знал: есть у нашего рода природный дар к актерству!

— Да замолчи ты, пень старый! — возмущалась Клавдия Сергеевна, жена киномана.— Не ори, дай сына посмотреть, старый деспот.

— А я говорил: «Иди на актера учиться, парень»,— не унимался возбужденный охранник.— Не послушал отца, гордец. Мол, это не его.

— Ты посмотри, что вытворяет, мать, как он этому дядьке говорит: «Я уже взрослый, хочу — женюсь». Аким, а как зовут этого актера?

— Какого актера?

— Ну, отца твоего сценического.

— Он, папа, простой инженер, любитель сниматься.

— Да,— присвистнул Петрович и прилип к телевизору, поедая инженера глазами.

Всю ночь после этой программы кинофанат не спал. А не сомкнул он глаз вот почему: роль отца сынули сыграл какой-то инженер его лет. А почему он, охранник-контролер, не может тоже сыграть роль отца какого-нибудь парня? Чем он хуже? И задумал Николай сняться в этом ток-шоу. Правда, это не кино, но какая драматургия! Его сын спорил с инженером, говорил, что он уже самостоятельный и хочет жениться. Весь месяц потом Николай Петрович выпытывал у Акима тот заветный телефон агента Риты, оставленный в институте.

— Да какой из тебя артист? — обидно заключал молодой выскочка.— Ты же простой охранник, а там играть надо, импровизировать. Разве ты сможешь?

Петрович унижался перед сыном, клялся, что в молодости он участвовал в самодеятельности и небезуспешно, и вообще может сыграть любую роль.

— Это у меня от рождения,— говорил он.— По ошибке стал охранником.

Битва с молодым человеком была не из легких. «Проще,— думал киноман,— трех воров задержать, чем у сына телефон выклянчить». И вот, наконец, мальчик дрогнул, когда увидел Петровича с красными и влажными глазами. Протягивая клочок бумажки отцу, все же заметил:

— Не опозорь меня, папа.

Дозвониться и записаться на кастинг оказалось делом быстрым. Агент Маргарита спросила лишь:

— Кто дал вам мой номер?

Петрович объяснил, что сын у них снимался. Это развеяло все ее дурные мысли, откуда у взрослого мужика ее номер телефона.

2. Кастинг

Пора стояла зимняя, середина декабря. Николай Петрович приехал в Москву рано. Договаривались на восемнадцать, но уже в час дня Петрович ходил по Москве, интересуясь столичной жизнью. Кастинг на Профсоюзной улице показался киноману чем-то необыкновенным. В двенадцатиэтажном доме на первом этаже было много контор. Люди ходили туда-сюда. Бабин спросил у женщины в окошке, как попасть на кастинг. Та ответила, что он начнется с шести часов, выйдет девушка и заберет всех, кто пришел.

— А пока что только десять минут шестого,— взглянула она на часы,— так что подождите, молодой человек.

Петровичу было приятно такое обхождение: молодым человеком его давно уже никто не называл. Постепенно собрался народ. По людям было видно, что они пришли на кастинг: все какие-то нарядные, с огоньком в глазах; женщины накрашенные, как будто на свадьбу прибыли, мужчины чисто выбритые. Какой-то дед рассказывал двум молоденьким девчонкам, что здесь он уже был, но материал не пошел, и его пригласили снова. Петрович смотрел на всех восхищенными глазами.

Время пролетело незаметно. В семь минут седьмого выходит откуда-то, толкая вертушку, маленькая женщина в очках, с толстой тетрадкой под мышкой и объявляет

всем, что она пришла забрать людей на кастинг. Все стали записываться в ее толстую тетрадку. Записался и Петрович.

На третьем этаже в аудитории триста семьдесят пять стояли пять столов и с десяток стульев. За одним большим столом в конце аудитории сидели шесть молодых людей — две девушки и четыре парня. А напротив открывающейся двери в рядок стояли четыре маленьких столика, на одном из которых, а точнее, на крайнем к выходу, лежала стопка анкет. Запускали по четыре человека, остальные ждали своей очереди в коридоре. Киноман попал в третью группу.

— Проходите,— щебетала одна из студенток.— Заполняйте анкеты. Кто заполнил, проходите сначала ко мне для фото, потом — за сценарием,— указывала она на стол, где заседали ее сверстники.

Все дружно стали заполнять анкеты. После фотографирования подходили к строгим студентам. Те спрашивали их о разных вещах. Например, у молодой худощавой девушки смуглый высокий юноша спросил:

— А ты можешь заплакать?

И та, напрягаясь в имитации рыдания, стала громко кричать, совершенно не стесняясь окружающих. Было страшно и одновременно смешно. К удивлению Петровича, она получила желанный сценарий, по которому должна была сыграть женщину легкого поведения.

Потом к столу подошел толстый парень лет двадцати ростом под два метра. Ему на ушко что-то шепнула белокурая стройная студентка, и он стал громко ругаться матом и бить себя в грудь, орать, что никто его не понимает. Побагровев от натуги, юноша стал непроизвольно брызгать слюной, да так далеко, что замочил стоявших за ним кандидатов. Экзаменаторы были довольны, захопав от впечатления в ладоши.

— Молодец, Вадик! — крикнула студентка, экзаменовавшая парня.

Глаза Петровича то расширялись, то сужались. Он ловил каждую реплику претендентов на роль, подмечая излишнюю эмоциональность одних и выделяя оригинальность других. Наконец-то очередь дошла и до него. После фотографирования он скромно подошел к столу со сценариями. Судьба подвела охранника к импульсивной белокурой студентке, которая восхищалась Вадиком. Окинув взглядом пятидесятилетнего мужика, она подумала: «Что он здесь делает?» Вслух же с улыбкой спросила:

— Вы актер?

На это смутившийся и испуганный Петрович быстро произнес:

— Начинаящий.

— Ну, раз так,— притворно удивилась студентка,— вот вам сценарий, учите. Прочитайте и своими словами расскажите. Вас как зовут?

— Николай Петрович,— промямлил испуганный пожилой мужик.

— Ну так вот, Николай Петрович, часа вам хватит?

Начинаящий актер закивал головой. Было видно, что мужчина сильно волнуется. Взяв сценарий, Николай Петрович забился в уголок, пытаясь вникнуть в суть повествования. Буквы прыгали то вверх, то вниз. Претенденты на роль кричали до иступления. Сосредоточиться не удавалось. Прилагая невероятные усилия, начинающий актер все-таки прочел животрепещущую драму.

Назывался сценарий «Письмо Татьяны». В нем рассказывалось о женщине, от которой ушел муж. Мужа звали Виктор. Этого недостойного супруга и должен был сыграть киноман. Ушел он под Новый год к соседке, живущей этажом выше. Разум у Татьяны помутился, и она стала писать письма Деду Морозу: мол, с детства верила в дедушку, который ей оставлял подарки под елочкой. Сказался, по-видимому, стресс от предательства мужа: одиноко стало, вот женщина и тронулась. Кидала письма она почему-то в свой почтовый ящик. Как-то раз, проходя мимо этих почтовых ящиков, счастливый Виктор увидел валявшееся письмо. Какая-то неведомая сила заставила

его поднять этот клочок бумаги. Бегло окинув конверт взглядом, изменник понял, что это письмо от его бывшей жены — ее почерк нельзя было спутать ни с каким другим: был он ровный, размашистый, буквы круглые, красивые завитушки у букв «у» и «р». Сначала Виктор смеялся от души: в письме Татьяна жаловалась Деду Морозу на него. Писала, что муж много ел: «Все деньги, что мы зарабатывали, уходили на продукты. Я, бабушка, кашки поем, ну, супа в обед, вечером — яблочко и все. А мужу, как встанет, с утра мясо подавай, винегрет делай, компот вари. С собой на работу кастрюлями носил щи, картошку с курицей, гречку с гуляшом. После работы — поджарку свиную, блины с вишней, пива литра три выпивал. В выходные от плиты не отходила. В результате следить за собой перестала. Да когда же тут всем заниматься? Да и на что? Все деньги на эту ненасытную хлеборезку уходили. Все съедал. И вот, бабушка Мороз, за все мое хорошее, за то, что кормила, обстирывала, обштопывала, ухаживала за ним, как за маленьким, он меня бросил. Ушел к соседке из нашего же дома. Перед людьми стыдно. Мусор выносить пошел, так и не вернулся. Плохо мне, бабушка. Ночами не сплю. Привыкла я к нему, изменнику проклятому. В выходные с утра до вечера лежу на кровати, в потолок смотрю. Даже телевизор не включаю, о нем думаю. Как он там, у чужой женщины, накормлен? На работе подруги жалеют, видят, что переживаю. Я кассиром в магазине работаю. Три раза уже недостачу оплачивала. Начальство ругает, грозитя уволить. Бабушка, ты мне в детстве подарки под елкой оставлял. Верю я в тебя, хоть и взрослая уже. Вот уже год прошел, как Виктор ушел от меня. Прошу тебя: сделай чудо. Хочу в Новый год повстречать такого мужчину, чтобы он мало ел, много зарабатывал, был небольшого роста, а не как этот верзила, любил меня и не бросал. А я для него свитер свяжу и носки. Ухаживать буду, прямо на руках носить. Одной очень плохо, бабушка. На этом все, твоя Татьяна».

Когда Виктор дочитал до конца, ему очень жаль стало свою бывшую супругу, ведь столько лет вместе прожили. Пусть и с чудинкой и детей ему не родила, но ведь она страдает в одиночестве, а он счастливо живет с новой супругой младше его на десять лет. «Нет, это несправедливо», — подумал Виктор про себя. У него на работе трудился холостой непьющий карлик. Судя по описанию бывшей супруги, именно такого она и просила у Деда Мороза. И вот решил счастливiec свести свою бывшую жену с ним. «Пусть все будут счастливы», — мечтательно сказал он и облегченно вздохнул.

Татьяна рассказывает свою историю всей стране и Герееву. И тут неожиданно после слов Гереева: «Встречайте!» — на сцену студии должен выйти Дедушка Мороз с мешком — это по сценарию Виктор, бывший муж брошенной Татьяны. Из мешка выпрыгивает карлик, Дед Мороз снимает бороду, Татьяна узнает в деде Витю и... Короче, все счастливы. Карлик сидит на коленях у Татьяны, Виктор широко, по-детски, улыбается. Конец сюжета.

Петровича даже на слезу после чтения сценария пробило.

— Ну что, прочитали? — спросила студентка, видя, как к ней идет неопытный пожилой претендент. — Отойдем в сторонку, я вас послушаю.

И тут началось. Петрович как с цепи сорвался: стал ругаться со студенткой, изображая мужа Татьяны, да так натурально, что девушка попятилась в сторону, на миг испугавшись агрессии. Вытянувшиеся и внимательные лица экзаменаторов свидетельствовали о явном успехе киномана. И вот 20 декабря 2002 года в 12 часов ночи в дверь квартиры охранника Бабина постучал счастливый хозяин.

— Приняли! — крикнул он жене, открывшей дверь, и пулей влетел в квартиру.

Не поев и не сказав Клавдии больше ни слова, разделся и завалился спать. Сон великого актера, как и день, тоже был на высоте. Во сне он продолжал играть: ругался, смеялся и вообще шпарил без запинки текст, который, кстати, прочитал до этого один раз. Его партнерша, настоящая актриса театра и кино, постоянно сбивалась и

смотрела в текст, который был записан у нее в маленьком блокнотике, умещавшимся на ладони. Народ в зале возмущался и кричал на актрису, но она нечего не могла поделать — плохая память. Бабин сочувственно кивал головой и разводил руками, но про себя тоже возмущался вместе с народом: наберут, понимаете ли, бездарностей...

3. Телепередача

Съемка была назначена на 24 декабря. Снимали на Мосфильмовской. Перед съемкой должна была состояться генеральная репетиция. Дома все три дня у Бабиных был ад. Как вы сами догадываетесь, возмутителем спокойствия был актер-любитель Николай. Домочадцы часами ждали, когда освободится туалет, из-за двери которого доносились крики:

— Я не люблю тебя больше, Татьяна!

После этого шла длинная пауза, сопровождавшаяся шуршанием бумаги. И, наконец, звериный вой Бабина:

— Ну что ты делаешь со мной, любимая?!

Тяжелее всего эти дни перенесла Клавдия Сергеевна. Женская ревность сверлила и жгла, сосредоточенность мужа на роли делала ее для Николая невидимой и ненужной, а это то еще испытание для женщины.

И вот открывается дверь 65 аудитории, где проходят репетиции сюжетов для передачи «Форточки». Слышен шум репетирующих людей, уже так знакомый киноману. Вот и Вадик вытирает пот со лба, ходит из стороны в сторону; девчонка, изображавшая рыдания на кастинге,— все они снимаются. Вдруг Николай замечает маленького человека в ковбойской шляпе. Рядом с ним сидит мужчина лет тридцати, они увлечены беседой. Петрович инстинктивно подходит к ним и спрашивает, обращаясь к маленькому человеку:

— Извините, что прерываю вашу беседу. Вы пришли на съемки сюжета «Письмо Татьяны»?

— Да,— ничуть не удивившись, говорит карлик.— Это режиссер программы Борис Евгеньевич,— представил он мужчине, только что беседовавшего с ним.— А вы, очевидно, Виктор, муж Татьяны,— улыбается тридцатилетний мужчина, трясая руку киномана, и продолжает: — Ну что, батенька, будем играть трагикомедию?

Петрович смущенно, но бодро говорит:

— Будем.

— Сейчас подойдет наша дама,— не унимается Борис Евгеньевич,— и начнем репетировать,— при этом шурится и потирает руки.

Татьяной оказалась женщина плотного телосложения. В жизни актрису звали Вика. Была она, как и киноман, не профессионалкой, но как только начала говорить текст, киномана взяла робость: Татьяна так правдоподобно и без запинки рассказывала свою историю, что Петрович засомневался в своих артистических способностях, в которые за последнее время уверовал по-настоящему. Наступил момент, когда надо было вступить ему.

— Татьяна...— промышчал он неуверенно и затих.

Пауза была тяжелой: Петрович забыл текст.

— Бывает,— бодро залепетал Евгеньевич.— Встаньте, как там вас, Николай,— прошипел киноман.— Да, бывают такие запинки, даже у великих! — добавил он, многозначительно подняв указательный палец вверх.— Давайте, дорогой мой дружок, расслабимся и попрыгаем на месте.

Глаза у Петровича округлились.

— Не удивляйтесь, друг мой, это упражнение по снятию стресса. Вы просто попали в непривычную для вас обстановку, вот вас и заклинило.

Киноман неуверенно, на глазах у всех стал подпрыгивать на месте. Было страшно

неловко. Вся аудитория затихла и смотрела на него, не понимая, что происходит. «Наверно, роль такая»,— подумали многие, и репетиции возобновились.

— А теперь, дружок, спойте,— произнес режиссер программы.

Киноман остановился как вкопанный.

— Что?! — произнес запыхавшийся охранник.

— Нет, вы продолжайте прыгать,— пропищал режиссер.

— А что петь? — заикаясь, промычал охранник-контролер.

— Ну, скажем, «В лесу родилась елочка»,— завершил он твердо.

И так, прыгая, наш герой запел дрожащим голосом про елочку. Все это упражнение по снятию стресса продолжалось минут пять, но Петровичу показалось, что это длилось вечно. После этого Петрович запел соловьем. Репетиция продолжилась.

— Ну наконец-то,— сказал режиссер, потирая ладони.— Вот что значат упражнения. Все хорошо, отрепетировали на пять. Готовимся выйти на сцену. Сергей,— махнул он рукой своему помощнику,— проводи актеров в костюмерную и на грим, да и объясни им, что и как.

И тут же к Николаю и Павлику — так звали малыша — подошел длинный долго-вязый прыщавый парень лет восемнадцати.

— Сергей,— представился он всей компании.— Вы, Виктория, сказал он даме, стоявшей поодаль,— выходите в зал первой.— Вы,— обратился он к Петровичу,— выходите после слов Гереева: «Встречайте: Дед Мороз!» Ну а вы,— опустил он взгляд на Павлика,— выходите вместе с Николаем в мешке. Сейчас же, мои дорогие, на костюм и на грим. Когда будете готовы, подождите меня, я вас провожу и объясню, что делаем дальше.

Костюм у киномана был шикарный: из атласной ткани благородного синего оттенка со вставками из белого меха. В комплект входили шуба, шапка, рукавицы, мешок, пояс, борода. Петрович вспомнил детство: в садике Дедом Морозом всегда была Екатерина Ивановна, воспитательница. В детстве же маленький Коля долго любовался шубой деда, она была ярко-красная со снежинками. Борода внушала уважение и страх. Пахло от Деда Мороза всегда женскими духами. Петрович теперь понимал, почему.

Костюмеры быстро помогли охраннику. И вот в костюмерной как по волшебству появился Дед Мороз. Все хвалили мужчину.

— Вот это настоящий Мороз, статный, не грех такого по ящику показать,— щебетала громче всех Егоровна, самая пожилая дама среди костюмеров.

Грим наложили тоже очень быстро.

И вот они с Павликом стоят у двери гримерной, молча волнуясь.

— Ну что, пойдёмте,— крикнул на ходу бегущий Сергей.

За ним бежали Борис Евгеньевич и еще какой-то мужчина с черными коробочками, из которых торчали провода. И когда они поравнялись с Петровичем и маленьким человеком, Сергей, запыхавшись, сказал:

— Съёмки уже начались, теперь очередь за вами.

Неказистый мужчина подошел сначала к Павлику, окинув его взглядом, быстро засунул ему коробочку с антенной за спину, а провода с микрофоном, протаскив под рубашкой, закрепил на воротнике. То же он сделал и с Петровичем. И все быстро устремились за ним, кроме неказистого мужичка. Он, сделав свое дело, отправился назад. И вот, не дойдя метров пятьдесят до выхода на сцену, группа из четырех мужчин, один из которых был похож на толстого мексиканского мальчика, а еще один вообще был Дед Мороз, остановилась. Сергей, показав Петровичу на мешок, потом — на Павлика, сказал чуть слышно:

— Сажаешь его в мешок и несешь в зал. Ну а там — по сценарию.

Борис Евгеньевич, серьезно посмотрев на актеров, шепнул:

— Не подведите.

И руководство мгновенно исчезло. Киноман посмотрел на малыша, а тот, в свою очередь, снизу вверх на огромного Деда Мороза. Во взгляде маленького мужчины читалось очень искреннее детское доверие. Павлик как бы говорил Петровичу: «Ты же не уронишь меня, дядя Витя?» Петрович, будучи не очень сильным человеком, хоть и большим, отвел глаза в сторону. В зале плавно лилась речь Вики. «Скоро Гереев позовет»,— будто током ударило Николая.

— Ну что,— решительно сказал Дед Мороз, доставая из широкого кармана плотно сложенный мешок из атласной ткани. Развернув его и держа за края, он присел, поднося его к Павлику:

— Прыгай сюда, подарочек,— ухмыльнулся Петрович.

Подарок сделал серьезное лицо и бесстрашно встал в мешок, опираясь на плечо партнера.

— Я вешу пятьдесят шесть кило,— произнес он как приговор.

В голове у Петровича сначала потемнело, потом стало суммироваться: пятьдесят метров до зала, там по крутым ступенькам вниз метра три и до дивана еще метров восемь. «Шестьдесят один метр»,— присвистнул он. Холодный пот пробил киномана. Что же об этой гимнастике не сказал Борис Евгеньевич?

— Мать его за ногу! — выругался начинающий актер.

«Подстава,— пронеслось несколько раз в голове охранника.— Вот он, актерский тяжкий хлеб. Я же не осилю». Петрович с детства был маломощным, хотя и крупным. Мать постоянно оберегала Колечку, ставила ему банки, лечила антибиотиками, но к труду и физической культуре никогда не приучала любимого сына, считала это совершенно не нужным делом. «Мой сын,— говорила она,— будет актером». Вот, наверно, поэтому Петрович и мечтал об этой профессии.

— Я готов,— проговорил стоящий перед ним мешок.

Коленька собрался, схватившись за верхушку мешка, как за репку, и сразу отказался от этой затеи.

— Какой скользкий,— бурчал Петрович, пытаясь обнять атласный мешок и приподнять его, резко отрывая от пола.

От рукавичек пришлось отказаться сразу: в них скольжение увеличивалось. Хорошо еще Павлик молчал, не издавая ни звука. Вдруг речь Татьяны стихла, и звонкий голос Гареева таинственно произнес:

— Дед Мороз!!!

Петрович, схватившись за верхушку и одновременно за нижний уголок мешка, резко рванул вес на уровень живота, немного приподнимая его правым коленом,— так торгующие торговцы картошкой таскают мешки покупателям до машины. И, надув все жилы на лбу, сосредоточенно двинулся в зал. Под шапкой сочились струйки пота. Дыхание увеличивалось с каждым шагом, как у паровоза, набирающего скорость. Шаги, как невидимый метроном, отчитывали путь к избавлению от мук: шестьдесят пять, шестьдесят шесть. И вот Петрович видит перед собой зрительный зал. Светло и тихо, даже Гереев торжественно молчал, отдавая должное героическому появлению Деда Мороза в обнимку с мешком. Зрители гадали: почему Дед Мороз несет мешок не на плече, а как охапку дров? А Петрович в это время поглядел вниз, чтобы поставить ногу на спасительную ступеньку, и не увидел ее за телом Павлика. Проемы ступенек были очень широкими, ступеньки — крутыми. Киноман впал в ступор, ведь ему предстояло шагнуть в пропасть, в невидимую черную дыру, да не просто самому шагнуть, а с тяжелым телом Павлика, доверившего ему самое дорогое — свою жизнь. Со стороны вся эта картина напоминала какие-то соревнования Дедов Морозов.

Вот он замер с мешком в руках, готовясь к финальному прыжку в зал! Трибуны безмолвствовали. Молчал даже комментатор. И тут руки Петровича от невыносимого напряжения стали предательски слабеть, постепенно разжимая стальную хватку фио-

летовых пальцев, держащих ничего не подозревающего маленького человека. И, выскользнув из уже ничего не контролирующего захвата напуганного Петровича, мешок плавно покатился вниз. Удар о ступеньку был глухим, напоминающим шлепок мешка с картофелем, будто торговец не донес его до машины и уронил. Потом были вторая, третья, четвертая, пятая ступеньки. Мешок крутился, грохотал и, наконец, докатился до столика, за которым сидела Татьяна, уже без помощи Вити.

Николай Петрович мысленно представлял себя в наручниках, сзади его подталкивали к выходу два здоровых молодых милиционера. Холодное тело Павлика с болтающейся окровавленной головой на носилках уносили люди в белых халатах. Тихину прервал быстро нарастающий шепот зрительного зала:

— Убил жениха Дед Мороз!

— А что, там, в мешке, человек? — допытывалась полная пожилая дама во втором ряду у соседа, мальчика лет четырнадцати, привставшего со стула и пристально смотревшего на мешок.

— Там, бабуля, человек, — обернулся к ней с объяснениями мальчишка. — И по тому, как он выпал из рук Деда Мороза, ударившись о ступеньку, могу предположить, что он уже не дышит.

Время отсчитывало секунды, превращая их в минуты. Гереев тупо смотрел на неподвижный мешок. Операторы о чем-то тихо шептались. Зал гудел, как улей. И тут Петровича будто кто-то подтолкнул. Он понял, что надо действовать, пока не поздно. Лихо сбегав по уже хорошо и отчетливо видимым ступенькам, он устремился к мешку. Зал и съемочная группа затихли. Еще не успокоившись и тяжело дыша, но очень уверенно киноман подлетел к мешку, стоявшему возле большого сценического столика, обхватил его сделавшимися железными напряженными руками и рванул вверх. На этот раз мешок не выскользнул из рук, но тихо возле уха Петровича раздался писк Павлика. Петрович обрадовался, про себя сказав: «Значит, живой подарок!!!» Пройдя еще метра четыре, он аккуратно и торжественно усадил на диван в мешке живого, как он уже убедился, напарника. Как же стало хорошо старику, когда он увидел вылезавшего и довольного бодрого собрата по опасному актерскому мастерству!

Уезжая домой, Петрович мысленно сказал себе: «Чтобы я еще пошел сниматься...»

Эпилог

Сюжет доиграли до конца, никто не сбился. Когда артисты уходили со сцены, зал аплодисментами провожал героев, которые почему-то были грустны и сосредоточены. Программу сняли и показали по телевизору, вырезав неудачный выход Деда Мороза. И, конечно же, все Бабины, кроме Николая Петровича, смотрели телешоу. А он в этот день был на работе.

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Дороги в колдобинах, по обочинам лебеда и крапива. Кое-где побеги ивняка. Заброшены здешние края, забыты жители. С десяток дворов в деревне, но и те скоро опустеют. Вот отнесут на погост последних стариков, и наступит раздолье для сорняков да кустарников. Заполонят округу, затянут паутиной-порослью — и деревушка исчезнет. Холмики да старый погост с крестами напомнят прохожему, что в этом месте люди жили...

— Грунь, Грунь,— позвал старик, укрытый лоскутным одеялом.— Включи тарелку. Сводку послушаю.

— Ополоумел, старый,— бабка Груня, опираясь на старенькую клюку, подошла и присела на табуретку.— Какая сводка, ежели давно тарелки нет?

— Видать, приснилась,— прошамкал старик, рукой провел по лицу и взглянул из-под кустистых бровей.— Кто-нить заходил?

— Лекарка заезжала. Кучу пузырьков и таблеток привезла. Хотела тебя послушать, но я не разрешила будить. Она вздумала в больницу увезти тебя. Велела бельишко собрать. Сказала, в следующий раз заберет. Глядишь, поправишься. Архип Сифилитик заглянул, но я не пустила,— сложив руки на коленях, сказала старуха.— Он обещал вечером зайти, баламут этакий.

— Гони его в шею,— булькнул дед Корней.— Покоя нет...

— Сам выгонишь,— перебивая, сказала бабка Груня.— Твой дружочек.

— Нутро горит,— старик показал на грудь.— Вот туточки. Помру я, Грунь.

Взглянув поблекшими глазами, баба Груша задумалась, потом проворчала.

— Не болтай, Корнейка,— она посмотрела на худое лицо старика.— Всех отнесут на погост, когда время подойдет. Никто еще не задержался на этом свете больше, чем ему положено. Чуток погоди, отвар налью.

Баба Груша вышла из горницы, загремела посудой и появилась, держа старую кружку. Пришептывая, она придержала голову старика и поднесла отвар.

— Пей, Корнеюшка,— сказала она.— Свежий заварила. Глони маленько, полегчает.

Старик закашлялся. Тонкая коричневатая струйка потекла по щеке.

— Все, больше не влезает,— он нащупал полотенчик, вытер лицо.— Видать, лишку глотнул. Оставь. Потом допью. Батяня приснился. Будто сено возили с ним. Стог сметали. Батя подавал навильником, а я утапывал. А маманька внизу ругалась, что могу под вилы попасть.

— Значит, трава уродится — это хорошо,— прошамкала старуха.— Правда, некого кормить. Скотинку продали. Вон, Клавка Лещиха козу отводит за огороды, а

весенняя травка махонькая, сочная, вечером молочка надоит и разносит по дворам. Куда одной-то столько выпить? Нам кружечку принесла. Скусно — страсть! — бабка Груня причмокнула. — Я чаек разбелила и с хлебушком повечеряла.

Бабка Груша замолчала. Опершись на клюку, она сидела, о чем-то думала, качала головой, взглядывала на старика и опять задумывалась. Изредка проводила сухонькой ладошкой по морщинистому лицу, поправляла седую прядь волос, разглаживала складки на залатанной юбке и опять — думы, думы, думы...

Пестрая кошка запрыгнула на кровать. Потерлась башкой об руку старика, прижалась к нему и замурчала: громко и протяжно.

Прикрытый одеялом, дед Корней лежал, в груди побулькивало, когда старался вдохнуть поглубже, но получалось мелко и редко. Старик приподнимал руку, смотрел и не узнавал ее. Казалось, недавно дрова готовил, возился по хозяйству, а потом расхворался, и сейчас была не рука, а сухая палка, обтянутая кожей. Ушла силушка-то, ушла. Скоро и сам уйдет. Не зря батя с мамакой приснились. Наверное, зовут...

— Дед, уснул, штоль? — похлопала по одеялу баба Груня. — Что-то притих...

— Нет, — завозился старик. — Смотрю, ты сидишь и не шевельнешься. Посчитал, ты задремала. Я належался, аж бока болят. До весны дожили. Наверное, хорошо на дворе. Весна, тепло...

Старуха махнула рукой.

— На улице хорошо. Давеча к Борзунихе бегала, гляжу, деревца листочки вовсю пустили. Страсть, какой дух!

— Груш, а ты сообщила нашим, что я помираю? — дед Корней заерзал на койке. — Приедут, аль как? Ну, попрощаться...

— Опять за свое взялся — помру да помру, — прошамкала старуха. — Зимой отправляла письмишко, когда расхворался, до сей поры молчат. Наверное, сгнуло в дороге. Шутка ли, до них тыщу верст, может поболее. Недолго и затеряться.

— Нет, Грунь, не приедут, — мотнул головой старик. — Далеко добираться. Умotalи на край земли и живут, в ус не дуют. Много они бывали в деревне? Три весточки прислали и два разочка приезжали, недельку отлеживались, а больше ни ногой сюда. Заняты! Слышь, а кому избу оставишь?

Бабка Груня нахмурилась. Сидела, постукивая клюкою по щелястому полу, смотрела в оконце, за которым вовсю зеленели кусты, окинула взглядом старую избу и махнула рукой.

— Да никому изба не нужна, — сказала она. — Вон в деревне, кто-нить отдаст богу душу, отвезли на погост, заколотили избу и стоит она, покуда не рассыплется, пока на дрова не растащат, ежли зима суровая. Много сюда вернулись из городов-то? Да ни один не появился. Отвыкли от нашенской жизни, далеко от земли ушли.

— Грунь, домовину приготовили? — забулькал дед Корней. — Долго не держи меня в избе — спорчусь, завоняю. Сразу отнесите на погост, сразу.

— Тьфу, чертяка болтливый, — бабка Груня поджала губы и перекрестилась. — Типун тебе на язык! Завоняет... Ишь, какой выискался! Да чему вонять-то — кожа да кости остались. Ты бы кушал, Корней...

— Не хочу, — старик заелозил по одеялу.

— А я щи из молодой крапивки сготовлю, — сказала старуха. — Страсть, какие вкусные! Сметанки нет, но молочком забелю. У Клавки Лещихи возьму. Похлебаешь.

— Ладно, похлебаю, — прошамкал дед Корней, надолго закашлялся. — Все плохо, все...

— Что — плохо? — не поняла бабка Груня. — Что городишь, старый?

Старик молчал, прикрыв глаза, потом сказал:

— Плохо, ребятки не приедут. На внука бы взглянуть. Наверное, большенький стал.

Задумавшись, бабка Груня шевелила губами, что-то шептала и покачала головой.

— Дед, — она стала загибать скрюченные пальцы, — неужто у трех сыновей всего один малец родился? Сколько нашему младшенькому, Витяньке? О, ты не помнишь! Почитай, за тридцать перевалило. А старший, Валерка, поболее всех прожил. Получается, у каждого сынка есть детишки, а может и внучатки бегают.

— Видать, забыл, — булькнул старик. — Фотография-то одна. Другие не присылали. Вот и получается, внук один, а про остальных и слыхом не слыхивали. Ладно, когда Валерка уехал на заработки, других переманил. В одном городе живут — скучковались. А сюда не приезжают... Может, заняты, может далеко — не ведаю.

— В каком городе? — бабка Груня махнула рукой. — Они на краю земли в поселке живут, у черта на куличках. Господи, прости мою душу грешную! Занесло, где Макар телят не пас. Вот тебе и длинный рупь! Сказывали, там люди возле моря живут, а ездят отдыхать на другое море. Зачем — не понимаю, будто своей воды мало. Вот и хмыздают с моря на море, и получается, что времени не хватает, чтобы до нас добраться. Поэтому носа не кажут. Ну ничего, ничего... Когда-нить образумятся и навелят.

Старик вскинулся и зашарил рукой по одеялу.

— Грунь, дай-ка отвару испить. Душа не на месте, поджилочки трясутся.

Баба Груня засуетилась. Схватила ковшичек, налила отвара, наклонилась над стариком и, прищепывая, стала поить. Потом забрякала пузырьками на комод, на капала капли и заставила старика выпить.

Дед Корней поморщился, поворочал языком, и опять шевельнул рукой.

— Полегчало? — спросила старуха. — Может, покушаешь?

— Не хочу, — сказал дед.

Заскрипела дверь. В избу ввалился крепкий сутуловатый старик. Сбросив галоши, он снял замурзанную фуражку и протянул пакет.

— Накось, Грушка, рыбку, — прогудел он, подошел к кровати и уселся на расшатанную табуретку. — Здорово, Корней! Свеженьких линьков принес. Пусть бабка заварит юшку. Дюже полезна для организма, — и прихлопнул по коленям заскорузлыми ладонями. — Скажи мне, друг ситный, почему я такой здоровый? Ни одна хвороба не берет. Не знаешь? А я скажу... Лучок с чесночком да рыбки побольше — вот и здоровье будет. А ты вредный, ехидный и желчью харкаешься, поэтому все болячки собрал. Понял, старый хрыч?

— Ты, Сифилитик, каким был трепачом, таким остался, — прошамкал старик и заелозил на койке — все же обрадовался, что сосед зашел проведать, но привычно заворчал. — Марш из моей избы, куда оглоблю не испробовал!

— О, ругается, шельмец, значит, будет жить, — дед Архип шлепнул свернутой фуражкой по ладони. — Подыму тебя на ноги, подыму! Ну, а ежели не поставлю, рядом улягусь. Пушай вместе закапывают на мазарках. Так и знай, друг ситный!

— Уйди с глаз моих, ирод, — забеспокоился старик. — Всю жизнь плешь проедал. Угораздило на фронте встретиться — там житья не давал, в деревню вернулись, ни одного дня спокойно не пожил, а теперь еще на тот свет со мной собрался. Грунька, выгони Сифилитика. Марш отселева, ирод!

— Грушка, — хохотнул дед Архип. — Лучше налей по стопарику! Мы за завтрашний праздник выпьем.

Старуха выглянула из кухонки и намахнулась на соседа грязной тряпкой.

— Я дам — стопарик! — она нахмурилась. — Ты, Архипка, башкой думай, что городишь. Корней хворает, а ты — выпьем! Что за праздник? — старуха подошла к календарю, оторвала несколько листочков и охнула. — И взаправду, праздник. Корнейка, завтра же День Победы. Твой день, старый, твой!

— Вот говорю, что нужно выпить, — прогудел дед Архип. — Помнишь, как вернулись? Шли по деревне — медали сверкают, а девки стреляют глазками, стреляют. А не забыл, как после войны всей деревней отмечали? О, как гуляли! Да, были времена... Столы расставим в осиннике, хозяйюшки хлопочут, запасы приносят, на столы

расставляют, а потом садились, и начинался праздник. Да, были времена... — и старик задумался.

— Разве такое забывается, — неожиданно рассыпалась смешком баба Груня. — Помню, как девки от тебя шарахались. Ни одна не хотела с тобой гулять. Вот уж привез подарочек с войны, Сифилитик!

Дернув себя за клочкастую бороду, дед Архип хохотнул.

— Эть, припаяли прозвище на всю жизньюшку! — опять хлопнул по колену. — С финской войны дома не был. Вернулся, организм не выдержал. Весь покрылся чиряками, весь! По улице вышагиваю, вся грудь в орденах, а от меня, как от прокаженного, шарахались. Все, сифилис привез! А потом не то, что выйти, сидеть не мог. Одежку натяну, а снять не получается — прилипла. Батя глядел на меня, а потом раскусил, отчего чиряки повыскакивали. Поставил настойку из яичек с медом да молочком. Когда выпела, вечером привел меня на конный двор, одежонку содрал, раскопал конский навоз, который горел, и велел ложиться. Я в яму улежся, он засыпал меня, только лицо из дерьма торчало. Сказал, чтобы до утра лежал и не двигался, сам пошел баню готовить. Вся деревня сбежалась, чтобы на меня поглазеть. И Корнейка, мой друг ситный, стоял и посмеивался. А я лежал и чуял, как по телу букашки и червяки ползали. Щикотно, а шевельнуться нельзя! Ох, кое-как дотерпел до утра. Батьку дождался, он разгреб навоз и я, как был гольшом, так и сиганул по деревне. Утро, все на работу идут, бабки возле домов сидят, а я, жердина двухметровая, нагишом несусь. Вся деревня в лежку лежала! Да были времена... — старик замолчал, потом опять в который раз принялся рассказывать. — Ох, как батя веником парил — страх! Отольет холодной водой, в чувство приведет, плеснет на каменку и снова за веник берется. В общем, я на карачках оттуда выполз. А батянька холстину обвязал на поясе и заставил стоять гольшом на солнце, чтобы раны покрылись коркой. О, друг ситный, легче в атаку сходить, чем такие мучения принимать! Едва вечер наступил, он заставил выпить стакан самогонки, привел на конный двор и снова меня закопал. А утром в баню. И так три дня гонял. Потом достал эту настойку, и заставил пить. Воночая, зараза! Недели не прошло, я стал поправляться. Новые чиряки не вылезали, раны затягивались и я ожил. С той поры ни разу к лекарям не обращался. Едва начинаю хворать, делаю настойку из яичек с молочком, как батя научил, и принимаю. Все болезни как рукой снимает. Вот, о чем говорю, Корней, что тебе надо настойку попить. Мертвого на ноги поднимет, а тебя и давно. Я утречком принесу. Настоялася. Солью, себе оставлю, тебе притащу и начнешь принимать. Слово даю, еще побегаешь, друг ситный! — дед Архип шлепнул ладонью по колену и поднялся. — Все, пора домой — вечерет. А ты, Грунь, юшку приготовь из линьков. От нее нутро заработает. На себе проверял. Ну, Корней, до завтра! Утречком заскочу, праздник отметим. А ты, бабка, не ругайся, — он оглянулся. — Забыл спросить... Ваши пишут? Ага, понятно... Вот и мои разгильдяи помалкивают. Значит, нормально живут. А ежели плохо, давно бы примчались. Ну ладно, пойду, — и, наклоняясь, чтобы не удариться лбом, вышел.

На улице смерклось. Баба Груня зашла в горницу. Старик лежал, укрытый одеялом. Изредка заходил в кашле и начинал елозить рукой по одеялке, словно хотел скинуть, чтобы вздохнуть глубоко и спокойно.

— Корней, просыпайся, — затормошила старуха. — Ушицей покормлю тебя.

— А? — дед Корней встрепенулся.

— Ушицу похлебай, — баба Груня присела на табуретку, зачерпнула и осторожно поднесла ложку. — Кушай. Вкусная юшка, сладкая. Хотела щи сварить с крапивкой, но Сифилитик велел ушицу сделать. Рыбка полезная для нутра. Размяла ее, чтобы легче глоталось. Хлебай...

Старик давился ушицей, затажно кашлял, подолгу жевал беззубыми деснами юшку, острый кадык дергался и опять открывал рот, словно птенец. Баба Груня зачерпывала, понемногу вливая в рот наваристую уху и шептала, посматривая, как дед кушал.

— Вот и, слава Богу, наелся,— сказала она, заметив, что старик плотно сжал губы.— Вкусная ушица? Я тоже похлебала. Чуток осталось. Позавтракаешь.

— Вкусно,— булькнул дед Корней.— Внутрях затеплело.

— Значит, поправишься и будем жить,— закивала головой баба Груня.— Глянь, сколько выхлебал — ложек десять, не менее. Архипка же обещал, что поставит тебя на ноги. Ежели Сифилитик сказал, значит так и будет. Настырный — страсть!

Поднявшись, она поправила подушку, старенькое одеяло, чтобы дед не замерз. Прошаркала на кухоньку. Погремела посудой. Взглянула на ходики. Протяжно зевнула и мелко перекрестила рот. Налила немного отвара, и вернулась в горницу. Опять присела на табуретку, посмотрела на старика и чуть приподняла голову.

— На, глотни,— сказала она.— Немного поспишь. А утречком Архипка придет. Искушаем тебя. Пиджачок с медалями достану, рубаху чистую. Посидим, праздник отметим. Так и быть, налью по рюмочке и сама опрокину с вами.

Старик забеспокоился.

— Дай,— зашамкал он и задвигал рукой.— Дай пиджак.

— Эть, неугомонный,— заворчала баба Груня.— Спи! Завтра вытащу, завтра. О-хо-хо, глазоньки слипаются. Что-то умаялась.

— Дай,— затревожился старик и стал тянуть одеяло.

Баба Груша поднялась, задернула занавески на окнах — сразу в горнице потемнело, подошла к кровати и зашуршала, снимая покрывало.

— Спи, старый,— она заворчала.— Ночь на дворе. Никуда твой пиджак не денется. Спи, сказала...— заскрипели пружины, и наступила тишина.

Светало, старик заметался, стараясь сбросить одеяло.

— Дай,— забулькал он и закашлялся.— Грунь, Грунька...

Позевывая, баба Груня приподнялась, прислушалась к тишине, перекрестилась и, укрывшись одеяльцем, вскоре засопела.

...Едва взошло солнце, донеслись тяжелые шаги. Распахнулась дверь, в избу ввалился дед Архип, с подстриженной ровной бородой, в рубахе, брюки заправлены в сапоги и в пиджаке, сплошь в наградах.

— Корней Петрович, Аграфена Васильевна, с праздником! — забасил он, держа банку с белесой жидкостью и бутылку.— С Победой, солдат! Ну-ка, поднимайся. Сейчас наши фронтовые выпьем. Что притихли? — он направился в горницу.

Дед Корней лежал на кровати, на груди пиджак, на котором были потемневшие от времени медали. Рядом сидела баба Груня и неслышно плакала, вытирая слезы платком.

— Корней, как же так, неужто не дождался меня? — банка выскользнула и грохнулась на щелястый пол, резко запахло лечебной настойкой, дед Архип дернул себя за бороду и присел на табуретку.— Я пообещал, что поставлю на ноги, а ты взял и помер...

— Когда же покой будет? С грехом пополам задремал, а его принесло — чертяку безрукого,— дернувшись, пробулькал старый Корней.— Грушка, гони этого охламона. Ишь, чего удумал — помер. Всю жизньюшку ждешь, чтобы меня первым снесли...

— А я же взаправду решил, что ты того... Бабка плачет, а ты лежишь и не шевелишься, только нос из подушки торчит, а оказалось — дрыхнешь, зараза такая... Значит, будешь жить! Чуток подожди. Вернись, гулять будем,— дед Архип засуетился и затопал к выходу.— Сейчас приволоку настоечку. Свою банку отдам. Да я для тебя... Да я тебя с того света живым верну. Эх, дружок мой,— и выскочил, хлопнув дверью.

— Вернешь, Сифилитик,— вслед пробулькал дед Корней и взглянул на жену.— Где моя стопка? Не ворчи — грех. Сегодня праздник. Светлый день.

И дед Корней медленно заелозил, стараясь прислониться к спинке кровати.

А за окном была весна, и всюю заливались птицы.

Константин Емельянов
(г. Александрия, США)

**ГЕРАКЛЫ ДЫРОКОЛОВ,
или Мой путь к американской мечте – 2**

Родился в г. Алма-Ата, Казахстан, в 1966 году. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета и работал в местных газетах и журналах до отъезда в США в 1997 году. Печатался в журналах «Юность», «Новый Журнал», «День и Ночь», «Зарубежные задворки», «Приокские зори», в интернетовских изданиях России, США, Германии, Франции, Израиля и Казахстана.

I

Обычно поздней весной и летом я всегда задаю себе вопрос: ну почему столицу Америки решили построить именно в этом месте, в этом странном климате? В тени здесь укрыться от жары и духоты невозможно. Пять месяцев, с мая по октябрь, средняя температура воздуха держится в пределах 90—100 градусов по Фаренгейту, примерно 35—40 ° по Цельсию. В буквальном смысле ощущаешь, как плавится в горячие дни асфальт под ногами. Особенно убийственной кажется повышенная влажность. Даже ночью не отпускает «духовка», сдавив легкие и сердце влажным и вязким обручем. Спасаться можно лишь внутри помещения или в машине, где есть кондиционеры.

В местном музее искусств я как-то увидел старинную картину. Она до сих пор у меня перед глазами, когда я ошалело бреду по душным, залитым солнечным светом вашингтонским улицам. На картине — дамы и господа, примерно XVIII—XIX веков, с зонтиками и веерами, наблюдают, усевшись на пригорке сразу за Вашингтоном, за сражением двух армий чуть поодаль, в долине. Солдаты английской и американской армий колот друг друга штыками, взрываются серым дымом старинные пушки, а в это же время пикник на пригорке продолжается.

Точно так же было и сто лет спустя — во время войны северных и южных штатов, между «союзной» и «конфедеративной» армиями. После победы северяно-юнионистов было, наконец, отменено рабство. Войны шли, а господа все так же на них взирали, как сегодня смотрели бы футбольный матч, расположившись на удобных креслах, и слуги подносили хозяевам напитки. После сражений трупы оставались на полях боев необранными, и на столицу горячий влажный ветер нес смрад разлагающихся тел. Добавьте к этому температуру под 40 °, палящее солнце и никаких кондиционеров! Как умудрялись люди в таких условиях выживать? Но, видать, были у отцов-основателей какие-то мотивы, чтобы построить город на осушенных болотах двух соседних штатов: Вирджинии и Мэриленда.

В тридцатиградусную жару и духоту, несмотря на раннее утро, я бреду по раскаленным улицам Вашингтона на службу. Парит так, как будто пробираешься по тропическому лесу. Или по болотам вблизи Амазонки. Народа на улицах еще не очень много. За исключением нищих, которые уже вышли на промысел.

А возле нашего офиса социального страхования, по-советски — собеса, в центре города — уже очередь, несмотря на ранний час. К моменту открытия очередь будет опоясывать все здание, напоминая размерами давку на какой-нибудь рок-концерт. Для нищих и малоимущих, включая иммигрантов, подобные офисы расположены не только в столице, но и по всей стране. В одном из них мне удалось какое-то время поработать. Случилось это уже после получения гражданства, да и по чистой случайности. Открылась вакансия русскоязычного специалиста по бенефитам и меня, после недолгих собеседований и ожидания, туда приняли.

Что интересно, на знание русского языка, как бы подтвердить, что я действительно могу говорить, — меня тестировал работник-американец. Спросив имя, отчество и биографию, он с акцентом спросил, каких русских писателей я знаю и ценю. Помня всеамериканскую любовь к Достоевскому, я назвал Федора Михайловича, хотя, честно говоря, мне он всегда казался тяжеловатым. А еще упомянул Толстого и Чехова.

— Yes, yes, Leo Tolstoj! — от волнения сбился на родной язык проверяющий меня американец, — War and Piece! Cool!

Так, заложив в душе читающего американца симпатию, я прошел интервью «на ура» и получил официальное подтверждение, что я настоящий русский. Теперь я имел право помогать клиентам устно во время интервью и переводить на английский их паспорта и свидетельства о рождении. Трудно представить, как где-нибудь в России, при приеме на работу, британца или американца на знание языка проверяют местные. Но здесь, в Америке, случается всякое. Так я влился в многочисленные ряды вашингтонского офисного люда.

II

Над офисными работниками иронизируют не только в столице. Начиная от патрульного полицейского и заканчивая шофером-дальнобойщиком. Каких только обидных кличек и прозвищ не придумано в нашу честь! Для начала традиционные: «офисный планктон» или «офисный балласт». Есть еще «Гераклы скрепок и дыроколов», «толкатели бумаг», desk-джокеи и «рыцари бумажных сражений». Все американские трудящиеся считают огромную армию офисных служащих в большинстве своем бездельниками и карьеристами. Говорят, что наша самая распространенная производственная болезнь, это неизлечимое сплющивание костей таза от постоянного сидения. А самая тяжелая производственная травма — порез пальцев бумагой. Не исключая, что какая-то правда в этом есть. Однако, несмотря на насмешки, миллионы американцев все же продолжают работать в офисах. Только государственных офисов здесь наберется несколько сотен, а сколько еще существует частных! И это понятно: в эпоху интернета на нас, «Гомо Бюрократикус», лежит вся бумажная мощь Америки. Одной подписью или нажатием кнопки на компьютере мы можем закрыть магазин или банк, остановить выплаты зарплат, пенсий или льготных пособий.

Русскоговорящая община здесь, в «Большом Вашингтоне» (включающем не только саму столицу, но и прилегающие к ней штаты Вирджиния и Мэриленд) примерно, тысяч двадцать-тридцать. Много пожилых людей, у которых все уже позади. Причем, работа в бывшем СССР при начислении американской пенсии не учитывается. Пенсию в Америке можно получить, только отработав здесь десять лет и набрав определенное количество т.н. «квотеров», то есть расчета зарплаты за каждые три отработанных месяца.

Большинство престарелых иммигрантов под эту категорию не попадают и могут рассчитывать только на социальные программы. Здесь на помощь федеральным социальным службам приходят местные, финансируемые правительствами штатов или округов с графствами. Со скидкой продаются старикам в аптеках лекарства. Местные

власти так же добавляют немного денег на питание, выдавая пенсионерам и неимущим продуктовые карточки. А на аренду квартиры — ваучер со скидкой. Не сравнить, конечно, иммигрантское пособие с пенсией американцев, проработавших здесь всю жизнь. Но все же.

В качестве «собесовца» мне довелось не только проинтервьюировать сотни наших бывших соотечественников, но и посетить-посмотреть несколько домов, библиотек и клубов для наших иммигрантов. Раз в месяц меня с русскоязычным коллегой — врачом-иммигрантом из местной больницы, пенсионеры зазывали к себе на лекции в местную иммигрантскую библиотеку. Народу на такие встречи собиралось немало, ведь льготы вопрос серьезный. Приходили не только пожилые люди, но и их взрослые дети, уже адаптировавшиеся в американской действительности, а заодно и внуков со внучками приводили, пока мы заседали — позаниматься в кружках танцев, самодеятельном театре или попеть в хоре. Увы, доля наших соотечественников в выделяемой государством социальной помощи все еще очень незначительна. Основными нашими клиентами были и остаются малоимущие и престарелые афроамериканцы и члены их семей. Они составляют в Вашингтоне большинство населения, которое часто по этой причине называют «шоколадным».

III

Форма одежды офисного работника называется «business casual». То есть, галстук не обязателен, но брюки и рубашка для мужчин (желательно, отглаженные) и юбки до колен и блузки у женщин. Перед выходными — по пятницам, даже разрешается ношение джинсов и теннисок. На ногах — любимая обувь вашингтонских бюрократов — кроссовки, вошедшие в моду в конце 80-х. Многие работники по утрам идут в них от станции метро до офиса, чтобы переобуться затем в парадную обувь. Поэтому часто на улицах Вашингтона можно увидеть деловых мужчин и женщин в дорогих костюмах и даже с ультрамодным галстуком, но в кроссовках.

Некоторые из моих коллег офисный стиль одежды на службе, и так не слишком тяжелый, воспринимают еще более облегченно. Работал как-то в нашем офисе один американец по имени Рэнди. Седовласый и худощавый белый мужчина лет 65-ти. То ли наносил он галстуков в свое время до тошноты, то ли в преддверии пенсии совсем махнул рукой на приличия, но последнее лето проходил он на работе в гавайской расписной рубашке и... в шортах.

— Рэнди,— в ужасе говорил я ему,— они тебя уволят! Нигде не сказано, что ТАК в офисе можно ходить!

— Да,— отвечал мне с хитрой улыбкой Рэнди,— но нигде и не говорится, что ТАК в офисе ходить нельзя!

Так ведь и проходил, шельмец, все лето в своих шортах. Поскольку с посетителями лицом к лицу не встречался и ничьего взгляда не оскорблял. Большинству же посетителей все равно, в шортах ты или нет, лишь бы дал им то, за чем они пришли. В работе с ними главное — не сбиваться с написанного скрипта, шпаргалки, попростому. Когда я начинал, то все время носил с собой шпаргалку с вопросами интервью, переведенными на всякий случай и на русский.

Хотя на самом первом своем свидании с глухонемым клиентом, но читающим по губам, так переволновался, что перепутал «deaf» (глухой) с «dead» (мертвый) и на своем английском спросил, был ли он мертвым от рождения. Опомился только, когда за столом мой гость, его адвокат и мой куратор громко заржали, как кони. Хорошо хоть с юмором клиент оказался, а то мое первое интервью могло бы стать и последним.

Уволить новичка в первый год могут запросто. Вспоминается шутка университетская, когда первокурсник дрожит весь год с одной лишь мыслью: отчислят? На

второй год он уже думает так: отчислят или не отчислят? На третий: а, может, все же не отчислят? И на последний год обучения: пусть только попробуют отчислить! Так и на госслужбе. На моей памяти за все время работы уволили в первый год только одного типа, который заснул за столом во время интервью. Да и то он, наверное, мог бы сослаться на состояние здоровья, если бы не было у него других «косяков». А поскольку к начальству на него бегали жаловаться другие сотрудники, то решили от него избавиться. Если же работник выдержит испытательный срок, то уволить его, даже при всем желании начальства, будет очень непросто. За него будет теперь весь Трудовой Кодекс США. И обжаловать он может спорное решение вплоть до Верховного Суда страны, с выплатой всей удержанной зарплаты плюс компенсация за моральный ущерб. Начальству же потом намекнут, мол, сами виноваты, вовремя не избавились!

IV

Если бы у государства было достаточно денег, то льготы давали бы всем. Но так как бюджетных средств на «социалку» всегда не хватает, приходится нам, работникам соцстрахования и обеспечения, многим из посетителей отказывать. И за это выслушивать оскорбления, а иногда и угрозы. Пришел как-то на интервью мужичок в ковбойской шляпе. Это в Техасе такие шляпы носят все, а здесь, на Восточном побережье, очень немногие. После короткого интервью, разузнав, что у мужичка есть какие-то сбережения и даже две машины, я ему объявил, что на социальную помощь он претендовать не может. Так как программы рассчитаны больше на совсем неимущих или очень мало имущих. Мужичок мою отповедь выслушал, поинтересовался происхождением моего акцента и, поднимаясь с места, произнес вместо прощания:

— Как получилось, что в офисах так мало настоящих американцев, и всю работу отдали приезжим иммигрантам? Немудрено, что и льготы все у нас отобрали!

Я бы мог, конечно, ответить ему, что «коренные» американцы как раз и не хотят устраиваться на подобные нервные и нелегкие работы, оставляя эту «привилегию» приезжим. Им, видать, нужно денег много и сразу, а уж если работу, то с офисом и личным шофером. Например, каждое лето через наш офис проходило немало молодых парней из Сербии, России, Турции, получавших номера социального страхования для сезонного трудоустройства. В основном, на позиции официантов или спасателей в бассейнах. Когда-то эти работы были нарасхват у местной молодежи, вчерашних выпускников школ перед поступлением в колледжи и университеты. Сейчас подавляющее большинство принадлежит иммигрантам. Про озеленительные работы и чистку улиц я уже и не говорю: их прочно захватили легальные и нелегальные иммигранты из Мексики, Сальвадора, Гватемалы и других южноамериканских стран. Да только не стал я ничего говорить. Потому что подобные реплики выслушивал не впервые. Это еще не самое грубое, что мне доводилось слышать. Бывало, что и к психиатру клиенты советовали обратиться. На слуху были случаи, когда наших работников во время интервью не только оскорбляли, но и плевали в них, пытались ударить и т.д.

Однажды под конец рабочего дня в наше окно даже влетел с улицы бульжник, брошенный очередной горячей головой, получившей отказ от льгот. Слышал я и об угрозах клиентов встретить кого-нибудь из сотрудников после работы. Прямо как школяры когда-то. Охранники в офисе обязательно раза два—три в неделю какого-нибудь не в меру разошедшегося клиента за руки на улицу выводят. А то и передают полиции для успокоения. Для таких буйных голов в офисе созданы «черные списки» и провинившимся запрещено появляться без социального работника или адвоката.

В свое время нам было строго запрещено начальством держать на столе любые острые предметы, вплоть до шариковых ручек. В конце концов, дело дошло до того,

что каждый стол превратили в кабинку, отгороженную от посетителя толстым стеклом. Хотя большинство клиентов — абсолютно нормальные и вежливые люди, несмотря на свою нищету или болезни. Многих из них я за несколько лет работы в конторе стал узнавать в лицо или по именам. Так как появлялись они, по крайней мере, раз в месяц, а иногда и чаще, если теряли свой чек на социальное пособие. Среди них — и живущие в юго-восточной части города, так называемых «прожектах», и очень много просто бездомных.

V

Нищих и бездомных стало в Вашингтоне особенно много в конце 80-х, когда закрыли местный психиатрический госпиталь Святой Елизаветы. Там лечились многие малоимущие пациенты, страдающие психическими заболеваниями. Денег на их лечение у городских властей оказалось недостаточно, и клинику почти полностью распустили. Оставили только отделение для самых «буйных», где, кстати, до недавнего времени отбывал отсидку тип по имени Джон Хинкли, пытавшийся лет тридцать назад убить президента Рональда Рейгана. Годами позже новые городские власти клинику опять открыли. Но было уже поздно. Разбежались по городу тысячи не совсем вменяемых людей, оккупировавших все ночлежки и церкви города по ночам, а днем просящих милостыню в парках и на оживленных улицах. И осаждающих офисы социального страхования. Больше идти им было некуда. Из ночлежек их под утро регулярно выгоняли, чтобы не начинали воровать друг у друга последние деньги и драться. Несмотря на лишения и нужду, вашингтонские попрошайки считаются одними из самых вежливых в стране. Если не получают денег, все равно пожелают хорошего дня и пойдут дальше. В Филадельфии, для сравнения, когда я отказал нищему, тот сильно обиделся на меня и начал склонять меня по матери. А в Мемфисе, штат Теннесси, бродяги могут и с кулаками наброситься при отказе дать им немного мелочи.

Хотя Вашингтон и «нарезан» аккуратными квадратиками улочек с уютно расположенными на них жилыми домиками «викторианского» стиля — двухэтажными, с большими окнами и башенками на крышах, в центре его располагаются несколько больших «колец». Как правило, это проезжая улица с прилегающими магазинами, парками и офисными зданиями. Здесь издавна расположены деловой и научный центры Вашингтона. Улицы пронумерованы и вместо обычных названий зачастую просто обозначены алфавитными буквами. При внешней схожести все жилые дома, построенные лет сорок-пятьдесят назад, разные. На целой улице невозможно найти двух одинаковых домов. Самое высокое здание в деловой части — не больше десяти-пятнадцати этажей. По проекту города все здания не должны превышать высоту Вашингтонского монумента, каменной стелы напротив Белого Дома. В центре каждого из «колец» обычно — памятник и парк, названные в честь героев американских революций. На углу одного из таких парков, названного в честь французского генерала Дюпонта, меня как-то вечером окликнул один из бродяг.

— Эй, парень, — обратился ко мне чернокожий мужик лет сорока, — у тебя отличная походка! Сразу видно, что ты вырос на улице!

Я, конечно, не модель, но от таких слов немного приосанился и даже поговорил с ним немного. Он мне рассказал, что вырос здесь, в Вашингтоне, но не в центре, а на бандитских окраинах Юго-Востока. В юности был членом подростковой банды и много дрался с такими же парнями из соседних дворов. Сейчас, вроде, образумился и даже ищет по городу работу.

Я тоже вспомнил, как десятиклассником бегал в ватаге алма-атинских пацанов на «разборки» с такими же пацанами-старшеклассниками из соседней школы. А в тех «бандах» своих районных, середины 80-х, мы даже ходили вразвалку, как тогда говорили: «по-центровски». Отдав, на радостях, пять баксов своему неожиданному собе-

седнику — на метро до дома, как он попросил, я пошел себе дальше, погруженный в приятные воспоминания. И отойдя немного, опять услышал за спиной знакомое:

— Эй, дружище, я вижу, что ты вырос на улице! — дружелюбно зывал мой собеседник к пробегающему мимо пузатому мужику офисного вида с портфелем. — Я это вижу по твоей походке!

VI

Со времен Союза я смутно помню собес как пару комнат с заваленными бумагами столами и узкий коридор в подвале ЖЭКа, где на двух стульях сидят старушки, а за ними еще очередь человек в пять. У нас же — типичное современное офисное здание, со стеклянными дверями, белыми потолками и серыми пластиковыми полами и стенами, а также охраной и окошками для разговора с посетителями. Для более длительных интервью посетителей проводят в комнату побольше, где стоят столы с компьютерами и телефонами.

Офис наш находится неподалеку от банков, ресторанов и гостиниц, в спокойной северо-западной части города. Но есть и еще один — на юге, недалеко от не очень благополучной и совсем не безопасной части города, омываемой рекой Анакостией. Здесь, вместо красивых зданий и памятников, — больше складов, подсобных помещений и кварталов бедняков. Эти районы называют «прожекты», и представляют они собой неказистые двух-трехэтажные домишки из унылого бордово-красного кирпича. Могут быть и серыми, но общий унылый вид от того не меняется: маленькие, как правило, зарешеченные окна, узкие подъезды, куца детская площадка во дворе, хлипкий заборчик в мелкую сетку. Мало деревьев и прочей зелени, не считая выгоревшей набело к концу лета травы.

Большинство живущих в «проjekтах» — малоимущие афроамериканцы. Живущие либо на государственные пособия, либо перебивающиеся очень небольшим заработком. Поэтому жизнь здесь больше напоминает деревенскую, чем городскую. Всей улицей или домом по вечерам, прямо во дворе, жарят мясо на грилях, пьют пиво из бутылок, спрятанных по привычке для маскировки в коричневые бумажные пакеты. Тут же играют в баскетбол, танцуют, скандалят, орут на детей, торгуют наркотиками и мелкой ерундой, опять едят и выпивают.

Несмотря на то, что контора наша находилась в спокойной части города, пришло мне бывать и в «проjekтах». Когда я только начинал, местное правительство еще пыталось охватить всех своих клиентов. К больным даже посылали представителей собеса на дом. Сейчас эти попытки прекратились. Но не только потому, что есть в Вашингтоне места, куда белому даже днем показываться не стоит. Будь он хоть социальный работник, хоть полицейский. Причина была еще и в том, что в последние годы как-то резко увеличился наплыв посетителей в офисе, и начальству стал дорог каждый сотрудник, которых, как оказалось, и так не очень много. А тогда, в паре с кем-нибудь из коллег или одному, приходилось «пилить» на другой конец города в один из «проjekтов». Днем они выглядят пустынно и тихо, даже мирно. Изредка разве пройдет вперевалку ватага юнцов в белых футболках. А так ни детей на площадках, ни почтальонов или полицейских, даже обычных прохожих мало.

Ближе к вечеру «проjekты» оживают, превращаясь к ночи в шумную «воронью слободку». То тут, то там возникает пьянка или драка, а бывает, что и постреливают. Есть подобные кварталы и на северо-западе, но больше всего их настроено именно в юго-восточной части Вашингтона. Даже одеваются здесь похоже: подростки и мужики в одинаковые белые, не заправленные футболки и шорты, или темные джинсы с кроссовками. Особый шик — такие же белые и длинные майки-алкоголички. Здесь их называют еще смешнее, со знанием предмета: «женоизбивалки». Женщины тоже любят белые майки, сочетая их с розовыми или еще каких-нибудь диких цветов лосинами.

Вся городская преступность рождается здесь, в «прожектах», на юго-востоке Вашингтона. Не спокоен и северо-восток. Кражи, стрельба, торговля наркотиками везде, вплоть до Макдональдсов. В расположенном поблизости от беспокойных районов города университете Галладет, единственном в стране высшем учебном заведении для глухонемых, студентам настоятельно советуют вечерами за пределы городка не высовываться. Процентом на девяносто девять «прожекты» населены афроамериканцами. Белым здесь делать нечего. Я всегда старался сделать свои дела здесь как можно быстрее. Во всяком случае, до вечера. Если оставлял машину, пока навещал клиента, то и днем мог увидеть на выходе сидящих вокруг нее местных черных парней. А то и на багажнике кто-нибудь пристроится. Парни искренне недоумевали, что машина-то, оказывается, не их, а моя, и нужно им расступиться, чтобы дать мне уехать.

На автобусе или метро добираться туда было еще хуже. Постоянно ловил на себе косые взгляды, и кто-то пытался мне все время что-нибудь продать. Либо телефон сотовый, наверное, украденный, либо часы, либо сигареты. Один водитель автобуса прямо мне и сказал, что не надо бы мне здесь таскаться в одиночку. Впрочем, помтавшись так по «прожектам» несколько месяцев, я, как уже говорил, таки прекратил эти поездки по районам бедняков.

VII

По своему опыту проживания в трех странах: Казахстане, России и Америке, я бы разделил их на мужские и женские. И дело не в окончаниях названий, а в том, кто задает тон и влияет на ритм деловой, культурной и социальной жизни. По моему сугубо личному мнению, Америка стала женской страной, функционирующей, в первую очередь, с учетом женской половины населения. Начавшись лет 60 назад, феминистическое движение набрало силу и преобразило страну. В первую очередь, столицу и другие крупные города. Даже по численности — женщин в США на четыре миллиона больше, чем мужчин. Права женщин, их продвижение по службе, образование, безопасность защищены здесь лучше, чем в любой другой стране мира. Подтверждением тому — и факт выдвижения женщины на пост президента страны.

В социальных сферах, судя по нашему офису, эта пропорция обратная — больше мы имеем дела с мужчинами, которые, вроде бы, и на пенсию выходят позже, но, за исключением многодетных матерей из «прожектов», получают льгот больше, чем остающиеся «на плаву» женщины. Ну, а в офисной жизни женщин — подавляющее большинство. По крайней мере, в конторах наподобие моих. По приезду я даже гадал, куда подевались белые мужики? Неужели все они сидят в банках, адвокатских конторах, парламентах, военных и разведывательных министерствах? Похоже, что так, плюс огромное число «айтийщиков», большинство которых тоже составляют мужчины.

Мэры Вашингтона и недалеко лежащего в штате Мэрилэнд Балтимора — женщины. Достаточно их среди конгрессменов, местных и штатских. Главным полицейским комиссаром Вашингтона тоже уже более десяти лет была женщина. Можно сказать, что деловой, образовательной и культурной жизнью Америки заправляют женщины, в первую очередь, белые. Все льготы, продвижения и прием на работу негласно предоставлены им. «Сексуальное домогательство» тоже изобретено ими и доведено до совершенства.

Вторыми по правам следуют афроамериканки, коих в офисах, типа нашего, подавляющее большинство. Их движение за равноправие началось еще в 60-х годах прошлого века. К тому времени, как я начал свою офисную жизнь, в Вашингтоне и пригородах их было процентов 80 в разных конторах, государственных и частных. В афроамериканских семьях женщина с тех пор — главный добытчик. Больше всего их и в конторах типа нашей. И уж только потом на профессиональной лестнице стоят,

по важности и скорости продвижения, мужчины. Причем, белые — на последней ступеньке. А испаноговорящие и черные, благодаря политкорректности, повыше.

Если в приемной госучреждения или банка сидят в ожидании интервью: белая Джейн, черная Джуди, латиноамериканец Альфредо, афроамериканец Елиот и белый Андю, то больше всех шансов получить работу у Джейн. Если Джейн глупа и ленива, то Джуди вырвет у нее эту работу зубами и будет сидеть на ней до самой пенсии. Вторую вакансию отдадут Альфредо как испаноговорящему. Все офисы хотят иметь таких работников, и вопрос в анкете: «Владеете ли Вы другими языками?» в последние годы прежде всего относится к испанскому. Елиот может тоже «пободаться» и получить работу, особенно если вскользь намекнет работодателю про расовую дискриминацию. Андю, скорее всего, придется искать работу в другом подобном офисе, надеясь, что другие Джейн и Джуди уже свою долю получили.

В офисной среде, при обсуждении деловых качеств начальства или подчиненного, нет-нет, да и проскользнет упоминание той или иной этнической принадлежности работника. Когда у нас в офисе появилась молодая начальница, проработавшая до того в системе всего пять лет, вокруг пошли разговоры, втихомолку, разумеется, что, вдобавок к своей неопытности, она еще и белая. Впрочем, каждый, кто когда-нибудь побывал «офисным планктоном», знает, что подобные разговоры ведутся везде, не только в Америке. Мне, хоть и белому, но приезжому и как-бы «не настоящему белому», такие разговоры было слушать хоть и странно, но знакомо. В Казахстане, еще в советские добрые времена, паритет на службе между нациями и народностями соблюдался в пропорции: если начальник казах, то замом обязательно должен быть русский. Или русскоговорящий. И ведь такая система работала до поры до времени. Во всяком случае, не припомню я, чтобы слышал, как слова «казах» или «русский» употреблялись в качестве описания деловых качеств работника. Хотя своего следующего повышения здесь, в американской конторе, мне пришлось ждать десять лет.

Николай Тютюнник

(г. Каменское Днепропетровской области, Украина)

ПОЛКАША

Наш постоянный автор.

Полкан хорошо запомнил тот горький день, когда выехали хозяева. С утра снова где-то стреляло, ухало, с нарастающим свистом приближалось к их двору, и страшный взрыв, от которого звенели стекла окон и, кажется, подскакивал весь дом, на миг заглушал все остальные звуки: заглушал, оглушал и переполнял, как выражаются люди, животным страхом!

Еще при подлете мины или снаряда Полкан забивался в будку, которая, казалось ему, сможет уберечь его от страшной разрушительной силы, уже развалившей по улице не один двухэтажный кирпичный дом. Забивался, закрывал глаза и лежал до конца обстрела, в поднятой до небес пыли и гари. И выползал, только услышав человеческие голоса.

— Живой, Полкаша? — дрожащим от пережитого голосом спрашивала хозяйка. — Бедненький!

Хозяйка всегда была доброй и ласковой, и даже противилась, когда хозяин еще до войны переводил молоденького кобелька Полкашу из квартиры в стоящую у их гаража будку. Какой там из него сторож?! Однако самого Полкана это несколько не огорчило. В квартире, может, оно и уютнее, зато на улице у него появилось столько друзей! Прибегал и обнюхивал невысокий заборчик, за которым и обосновался Полкан, пожилой и много повидавший Лохматый, иногда приводил лишившегося хозяев Коротышка. Коротышка этот особенно забавлял Полкана: телом вроде бы нормальный песик, а ножки коротенькие-коротенькие!

Полкан, как настоящий хозяин отведенной ему территории, поначалу встречал незнакомцев лаем, затем к гостям привык и, опершись передними лапами о заборчик, только повизгивал. Так и общались, делясь впечатлениями о сегодняшнем дне. И, кажется, слегка завидовали друг другу. Полкан ведь каждое утро получал от хозяев мисочку теплой каши с кусочками мяса и косточкой, зато Лохматый и Коротышка не сидели на цепи и могли целыми днями бродить по поселку, от одних мусорных баков к другим. Люди в поселке жили не бедно, так что голодать песикам не приходилось: тут тебе и куски черствого хлеба, и разные кости, и даже слегка подпорченное мясо. Людям-человекам оно уже не годилось, а вот собачкам да бродячим котам — так в самый раз.

Да, среди приятелей Полкана была и соседская кошка Рыжка. И вправду рыжая, лохматая, а ленивая!.. Отпросившись утром у хозяев, выходила во двор их восьмиквартирного дома, равнодушно поглядывая на стоящего на задних лапах песика, чтобы не подумал, что соскучилась. Немного погуляв у палисадника, направлялась к Полкану. Ловко запрыгивала на столбик ограды и, подобрав под себя мягкие лапки, надолго застывала, подставив мордашку солнцу.

Полкан и повизгивал, и подпрыгивал на задних лапах, стараясь обратить на себя

Рыжкино внимание, но она и ухом не вела. Точь-в-точь, как некая юная красавица, избалованная вниманием ухажеров. Напрыгавшись, Полкан отходил к стенке гаража, обессиленно падал на живот и, положив морду на вытянутые вперед передние лапы, легонько поскуливал.

И все равно жизнь была спокойная, тихая и размеренная. Никто на охраняемый им гараж не посягал, никто не заходил в оградку, не пытался отвинтить замок. А Полкан уже мечтал об этом, чтобы доказать хозяевам свою смелость и верность. Он так напорохует непрошенных гостей, что будут бежать быстрее мотоцикла! Он, может, и не породистый, и безо всякой там родословной, какими, слышал, бывают некоторые собаки, но постоять за себя и за хозяйское добро всегда сумеет.

И все же первый же прилетевший снаряд ужасно напугал песика. Да и как не напугаться, если ясным летним днем, когда на небе не было ни облачка, вдруг раздался далекий гром, и через несколько секунд по ту сторону улицы так рвануло, сотрясая воздух и поднимая вверх тучи дыма и пыли, что оглушило всех, кто был неподалеку. Полкан бросился в будку и прижал уши.

Сколько сидел — не припомнить, какое-то внутреннее чувство подсказывало, что обстрел на этом не прекратился и завывающее над головой железо еще не раз просверлит горячий летний воздух, не раз грохнется где-то рядом, а может... Нет, на этом Полкан обрывал свои мысли, отказываясь думать о том, что станет с хозяйским гаражом и его будкой, если прямо сюда угодит снаряд!

И ни один из последующих снарядов действительно сюда не угодил, все легли по ту сторону улицы, где стояли такие же двухэтажные кирпичные дома, такие же деревянные сараи и гаражи.

Так продолжалось несколько дней, и люди начали выезжать. Скорее всего, на короткое время, потому что не брали с собой даже теплой одежды и зимней обуви. Не могут же эти обстрелы длиться долго, наступит просветление человеческих мозгов, и во дворе Полкана снова воцарится мир и прежнее благоденствие.

Так, наверное, думали и его уезжавшие хозяева, снимая Полкана с цепи и оставляя песика в загородке. Побудь, дескать, несколько дней без нас, а как утихнет — мы сразу же вернемся. Но время идет, обстрелы не прекращаются, не видать и хозяев. А ведь Полкан ждет и ловит каждый звук автомашины. И как только, гуляя, услышит издали знакомый гул легковушки, — бежит стремглав к своему дому, к своему гаражу, проскуливая от радостного возбуждения! Прибегает, а машина... машина поехала дальше.

После такой встряски Полкан всегда чувствует в душе давящую тоску: неужели и вправду забыли о нем?! Неужели не скучают и не тоскуют?!

Тогда он снова бредет в свою загородку, забивается в будку и, положив морду на вытянутые лапы, застывает в своей привычной позе. Бывало, и заснет, не замечая, как, помимо его желания, увлажняются и начинают пощипывать глаза.

Снова появился Лохматый, за которым семенил короткими ножками Коротышка. Подошли и прилегли у ограды.

Полкан услышал, вылез из будки.

— Ну что, поели? — спросил он.

— Еще бы! — довольно ответил Лохматый. — Сейчас, знаешь, сколько пропавших продуктов на мусорник выносят?! Одна тетка полмешка мяса выбросила! Зря ты убежал!

— Я не убежал, я думал, что хозяева приехали...

Как объяснить им, бездомным, что он готов голодать, но лишь бы рядом были его хозяева! Как объяснить, что он настолько привык к этим людям, что не представляет себе жизни без них! Что для него они дороже всех собачьих радостей, в том числе набитых густым мозгом косточек!

Правда, Коротышка тоже успел пожить в одной квартире с людьми. Но разве то были люди, если еще до войны оставили его?

— Сбегай и ты, пока тихо,— сказал Коротышка, стараясь выразить Полкану свое сочувствие.— Там еще не одну косточку можно найти.

Коротышка явно комплексовал из-за своих коротких ножек, поэтому старался быть внимательным ко всем. Даже к рыжей Рыжке, пока ее не увезли хозяева. Но если рыжая красавица свысока посматривала даже на Полкана, то на коротконового Коротышку вообще глядела свысока.

Где она сейчас, со своим вертлявым лисьим хвостом? Где-нибудь в тихом и безопасном месте?

В такие минуты Полкан ощущал легкую обиду: разве нельзя было хозяевам забрать и его? Машина ведь не чужая — своя, нашлось бы и ему местечко под ногами. И как же удивился, когда, бродя вокруг дома, услышал из одного окошка, которое выходило на проезжую часть улицы, жалобное мяуканье!

Неужели... Рыжка?! Неужели хозяева тоже забыли ее в квартире и бедная кошечка все эти дни находится в квартире, под замком?

Полкан тут же встал на задние ноги, опершись передними о стенку дома, где выше его головы поблескивало целыми стеклами невысокое окно.

Гав! Гав! Гав! — откликнулся он на страдальческий голос своей подружки.— Гав! Гав!

Встала на задние лапки и Рыжка, встала и забарабанила своими передними по стеклу, словно молила: помоги мне, Полкаша, выпусти меня отсюда, мне так страшно одной!

Полкан по-щенячьи взвизгнул, не в силах скрыть своей радости, будто в эту минуту увидел своих вернувшихся хозяев! Взвизгнул, подпрыгивая на лапах, словно хотел дотянуться до самой Рыжки и лизнуть ее в нос.

А Рыжка все мяукала и мяукала, да так жалобно, что Полкан наконец догадался: она же голодная или сильно хочет пить!.. Он тут же обежал дом, заскочил в открытый подъезд. И, сев перед дверью, за которой находилась Рыжка, начал поскуливать. Поскуливал и от нетерпения перебирал лапами. Поняв, что никто его не слышит и не спешит выручать Рыжку из плена, начал лаять: сначала потихоньку, потом все громче и громче. Наконец, на втором этаже что-то клацнуло, скрипнула дверь. Зашуршали тяжелые и неуверенные шаги.

— Эй, что там?.. — послышалось старческое.— Ты чего разгавкался?

Полкан снова перешел на визг, в котором просто невозможно было не слышать мольбу.

Человек то ли ругнулся, то ли прошептал молитву и начал спускаться ступеньками. Скрип-рип, скрип-рип,— словно снежок, заскрипели ссохшиеся за несколько десятилетий доски.

— А, мать твою... черт,— неожиданно не по возрасту ругнулся он,— это ж там кошка! А я и забыл. Сейчас, сейчас выпустим тебя. Только же потом на улице поживешь. Мне за тобой следить некогда.

Он с трудом спустился, держась за вытертые перила, прошлепал к двери. Полкан, чтобы не пугать старика, присмирел, только продолжал бить о пол своим хвостом. Дескать, скорей же, скорей же, дедушка! И как только щелкнула задвижка замка и дверь слегка приоткрылась, первым прошмыгнул туда...

Рыжка за пару дней отошла, подкрепилась, попила вволю водички. И старичок-сосед выпустил ее на вольные хлеба. На попечение Полкана. И с тех пор две одинокие животинки не расставались: вместе спали в собачьей будке, вместе бродили по поселку, где на мусорных свалках не уменьшалось испорченных продуктов. Не насмешничали над их дружбой даже незнакомые собаки и никогда не прогоняли эту пару от «хлебных мест»: еды с лихвой хватало. В наспех оставленных людьми квартирах размораживались и текли холодильники, хранящиеся в них продукты порти-

лись и заполняли помещения зловонием. Оставшиеся в квартире собачонки и кошки выбирались на открытые окна и балконы и жалобно мяукали о спасении. Но не все выехавшие оставили соседям ключи, не все квартиры можно было открыть, не всем четвероногим помочь.

Измученные смрадом, которым пропитались все стены и потолки домов, а также жалобным лаем и мяуканьем, оставшиеся жильцы ходили с жалобами в ЖЭК, просили вызвать пожарных, которые, по их мнению, имеют право входить в любое помещение, в любую квартиру.

Работники ЖЭКа только руками разводили.

— Это ж вам не милиция! Вызывайте милицию!

Милиции же было не до собак и кошек. Недавние друзья и коллеги за кратчайшее время разделились во взглядах и стали врагами. Одни влились в отряды ополченцев Донбасса, другие — в украинские добровольческие батальоны. Оставшиеся же служить в горотделе не успевали обезвреживать вернувшихся из дальних лагерей уголовников. Их словно нарочно пачками выпускали на волю.

Ничего этого из жизни людей Полкан с Рыжкой, конечно, не знали. Они просто жили и очень надеялись, что вот-вот вернутся их хозяева и все пойдет по-старому: Полкану каждое утро будут выносить железную мисочку вкуснейшей каши, а Рыжка вернется в свою квартиру и будет до полдня нежиться в углу старого кухонного дивана, навечно вобравшего в себя запахи самых лучших яств. И всякий раз, когда слышался звук приближающегося автомобиля, Полкан выскакивал из будки и мчался на проезжую часть. Мчался, надеясь наконец-то увидеть их, своих милых и дорогих хозяев, готовый тут же, на радостях, облизать не только их лица, но даже ноги. Даже пропыленные колеса их автомобиля!

Так было и сегодня. Появившаяся на улице машина была так похожа на старенький «Жигуленок» его хозяев, что Полкан, чуть ли не обезумев от радости, буквально кинулся ей под колеса, решив, что хозяева забыли дорогу, поэтому проезжают мимо... Удар был короткий и мягкий. Но настолько неожиданный и болезненный, что Полкан, кажется, не успел даже взвизгнуть. И когда пришел в себя, Рыжка сидела рядом и, жалобно попискивая, нежно вылизывала его окровавленную мордашку.

Александр Петренко
(г. Краснодар)

ПЕРЛЮСТРАТОР

Литературный псевдоним — Александр Ралот. Публиковался во многих российских, белорусских, ближнего и дальнего зарубежья периодических изданиях, а также в «Приокских зорях». Член Союза писателей России. Победитель многих российских, зарубежных и международных конкурсов. Лауреат литературной премии имени Олега Бишарева. Награжден медалями: Золотой Есенинской, им. И. Бунина, им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе», имени генерала Брусилова.

— Дядь Саш, а кто такие перлюстраторы? Чем они занимаются или занимались? — племянница Екатерина, четырнадцатилетнее неугомонное существо с хвостиком, перетянутым патриотической ленточкой российского триколора, заглянула в глаза, став на цыпочки.

— Катюша! Не видишь, я занят. А у тебя под рукой всемирный разум, то бишь, интернет. Все обо всех знает.

— Интересненько, чем это ты занят? Битых полчаса пялишься на полки с книгами. Если меня разлюбил, так и скажи. И нечего на занятость пенять.— В голосе родственницы зазвучали плаксивые нотки.

В голове промелькнула мысль: «Выходит, эти перлюстраторы не просто девичье любопытство, а что-то посерьезней!»

— Катюша, в чем дело? — Я опустился на диван и усадил рядом хрупкую джинсовую девчущку.

— В чем, в чем. В училке, конечно. А то ты не знаешь? Всем в классе понятные слова задала, а мне это. Не любит она меня. И ты тоже разлюбил. Не честно так. Представляешь, хочется нашей Грымзе, чтобы мы не просто значение слова объясняли, а еще и примеры из жизни предоставили. И где я их должна раздобыть? В Википедию заглядывала. Нарыла пару, тройку строчек. А ей нужна не банальщина, а живое слово.— Катерина тихо всхлинула.— Не быть мне отличницей в третьей четверти. Как пить дать...

* * *

Супротив «наглого» шантажа у меня нет контрприемов. Только и остается, что погладить подрастающее поколение по русым волосам, нежно прижать к себе и поведать об удивительнейшем человеке Владимире Ивановиче Кривош-Неманиче.

— Ой. Я кажется о нем читала. Или путаю? Странная фамилия. Двойная и непопная. Это, часом, не ему лично премьер-министр Российской империи награду вручал? Орден Святого Владимира.

— Племяшка! Записывать будешь или запомнишь?

— Дядь Саш. Твои рассказы я на ус мотаю, то есть на локон. Память у меня, сам же знаешь, дай бог каждому. Но писать буду. А то как же. Только минуточку погоди, я на кухню смогаюсь, заварю нашего любимого зеленого девяносто пятого. Под него даже сложная инфа легче усваивается.

* * *

— Лучший в Российской империи перлюстратор родился в Словакии, в тогдашней Австро-Венгрии. Науку начал постигать в венгерской гимназии. Затем продолжил в Королевской Академии в Вене, но не закончил. Решил доучиваться в Санкт-Петербургском университете. Изучал юриспруденцию, статистику, ближневосточные языки. В совершенстве освоил стенографию. Мог вести записи аж на пяти языках.— Я отхлебнул ароматный чай из пиалы, а Катерина, воспользовавшись моментом, незамедлительно начала приставать с вопросами.

— Ты обещал рассказать о странной фамилии.

— Разве?

— Обещал. Обещал. Он что, не мог взять себе нашинскую, понятную?

— Первую часть фамилии Кривош получил при рождении. А вот вторую составляющую придумал сам, уже позже, будучи в ссылке на Соловках. Слышала о них?

Катерина молча кивнула.

— Забегая далеко вперед, скажу, что приговоренному Кривошу, ввиду исключения, позволили самому выбрать лагерь, в котором Владимиру Ивановичу предстояло отбывать срок. Он указал на Соловецкие острова. Ну, а там каждый «сиделец» обязан иметь псевдоним, то бишь кличку. Неманич, в переводе со словацкого языка означает — человек, у которого ничего нет. Но давай вернемся назад. В неразвалившуюся империю. И разберемся с термином — перлюстратор.

— Просмотр пересылаемой корреспонденции,— на одном дыхании протараторила племяшка, уставившись в светящееся стекло навороченного гаджета.

— И да, и не совсем.

— То есть? Поясни?

— Пожалуйста. Вот, скажем, чем отличается перлюстрация от цензуры?

Катюша захлопала ресницами и пожалала плечиками.

— Перлюстрация проводится в условиях строжайшей тайны. Так-то, вот. И Владимир Иванович был в этом деле ассом. Ты говорила — его наградили орденом лично Столыпин. И знаешь за что? Он усовершенствовал методы перлюстрации, при этом сделал несколько открытий. Один из них — метод вскрытия писем без малейших следов проникновения.

Русскому словаку удалось рассекретить три ключа, с помощью которых шифровались телеграммы японцев во время войны с Российской империей. Затем его командировали за границу, для совместной работы с французами. И господин Кривош стал первым русским криптографом, знающим особенности дешифровки союзной державы.

— Ух ты. Вот это да! А после революции, он, конечно же, быстренько смотался в эту самую Антанту?

— А вот и нет. Взял да и предложил услуги новому правительству. На тот момент вождь революции Владимир Ильич не имел в своей команде ни одного специалиста, способного составить дипломатическую ноту о прекращении боев на фронтах первой мировой войны. Кривош такую бумагу составил, причем, сразу на английском и французском! После этого по приказу Ленина его зачислили в штат наркомата иностранных дел. Переводил на европейские языки пламенные речи товарища Троцкого. За что собственно и поплатился.

Катерина отложила в сторону блокнот.

— Как это? Сам Ленин назначил, а кто-то посмел снять?

— Владимира Ивановича арестовывали неоднократно. Уж больно мозолил глаза его интеллигентный вид и непокорный нрав. Обвинения выдвигались схожие. Взятничество. Пособничество представителям чуждого класса в выезде за границу. Приговаривали к расстрелу, но затем миловали. Помнишь, я рассказывал про ссылку на Соловки. Потом найди, пожалуйста, в интернете его письма в Красный Крест и к Екатерине Павловне Пешковой. Датируемые двадцать третьим и двадцать четвертым годом прошлого века. Надеюсь, не надо объяснять, кто это такая? Прочти их и друзьям покажи.

Катерина кивнула. Черкнула в блокноте.

— Он и на каторге любимым делом занимался? Надеюсь, у властей хватило ума использовать его знания по прямому назначению?

— Ой, Катюша. Кем он только там не работал. И заведующим метеостанцией, и дешифровальщиком по заданию ОГПУ. Был даже музыкантом в лагерном оркестре. Кроме этого, смог опубликовать стихи и издать сборник собственных баллад.

— Наверное, уже совсем старенький был. Часом в этих самых Соловках не помер?

— Досрочно освободили, спустя пять лет. Верная супруга ждала его все эти годы.

Специалиста высочайшего класса взяли в качестве эксперта на работу в Спецотдел НКВД. Во время войны жил в эвакуации в Башкирии. Учил иностранным языкам чекистов и их домочадцев. Умер в сорок втором. Время было суровое. А посему, его останки упокоились в братской могиле. Сегодня ее уже не отыскать. Вот такая выходит перлюстрация...

* * *

Племяшка сидела молча. Черкала или рисовала в блокноте.

Потом вскочила с места, чмокнула меня в небритую щеку.

— Дядь Саш, обещай!

— Чего?

— Что напишешь о нем рассказ, а лучше роман. И назови его — «Перлюстрация». Пусть не только я, но все знают! Жил на земле такой человек, со смешной фамилией Кривош-Неманич!

Алена Даль
(г. Воронеж)

БУКЕТ ДЛЯ ЛЮБИМОГО ЗРИТЕЛЯ
(из цикла «Люди»)

Прозаик, публицист, член Союза писателей России, преподаватель кафедры «Издательское дело» филологического факультета ВГУ. Родилась и проживает в Воронеже. Публиковалась во многих художественно-литературных изданиях. Автор книг: «Хождение по Млечному пути» (2014, 2019), «Живые души» (2017). Участвовала в нескольких литературных сборниках. Лауреат Германского международного конкурса «Книга Года» (2019), финалист премии им. Абрамова «Чистая книга» (2019).

— Только не говорите Гале, что я люблю маму! — всхлипывала девочка, размазывая по щекам концертный грим.

— Да что с тобой, Лизонька? Какой Гале? О чем ты? — руководительница детской танцевальной студии «Ромашка» Алевтина Петровна была в отчаянии — через пять минут их выход, а главная солистка коллектива Лиза Вергинская плачет навзрыд.

В руке девочка сжимала розовый телефон, по которому только что кто-то позвонил, — и вот истерика. Алевтина Петровна догадывалась, что в семье Лизы не все гладко — на кружок ее приводила бабушка, забирал отец — военный с непроницаемым лицом и суровой складкой меж бровей. Но чаще забирала тоже бабушка.

Смолкли аплодисменты, за кулисы со сцены повалили дети из хора. Девочки-танцовщицы испуганно толпились вокруг руководительницы, пока та успокаивала солистку. Ведущая, шурша тафтой, снова взяла к микрофону: «А сейчас приглашаем на сцену победителя кремлевского фестиваля, дипломанта конкурса «Щелкунчик», многократного призера...».

Лиза перестала плакать, крепко, по-взрослому высморкалась в протянутый Алевтиной Петровной бумажный платок и послушно подставила лицо под быструю кисточку гримерши. Заиграла музыка, и девочки в установленном хореографией порядке поскакали на сцену. Алевтина Петровна облегченно вздохнула.

Она повертела на ладони маленький розовый телефон с брелоком-сердечком и, мучимая угрызениями совести, открыла журнал звонков. Разговор, так расстроивший девочку, длился всего две минуты. Буква «М» с точкой — имя абонента. «Ладно, надо будет с бабушкой Лизы поговорить, — решила Алевтина Петровна, — но это потом». Она отодвинула край тяжелой от пыли, багрово-бархатистой занавеси и стала наблюдать за выступлением воспитанниц, отбивая ногою ритм.

Галина Сергеевна сидела в первом ряду и снимала танец внучки на смартфон. Каждый раз, глядя на девочку, она испытывала смешанные чувства: с одной стороны, ее злило фотографическое сходство той с матерью, с другой — радовало равнодушие, которое Лиза проявляла в редкие часы свиданий с родительницей. Где-то в глубине души она все еще ревновала внучку к непутевой своей дочери, но была уверена, что со временем девочка окончательно разберется — что к чему, и поймет, что ис-

тинная мать — не та, кто родила, а та, кто вырастила и воспитала. С зятем Максимом в отношении Лизы у них было полное единодушие — самая престижная школа, самые лучшие учителя и репетиторы, самые дорогие наряды. Все только самое-самое. А раз так — не место в Лизиной жизни матери-кукушке, которая ни пирог испечь не может, ни в зоопарк лишний раз не сводит — все работа, работа... Не говоря уже о кружках. Их было три. Помимо танцевальной студии «Ромашка», куда, кстати сказать, брали далеко не всех, но Галина Сергеевна подключила свои связи, и Лизу взяли, даже сделали солисткой, были еще занятия фигурным катанием во Дворце Sports и Школа юных моделей. Плюс индивидуальные уроки английского. Язык плохо давался Лизе, но Галина Сергеевна уже договорилась насчет летнего лагеря имени Гарри Поттера, в котором, по убеждению Жанны Альбертовны, все должно сдвинуться с мертвой точки. Удовольствие не из дешевых, но чего только не сделаешь ради будущего девочки. Внучка платила ей той же монетой — была ласкова, послушна, откровенна — рассказывала без утайки все, о чем расспрашивала бабушка, которую по ее просьбе называла просто Галей. Ну, Галя и Галя! — кому какое дело, кем она приходится девочке — бабушкой, мамой или тетей.

— Не расстраивайся, Лизочек! — говорила Галя по вечерам, расчесывая мягкой щеткой длинные волосы девочки. — Я не брошу тебя, как твоя мама. Ну, не повезло тебе с ней — что теперь делать? Зато у тебя есть я и папа. Я и папа... — Галя мечтательно уводила взгляд куда-то в сторону. Рука со щеткой замирала в воздухе.

— А мама меня любит? — робко спрашивала Лиза, забившись под одеяло.

— Ну, раз она тебя бросила — как она может тебя любить? — приводила железный довод Галя.

— А она меня насовсем бросила? — уточняла девочка, стараясь придать крепости своему голосу.

— Ты же видишь — мы давно живем втроем: ты, папа и я. Разве здесь есть кто-то еще? — начинала сердиться Галя.

А когда она сердилась, Лизе становилось совсем одиноко и неудобно.

— Завтра после фигурного катания пойдем с тобой в кафе-мороженое, — смягчившись, Галя потрепала девочку по подбородку. — Ты какое будешь? Фисташковое? В прошлый раз тебе очень понравилось.

Лизе хотелось сказать: «шоколадное», потому что именно шоколадное они ели с мамой в тот единственный выходной, когда Галя уезжала к сестре в Калугу, и папа разрешил им встретиться. Но вместо этого она послушно ответила:

— Да, фисташковое.

— Отлично! Я рада, что даже в этом наши вкусы совпадают, — обрадовалась Галя. — Ну, отдыхай, детка! Доброй ночи!

Она выключила ночник и наклонилась над подушкой Лизы, чтобы поцеловать ее перед сном. Девочка зажмурилась изо всех сил и представила, что это не Галя сейчас наклоняется над ней, а мама. У мамы были мягкие, теплые руки, от нее пахло утренней подушкой и немного шоколадом. Это то, что Лиза помнила и не могла забыть, как ни старалась. Эти запахи и прикосновения никак не вязались с тем, что мама ее бросила. В глазах привычно защипало. Девочка замерла, затаив дыхание, чтобы Галя не заметила и не стала расспрашивать, как всегда, и не выудила из нее, в конце концов, признание, что мама ее плохая, и она ни капельки по ней не скучает. После таких слов Лиза долго не могла уснуть. Ей было стыдно перед мамой. Но и Галю тоже обижать не хотелось.

Скользкая от крема щека коснулась лица девочки, острый ноготь больно задел за ухо, но Лиза промолчала, притворившись спящей.

Танец подходил к финалу. Алевтина Петровна улыбалась, радуясь блестящему выступлению своих «ромашек», ее нога по-прежнему отбивала ритм. Лиза Вертин-

ская безупречно исполнила все сложные па, даже лучше, чем на генеральном прогоне. Молодец, девочка, собралась! Теперь, после этого концерта, можно рассчитывать не только на грамоту, но и на гастроль, а если повезет — то и на фестиваль в Белграде. Оставался завершающий проход, в котором юные танцовщицы кружатся, как бы заводя одна другую. Солистка запускала это заразительное вращение в сложном такте. И тут важно было не ошибиться с моментом. Но ближе к концовке Лиза стала вдруг рассеянной, начала озираясь по сторонам, потеряла темп, а за ней и другие девочки замедлились. Кого она высматривает в зрительном зале? — не могла понять Алевтина Петровна. — Бабушка — вот она, в первом ряду. Лизин отец находился сейчас в горячей точке. А если бы он и был здесь, то сидел бы рядом с Галиной Сергеевной.

— Раз, два, три четыре! Темп, темп! — стала громко считать Алевтина Петровна, отбивая ладони в попытке восстановить ритм.

Но Лиза ее не слышала. Вяло, будто на последнем дыхании, она закрутила финальное вращение, опоздав на полтора такта. Девочки вразнобой закружились следом. Зрители начали дружно прихлопывать — похоже, никто кроме Алевтины Петровны не заметил сбоя. Хотя нет — Галина Сергеевна заметила.

Галина Сергеевна замечала все. И запоминала, а когда требовалось — распаковывала ячейки памяти, удивляя окружающих подробностями — отчасти сохранными, отчасти выдуманскими, но различия никто не видел. Когда ее дочь впервые взбрыкнула в девятом классе, послушавшись мать, Галина Сергеевна сочла это предательством. Но первым ее предал муж, бросив одну с трехлетним ребенком на руках, не объяснившись, не оставив ни рубля. Двадцать с лишним лет она растила дочь, пожертвовав ради нее всем, включая личную жизнь. Двадцать лет в одиночку тянула ляжку. Двадцать лет покоряла чужой, неприступный город, в точности как героиня любимого фильма. И тоже не верила слезам. Ничьим. От дочери и требовалось-то взамен лишь капелька уважения — помолчать, согласиться, уступить — только и всего. Но нет — дочь выросла норовистой! — все делала по-своему, наперекор. Зачем отца искала? Что он сделал ей хорошего? Почему вместо юрфака в акушерку пошла? Даже в мелочах настаивала на своем. Вот и живи теперь, как знаешь!

Галина Сергеевна вспомнила безобразную сцену с криком, слезами и битьем тарелок. Ворох вываленной на пол одежды, который она топтала, пинала ногой. «Неблагодарная тварь!» — слышала она визгливый голос. И другой, хриплый: «Дай мне жить своей жизнью!» Зять в это время был в командировке, Лиза — в садике. После ссоры дочь ушла, а Максим остался. Как и подобает мужчине, он был слишком занят, чтобы разбираться в женских склоках. Галина Сергеевна объяснила уход дочери ее вечной загруженностью, бессменными дежурствами в роддоме. Дескать, карьеру делает, на семью наплевать. Наплела что-то про служебный роман для вящей убедительности. Максим вдаваться в подробности не стал. Побыв три дня дома, снова уехал на службу. А когда вернулся — все изменилось. Галя похудела, сделала новую стрижку и перманентный макияж. Волевым решением она оставила свою пожизненную бессрочную самозанятость и начала жить на дивиденды. Да и Максим неплохие деньги домой приносил. Галя обстирывала и обглаживала зятя с неистраченной силой, выбирала ему галстуки и костюмы, готовила борщи и пельмени. Могла и стопку поднести после напряженного дня, и массаж шейно-воротниковой зоны сделать. И, разумеется, помогала растить Лизу. Она чувствовала своим бабьим нутром, что жизнь подбросила ей еще один, возможно, последний шанс быть, наконец, счастливой. Жить семьей. Быть кому-то нужной, желательно незаменимой. В том, что Галя стала незаменимой для Лизы, сомнений не было. Оставался Максим, но об этом она старалась не думать — всему свое время!

Уж из внучки-то она сумеет сделать человека! Уж Лиза-то ее никогда не бросит,

не предаст. Пройдут годы — спасибо скажет за ее требовательность и прозорливость, за щедрые инвестиции в разностороннее развитие. И танцевать будет, и по подиуму ходить, и на коньках кататься, и на английском свободно говорить. «Может быть, на будущий год добавить этикет? — задумалась Галина Сергеевна.— Девочка ведь должна уметь вести себя в приличном обществе». А в том, что Лиза будет вращаться только в приличном обществе, не в пример своей упертой матери, Галина Сергеевна нисколько не сомневалась.

Грянули аплодисменты, выбив из головы размышления о Лизинем будущем. Номер «Ромашек» завершал концерт, и теперь все участники выходили на сцену для общего поклона. Галина Сергеевна снова включила смартфон, чтобы запечатлеть торжество момента и отправить видео Максиму. Алевтина Петровна шепнула ей перед концертом, что Лизу наградят. Так и случилось. В числе избранных счастливиц Лиза получила из рук пухлого чиновника диплом в золоченой рамке и грузный букет. Тонкие детские руки поникли под тяжестью подарка. Когда отговорили спонсоры и почетные гости, ведущая в тафте, задорно потрянув лаковыми кудрями, предложила награжденным передарить свои букеты самым любимым зрителям, находящимся сегодня в зале. Лиза вздрогнула.

Галина Сергеевна приосанилась и поправила прическу. Вот она — минута триумфа! Затрубили фанфары. Ребятишки один за другим стали спускаться в зал, телекамеры ловили растроганные лица родителей и выводили их на большой экран у сцены. И только Лиза стояла одна в слепящих лучах лампы — потерянная, оцепеневшая, неловкая. По ее щекам текли слезы. «Это от избытка чувств,— догадалась Галина Сергеевна.— Наверное, сама поняла, что оплошала сегодня с финальным вращением, боялась, наверное, что заметят». Но нет, не заметили (Галя не в счет). А если и заметили — то простили. И потом дипломы были подписаны задолго до вручения, ее оплошность ни на что не влияла.

Вязко тянулись минуты, а Лиза все стояла посреди сцены. И уже Алевтина Петровна подошла к растерянной девочке, и указала рукой на первый ряд, в котором сидела нарядная бабушка. Но только Лиза не спешила спуститься к ней, а все высматривала кого-то в толпе у дверей. Наконец, словно очнувшись, девочка рванулась в зал. Но побежала она не к Гале, уже распахнувшей навстречу свои объятия, а куда-то вдаль, к видному только ей зрителю. Галина Сергеевна привстала от неожиданности, не веря собственным глазам. Смартфон выскользнул из рук в бархатное кресло и звонко шлепнулся на пол.

— Мама,— беззвучно, одними губами произнесла Лиза, уцепившись взглядом за родное, но уже стирающееся в памяти лицо.— Мамочка! — хрипло позвала она окрепшим голосом и побежала быстрее, путаясь в чьих-то ногах, фалдах, любопытных взглядах. Тяжелый букет бился о колени, шурша целлофаном, оставляя в проходе скользкие лепестки. Телекамера спешила за девочкой следом, бесцеремонно высвечивая, выставляя на всеобщее обозрение боль и радость, отраженные на детском лице.

Вот он — самый любимый ее зритель в сегодняшней зале и в целом мире. Любимая, далекая и желанная, стоящая в тесном проходе мама. Любимая, невзирая ни на что.

Когда полчаса назад мама, зашифрованная в телефоне под буквой «М», позвонила Лизе и сказала, что придет на концерт, девочка ответила сначала заученными словами Гали: «Не надо. Я не нуждаюсь в этом». Но чужие, произнесенные пересохшим ртом, холодные фразы разбились о мамин голос.

Девочка бежала по проходу, боясь обернуться на Галю,— ведь тогда пришлось бы отвернуться от мамы. А она не могла этого сделать. Потому что опасалась потерять ее из виду навсегда. За эти несколько мгновений, наполненные грохотом труб,

гулом чужих голосов, дробью сердца, Лиза простила маме все. И то, что та ее бросила, и что живет вдали от них с папой. Девочка забыла одинокие выходные, мокрую от слез подушку и дождливые вечера, проведенные с куклой, названной маминым именем. Она не хотела ничего знать о том, что мама плохая и не думает ни о чем, кроме своей работы. Ей не нужны были ни зоопарк, ни фисташковое мороженое, ни летний лагерь под Лондоном. Лизе нужна была только мама, ее мама с теплыми ладонями и запахом шоколада по утрам.

...Прошел год. Семья Вертинских перебралась из просторной квартиры Галины Сергеевны в пригород. Лиза оставила престижные кружки и записалась в клуб помощи бездомным кошкам. Папа научился сам выбирать галстуки и готовить пельмени. Мама перестала скрываться за буквой «М» и бояться, что бабушка навсегда отнимет у нее Лизу.

И никто уже не вспоминал то время, когда опасаясь кого-то обидеть, они теряли что-то очень важное. Стремясь к компромиссу — упускали решительный момент. Стараясь быть хорошими — становились несчастными.

А Галя... Галя по-прежнему все замечала и все помнила. Ее список предателей пополнился двумя новыми именами. Но она не теряла надежды стать для кого-то единственной и незаменимой.

Сергей Даштамиров
(п. Каменоломни, Ростовская область)

ЯШКА ИЗ СУХУМА

Сергей Сергеевич Даштамиров — поэт, прозаик, журналист, издатель и главный редактор Литературной газеты «Донские волны» и литературно-художественного альманаха «Донская сотня». Член Академии российской литературы, Российского союза писателей и Союза писателей Дона, член редакционного совета Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас». Родился в 1951 году в городе Грозном, с 1977-го проживает в Ростовской области. Кадровый офицер, подполковник в отставке. Публиковался в периодических изданиях и коллективных сборниках. Издал пять авторских сборников стихов и прозы.

Были времена, когда мы каждый отпуск проводили на Черноморском побережье. «Прикупа» не знали, потому не жили в славном городе Сочи, а просто приезжали отдохнуть, конечно, предварительно объехав всю родню в Москве, Саратове и в Грозном, оставив на попечение бабушкам их внуков.

Отдых был расписан по дням и часам. Сразу по приезде закупали ежедневные путевки на экскурсии до самого отъезда. Объездили все побережье «всесоюзной здравницы»: Геленджик, Туапсе, Гагры, Пицунду; посетили тисосамшитовую рощу в Сочи, побывали в Хосте, Новом Афоне, Батуми, на озере Рица. Пляжу времени уделялось не очень. Зато впечатлений — море! Особенно запомнилась поездка в Сухуми. Там я и познакомился с Яшкой.

Мы быстро сошлись с ним, нашли общий язык, непринужденно обменивались репликами. Он выразительно жестикулировал, пытаюсь быть более убедительным.

— Мужчина! Отойдите от клетки! — всполошилась экскурсовод. — Нельзя так близко подходить: он может укусить!

Я пожал плечами, откланялся Яшке, он ответил мне таким же элегантным поклоном. Обменявшись белозубыми улыбками, оба сделали по два шага назад: я — к общей группе экскурсантов, он — в глубину клетки, где его ждали самка и детеныш.

Яшка был макакой. Мы находились в Сухумском обезьяньем питомнике. Экскурсовод, милая молодая женщина, объяснила, что мой новый знакомый работает в Научно-исследовательском институте экспериментальной патологии и терапии (она указала рукой в сторону здания НИИ, расположенного на склоне горы). Но ему тоже необходимо общение, поэтому в этот день Яшка вместе со своей семьей здесь — в питомнике.

Экскурсия закончилась, и я помахал Яшке рукой на прощанье: «Пока, Яшка, до встречи!» Тот ответил жестом, понятным только нам двоим.

Отпуск подошел к концу, надо было возвращаться. К железнодорожной кассе не пробиться. Решили добираться до Краснодара автобусом, а там — точно уедем. В тот день в Джубге, как позже писали газеты, пронесся смерч, принесший человеческие жертвы. На газетных фотографиях мы узнали палатку и автомобиль пострадавших:

видели их из окна автобуса, проезжая мимо. Оказалось, что смерч проследовал по этому участку минут на пятнадцать позже нашего автобуса!

В Краснодаре с большим трудом удалось приобрести билеты на фирменный поезд «Москва-Баку». Правда, только в плацкартный вагон, хотя «по штату» мне положен купированный. Но что выбирать? Дай-то бог уехать! Повезло с проводником. Молодой парень из бакинской поездной бригады встретил нас по-кавказски приветливо:

— Мест нет ни одного,— сказал он, изучив наши проездные документы,— но за «червонец» я могу устроить лучшие места!

Фортуна, что называется, благоволила. Мы с женой расположились во втором плацкартном отсеке. Здесь же посчастливилось разместиться доценту Дагестанского университета. Он ехал в Махачкалу, представился Магомедом.

— Постель будете брать? — спросил проводник.— Сдавайте по рублю.

Попросили чай. Наш проводник принес большой алюминиевый чайник, какие бывают в солдатской столовой, и водрузил его на столик.

— Заварки нет. Кипяток есть в девятом вагоне. Скажите, что от Али. Там проводник — мой друг, даст вам кипятку...

— Я схожу,— прервал общее замешательство Магомед и взялся за чайник.

— Это в той стороне,— указал жестом Али,— через два вагона...

Как только Магомед вернулся с кипятком, и моя жена достала из чемодана пачку чая (мы прикупили по случаю несколько пачек в Краснодаре),— появился Али.

— Меня угостите? — протянул большую фаянсовую чашку с коричневыми разводами, взглядом гипнотизируя при этом чайную пачку.— Сыпьте в чайник, крепче будет! — глаза проводника светились нездоровым огнем.— Заваркой поделитесь,— почти умолял он,— я друга угощу...

Как тут откажешь? Выделили ему полпачки чая.

Покончив с чайной церемонией, начали готовиться ко сну. Здесь ждал сюрприз: передний туалет был без двери и завешен простыней — Али оборудовал для себя душевую; задний — вообще не работал.

Устроившись на верхней полке головой к проходу, я пытался уснуть. Вдруг нечто необычное предстало пред моим взором. Али, приняв душ, шел по проходу в одной простыне поверх трусов, перекинутой через плечо.

— Время деньги собирать,— подмигнул он мне доверительно, как близкому знакомому. Ах, да — чай вместе пили!

В этом своем облачении проводник напоминал какой-то персонаж из восточной сказки. «Али-Бабай!» — мысленно окрестил его я и повернулся лицом к стенке.

Доехали благополучно, все утряслось. Но я почему-то по сей день часто вспоминаю эти две встречи — с Яшкой и «Али-Бабаем»! И понимаю: сколько в нас общего! Может, напрасно поговаривают, что Дарвин ошибся?..

Больше ни с Али, ни с проводниками, на него похожими, встречаться не доводилось. Жизненные обстоятельства изменились, стало не до ежегодных разъездов. Но о нашей с Яшкой договоренности еще раз встретиться я помнил и понимал, что слово надо держать.

Попасть в Сухумский питомник удалось лет через пять. Экскурсия была продолжительной, наша группа передвигалась от клетки к клетке; кто-то пытался покормить обезьян, просовывая между металлическими прутьями морковь, кто-то задавал вопросы, экскурсовод отвечала...

Вдруг она стала прощаться.

«Как же так, экскурсия закончена?» — не поверил я и подошел к экскурсоводу.

— Извините, это все?

Женщина подняла на меня усталый холодный взгляд и, утвердительно кивнув, развела руки в стороны.

— Но я ехал сюда ради одной только встречи! Пять лет назад мы познакомились здесь с Яшкой... Мы договорились... Я обещал ему вернуться...

Глаза женщины потеплели, а губы подернулись грустной улыбкой. Она поняла меня.

— У нашего Яшки случилась беда. В прошлом году хулиганы забрались ночью в его клетку. Яшка кинулся защищать свое семейство, получил ножевое ранение. Той ночью был убит его сын. После такого стресса Яшка впал в глубокую депрессию, стал агрессивен. Теперь его из института не выпускают...

Женщина так и сказала: «Яшка потерял сына» — сказала как о человеческом детеныше! Но ведь и реакция на агрессию, и эмоции у... (хочется назвать Якова уважительно, по отчеству, жаль, оно мне не известно). И эмоции у этого существа вполне человеческие!

Пока шли к выходу из питомника, экскурсовод рассказала мне о том, чем занимается Яшка в НИИ. Институт был центром изучения приматологии и научной базой по борьбе с онкологическими заболеваниями; здесь были созданы первые в мире модели ряда вирусов и испытаны полиомиелитные, коревые и гепатитные вакцины, проверялись новые антибиотики и лекарства. Я слушал вдохновенный рассказ нашего экскурсовода — научного сотрудника НИИ — и восхищался тем, что ко всем этим достижениям науки имеет отношение мой знакомец Яшка.

На прощанье я попросил Людмилу Николаевну передать Яшке привет и мои пожелания скорейшего выздоровления, а также надежду на встречу с ним. Возможность встретиться появилась, когда Сухум стал уже заграничным городом. Отдыхая в Сочи, увидел яркую афишу, приглашавшую посетить Адлерский питомник обезьян.

— Уж не тот ли это Сухумский питомник? — поинтересовался я у женщины, продававшей билеты на экскурсию.

— Он самый,— подтвердила женщина.— Перебрались в Адлер, когда началась война между Абхазией и Грузией. Вам сколько билетов?

— А Яшка здесь? — спросил я.

— Какой Яшка?

— Обезьяна из института.

— Нет, обезьян перевезти не удалось. Зато у нас есть две марышки-космонавтки! Тиша и Даша — в девяносто восьмом побывали в космосе. Так сколько вам билетов?

— Спасибо, не надо... Раз уж Яшку не увижу.

Отказавшись от экскурсии, я брел по городу, расстроившись на полном серьезе; вспоминал нашу давнюю встречу с Яшкой, внесшим весомый вклад в науку, о его нелегкой, трагической судьбе; искренне сожалел о невыполненном мною обещании... Вызвала улыбку мысль о возможном родстве Яшки с космонавтками Тишей и Дашей. Впрочем, какое здесь может быть сомнение: конечно, они родственники!

«Обезьяны, видимо, если судить по сухумскому Яшке, больше стремятся к сохранению родственных связей, чем некоторые людские особи,— подумал я.— И ответственной к этому подходят. Иначе как могло случиться: жили вместе, жили дружно, в одной стране — и люди, и обезьяны! И вдруг ничего этого не стало — ни страны, ни дружбы!»

Я до сих пор не могу этого понять.

Ольга Борисова

г. Самара

Наш постоянный автор.

ГОСТЬ

1

Жил в селе мужичок. Так себе: неказистый, небольшого росточка, неприметный. Звали его Тихон Перепелкин. За калитку он почти не выходил, друзей не имел, жил тихо и незаметно. Зато женушка его, красавица Аринушка, слыла в Калиновке бой-бабой. Связываться с ней боялись даже мужики, любого могла поставить на место. Жили они вдвоем и, к удивлению сельчан, мирно. Единственная их дочь училась в городе на юриста. На выходные она частенько приезжала домой. Провожал ее обычно Тихон. Донесет до автобусной остановки тяжелые сумки, набитые продуктами, и с понурой головой возвращается обратно. Но однажды весной ему самому пришлось ехать в город. Дочь то ли экзамен завалила, то ли боялась, что не сдаст, но ей срочно понадобились деньги. Вот и отправила Аринушка муженька в город: «Гляди, деньги не потеряй! Спрячь подальше. Рот не разевай! На обратном пути заедешь на рынок, купишь домой колбасы копченой, сыра и рыбки красной», — приказала она. И Тихон уехал.

Не любил он города. Дышать в нем трудно и свободы нет. «Как Валюха его переносит?» — удивлялся Тихон. А больше всего не любил современных новшеств — автоматов, продающих билеты в метро. Да и метро тоже не любил и предпочитал ездить на автобусе. «Ну и пусть дольше ехать, зато город посмотрю», — рассуждал он, примостившись на переднем одиночном сидении. Постепенно в автобус набился народ, и стало не до городских красот. Все пыхтели, вздыхали, суетились. Ворчала кондуктор, отоваривая вошедших билетиками.

— Вот мужики пошли! — вдруг послышался рядом с Тихоном злой женский голос. — Женщина стоит, а он на переднее сидение уселся и делает вид, что не замечает!

Он обернулся и увидел толстую женщину в синем пальто и красной шляпе. Ее глаза метали молнии. Тихону казалось, что она сейчас вцепится в куртку своими красными когтями и будет трясти его, как грушу. Он быстро соскочил с сидения и, держась за поручни, на всякий случай отодвинулся от нее подальше. Сине-красная плюхнулась на кресло, при этом не забыва произнести ядовито: «Нахал!». Тихон еле дождался своей остановки и, как ошпаренный, выскочил из автобуса. Ему казалось, что все осуждающе смотрят ему в след. «Ну и пусть. Они меня не знают, и я их больше не увижу», — пытался успокоить себя. Зазвонил сотовый: «Пап, ты доехал? Я сейчас прибегу. Будь на остановке!»

Валюшка появилась быстро. В белом пальто и белых сапожках, словно прекрасная фея, она шла к нему по узкой аллейке. «Красивая у нас Валюха. Лицом вся в мать», — с гордостью подумал он, тут же забыв о своих печалях.

— Пап, ты не обижайся, но я спешу. Мне до двенадцати нужно отдать деньги, иначе мне не засчитают экзамен, со всеми вытекающими последствиями.

Тихон сразу представил эти последствия и торопливо затараторил:

— Конечно. Что мне обижаться, ты, главное, реши эту проблему! Нельзя сейчас

без образования! Никак нельзя,— поцеловав на прощание дочь, отправился на городской рынок, выполнять заказы жены.

Рынок встретил его ароматами специй и запахом только что испеченных пирожков. «Сейчас куплю все, что приказала Арина, и тогда полакомлюсь пирожками»,— решил он и пошел по рядам, деловито рассматривая товар. Чего там только не было! Свежая зелень, умело разложенная небольшими пучками, рядом примостились помидоры и огурцы. Чуть поодаль красовались желтые апельсины, за ними — мандарины и яблоки. Он дошел до колбасных рядов и, перепробовав многие виды, наконец, выбрал нужную. То же проделал и сыром. Самым сложным оказалось выбрать рыбу, но и с этим ему удалось справиться. Закончив с покупками, Тихон отправился за пирожками в небольшое кафе с яркими надписями и красивыми картинками на стекле.

Народу, к удивлению Тихона, в кафешке не оказалось. Некоторое время он постоял у прилавка, по-хозяйски рассматривая цены. Выбрав самсу, пирожок с ливером и ароматное капучино, уселся за столик, предвкушая трапезу. Отхлебнув глоток горячего напитка, Тихон заметил, что дверь открылась, и в помещение зашел мужчина лет сорока в модной прошитой серой куртке, темно-синих джинсах и с красивым, с золотой застежкой, портфелем в руках. «Наверное, ученый какой-то или состоит в руководстве завода»,— подумал он. Завод за высоким забором и огороженный колючей проволокой находился неподалеку. «Нет, все-таки, ученый!» — и стал исподтишка наблюдать за вошедшим. Незнакомец, купив два пирожка, салат и кофе, уселся за соседний столик. Тихон заметил, что он чем-то расстроен. Мужчина открыл портфель и стал в нем рыться, но, не отыскав желаемого, раздраженно бросил его на рядом стоящий стул. Кривая ухмылка скользнула по лицу. Вздохнув, достал из внутреннего кармана куртки дорогой телефон. Тихону показалось, что «ученый» вовсе забыл, зачем он сюда пришел. Наконец, положив телефон на стол, мужчина принялся за еду.

— Поди, кофе остыл, пока искали,— посочувствовал Тихон. Ему жутко захотелось поговорить с умным человеком.

Мужчина мимолетно взглянул на него и тихо ответил:

— Ничего страшного...

— У вас неприятности?

— Да есть небольшие,— теперь он более внимательно оглядел Тихона.— А вы случайно не знаете, где в вашем городе можно найти недорогую гостиницу? — спросил незнакомец.— Мне нужно всего на пару дней. Я пытался сейчас поискать, но дорогие очень... Мне они пока не по карману.

— Не, я сельский. В Калиновке живу, к дочери приехал. Вот с пирожками пережидаю время. В четыре часа автобус, с ним и уеду.

— Я так и подумал... На всякий случай спросил.

— А вы что, по делам приехали? Или по поводу какому? — снова пристал с вопросом Тихон.

— В командировку, на ваш завод... Да вот беда, обокрали меня,— разоткровенничался мужчина.— Из портфеля папку вытащили. А в ней карта, пропуск, проездные и командировочные. Хорошо что телефон и портмоне с паспортом в куртке лежали.

— Ох, какая беда! Аккуратней нужно. Народ теперь пошел ушлый. Все норовит поживиться за счет других. Мне Ариша строго-настрого приказала «рот не разевать».

— Ну, вот и получается, что я его-то и раскрыл. Со мной такого не случалось. В портмоне всего пять тысяч, на них двое суток в чужом городе не проживешь.

— А вы бы своим сообщили. Пусть пришлют. Надо же человека выручать, с каждым может произойти.

— Позвонил в свой отдел, сообщил о пропаже. Пообещали в течение суток оформить новые документы и переслать в приемную на завод. За сутки они не управ-

вятся, с пропуском волокита будет. Я его неделю оформлял. А жену мне не хочется тревожить. Сердце у нее больное, переживать начнет. Да и банковской карты тоже нет,— он развел руками,— украли.

Тихон задумался. «А если бы меня обокрали, чтобы я делал?» — он непроизвольно потрогал внутренний карман. Его тысяча лежала на месте.

— А знаешь, поехали к нам в село,— неожиданно для себя предложил он.— Всего-то час езды. Поживешь у меня, пока твои документы будут делать. В Калиновке хорошо! — он от удовольствия даже причмокнул.— Свежий воздух, цветы цветут, бабочки летают, птицы поют — живое все, не то, что в городе!

Незнакомец явно не ожидал приглашения и удивленно приподнял брови:

— Вы не шутите? А что жена на это скажет? Вы бы посоветовались сначала с ней. Разрешения спросили. Да и заплатить я не смогу до тех пор, пока деньги не перечислят.

— Не нужны нам ваши деньги. Люди должны друг другу помогать. Так жили наши родители, и мы так живем, и дети наши по таким же законам жить будут. Мы для них пример! — довольный сказанным, расправил с гордостью плечи.— А жена должна мужа слушать! Аринушка у меня хорошая: хозяйственная, умелая, гостеприимная! И накормит, и напоит...

2

На автостанцию они пришли вовремя. Купив билеты, отправились на четвертую платформу, где повстречали Федьку Косого:

— Перепелка, а ты что здесь делаешь?

— То, что и ты. В город приезжал, к дочери.

— А это кто с тобой? — он глазами показал на идущего рядом мужчину.

Тихон обрадовался встрече. Федька — трепач, и теперь все село будет знать, что к Перепелкиным приехал большой человек. Он поднял указательный палец и загадочно произнес: «Ученый... Иди, Федька, дай нам пообщаться!»

— Тебя хоть как зовут? — повернувшись к новому знакомому, спросил Тихон.

— Юрий Дмитриевич Курбанов. Работаю в НИИ, кандидат технических наук.

— О, я так и подумал, что ученый. У меня глаз вострый! А меня Тихоном кличут. Фамилия Перепелкин. Человек я простой, без образования. Комбайнером работал. Родился в Калиновке, и умру в ней. А вот дочь в госуниверситете учится на юриста. Сейчас без образования никак не прожить.

Вскоре подошел автобус. Закончив посадку, дежурная отправила его в путь. Всю дорогу Тихон молчал. Зная крутой характер женушки, продумывал, как представить гостя. В голове рождались всякие идеи, но ни одна ему не нравилась. Тогда он решил: «Будь что будет. Выгонит, уйду вместе с ним. Найдем где переночевать»...

Арина находилась в хорошем расположении духа. Недавно позвонила дочь и сказала, что проблему она закрыла. Щелкнула щеколдой калитка, и во двор вошел Тихон вместе с незнакомым мужчиной. «Никак что-то случилось?» — только и успела подумать она.

— Женушка, это Юрий Дмитриевич — большой ученый, кандидат технических наук,— представил гостя муж.— Он несколько дней поживет у нас,— и не требующим возражения голосом добавил,— проголодались мы! Корми скорей!

Арина засуетилась, накрывая стол. Она слышала, как важный гость назвал ее красавицей, и видела, как от похвалы возгордился муженек. И Аринушка расстаралась. Она летала по кухне, готовя разные вкусности. А готовить она умела. Вскоре накрытый белой скатертью стол ломился от яств, а в центре красовалась в красивой бутылке из-под виски вишневка, вынутая из шкафа по случаю приезда дорогого гос-

тя. Сначала беседа никак не клеилась, но выпив по чарочке, разговорились. Юрий Дмитриевич вкратце рассказал, что они в НИИ изобрели прибор, а здесь на заводе проводят его испытания. Что-то у них там не сработало, и он прилетел разобраться. Незаметно под столом Тихон толкнул ногу Курбанова. Он сразу все понял и перевел разговор на другую тему. Спать гостя определили во второй половине дома, разделенной узким коридором.

А по селу уже летела молва, что к Перепелкиным приехал большой ученый, и он будет гостить в Калиновке несколько дней. Некоторые предположили, что это родственник:

— Смотрите, какая Валька у них умная! В университете учится. Вот они, гены!

— Явно родственничек и, видно, по Аришкиной родне, по Бабичевым,— заключили другие. Всем нетерпелось поскорее увидеть приезжего...

— Тиша, как там, в городе? — завела разговор женушка, когда они улеглись спать.

— Нормально,— однозначно ответил Тихон, понимая, что этот разговор не приведет ни к чему хорошему.

— Машин, наверно, много?

— Много,— и строго добавил: — Арина, спать пора. Устал я сильно.

— Какого ты гостя нам привез! Все в Калиновке с ума сойдут от зависти,— Тихон чувствовал, как она улыбается.— Ты мне раньше не говорил, что у тебя есть такой знакомый.

Он напрягся, ожидая нового вопроса.

— А на самом деле, откуда ты его знаешь? Вроде и в городе редко бываешь. Может, дочь познакомила?

Тихон стал усиленно сопеть, делая вид, что уснул.

— Ты чего молчишь? — она толкнула его за плечо.

— Сплю я уже, а ты пристаешь с глупыми вопросами,— повысил он голос.

— Тишенька, ты мне ответь, и я отстану. Интересно же!

— С ним в кафешке познакомился, когда он прошлый раз на завод приезжал, вот теперь снова случайно встретил.

— В кафешке?! Ты что, по кафешкам ходишь?

Тихон почувствовал, как напряглась жена. «Ну, все! Сейчас разразится,— успел подумать он и не ошибся.

— Да там только жулики бывают! Откуда ты знаешь, что он на завод приехал? Ты его там видел?! Ты кого в дом привел?!

— Он не жулик, а ученый! Таких по телевизору показывают, а ты сразу «жулик». Радоваться должна, что с умными людьми общаешься и что такой человек живет сейчас у нас.

Арина вскочила с кровати и подбежала к окну, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте.

— А ты его паспорт видел? Может, он тебе наплел с три короба, а ты и уши развесил! Может, он рецидивист, и его ищет полиция?!

Тихон поежился. «А, может, жена и права,— подумал он.— Я и на самом деле не знаю, кто он, и паспорт его не проверял». Ему ничего не оставалось, как соврать:

— Да видел! Отстань от меня, дай поспать!

— Паспорт можно и поддельный сделать,— не унималась жена.— Ну что же ты такой наивный! Вот этот твой «ученый» ограбит нас, будешь тогда знать! — она подошла к двери, слегка ее приоткрыла и заглянула в образовавшуюся щель. Затем на цыпочках вышла в коридор и приложила ухо к другой двери, за которой спал гость. Услышав храп, успокоилась. Вернувшись в дом, плотно закрыла дверь и накинула железный крюк.— Так спокойнее будет! Утром разберемся!

А утром, спозаранку, прибежала кума:

— Мне тут не спалось, я блинчиков по утрянке настряпала. Вот решила вас уго-

стить,— ей, видно, не терпелось узнать, кто же к ним приехал, и она начала издали.— Свет у вас что-то до полуночи горел. Аль случилось что?!

Арина сразу поняла, зачем прибежала кума, и решила поддержать игру:

— Гость к нам приехал. За столом долго сидели, да по чарочке выпили.

— Мне тут сорока вечером на хвосте принесла, что гость-то непростой. Вроде, как ученый? Или наврала-то сорока?

— Ты за этим пришла?

— А еще сказала, что он сродник ваш, и вроде как по твоей линии. Правда, что ль?

«Вот наплели»,— подумала Арина и, еле сдерживая улыбку, утвердительно кивнула головой:

— Иди, кума, домой! Некогда мне! Завтрак нужно готовить, скоро «мои» проснутся, а я еще ничего не сварила,— и, довольная собой, отправилась на кухню.

Сначала проснулся Тихон. Услышав, что на плите что-то скворчит, жарится и кипит, понял, что женушка успокоилась. Незаметно подкрался к ней сзади и обнял за талию.

— Э-эх, «ученый!» И когда же ты у меня поумнеешь? — уже более миролюбиво произнесла Арина, мешая ложкой что-то в сковородке.— Иди, умойся. Скоро гость проснется, будем завтракать.

За завтраком Арина внимательно наблюдала за Юрием Дмитриевичем. «Ест аккуратно. Вилку с куском в рот сразу не тянет, а странно так закручивает. Интеллигентный! Надо про семью разузнать,— решила она и с деревенской хитринкой спросила вроде невзначай:

— Тиша, а Валечка не говорила, приедет домой на выходные?

— Не успел спросить, торопилась она.

— Дочь у нас в городе учится,— объяснила гостю.— Переживаю за нее. Вот уже на третьем курсе. Закончит и в село, наверно, не вернется. Одним нам век свой доживать придется... А у вас, Юрий Дмитриевич, дети есть?

— Как же, есть, конечно. Сын, одиннадцать лет. Митькой зовут,— вытирая салфеткой рот, ответил гость.

— Такой маленький?! — удивилась Арина, явно намекая на его возраст. Юрий Дмитриевич все понял:

— Женился я поздно. Все учился: сначала в Политехе, затем в аспирантуре, защищался. С Людой в аспирантуре познакомился. Женились после защиты. А потом она заболела,— он замолк. Напряженная тишина повисла в воздухе.— Обычный сезонный грипп, а осложнение дал на сердце. Вот поэтому, Арина Петровна, Митька у нас еще маленький. Любопытный растет,— он засмеялся.— Барометр я как-то из Праги привез. Сыну лет пять тогда было. Прихожу с работы, а он над ним колдует. Весь разобрал, а потом собрал. Смотрю, шуруп лежит на столе. А шуруп, спрашиваю, откуда? «Он лишний»,— ответил сын.

— А с барометром что? — забеспокоился Тихон.

— Работает, только все наоборот показывает,— Юрий Дмитриевич снова засмеялся.— Я мальчика в кружок технический при Доме творчества определил. Тяготееет он к технике.

— А жена как? — сочувственно спросила Арина.

Но гость не успел ответить. Зазвонил его сотовый:

— Слушаю Степан Аркадьевич!.. Хорошо... Спасибо!.. А пропуск?.. А завтра точно будет готов?.. Ну, отлично!

Юрий Дмитриевич отключил телефон:

— Документы сегодня к обеду перешлют, а пропуск готов будет только завтра. Так что я могу вечером уже уехать. И так вам суеты доставил.

За столом наступила тишина.

— Нет уж, Дмитрич, вот как пропуск перешлют, так поедешь! — вдруг реши-

тельно заявил Тихон.— Что ты в городе делать будешь? Город, он того, денег требует! Да и всяких отщепенцев там полно, того и гляди в карман залезут. Правда, Арина?!

— Конечно, оставайтесь, Юрий Дмитриевич!

3

После отъезда Курбанова грустно стало в доме Перепелкиных. Тихон видел, что жenuшка заскучала. «Вот баба! Ученого ей подавай!» — в нем проснулась давно забытая ревность и обида. Он сел на бревно подальше от глаз жены на заднем дворе и стал вспоминать молодость.

Арину он знал с детства. Они жили на соседней улице и часто играли вместе в казака-разбойника или в лапту. Темноглазая, озорная, с непослушными кудряшками на голове, она казалась ему не такой, как все девчонки в селе. Аришка никогда не плакала, даже когда разбивала коленки до крови. Она не жаловалась родителям, если ее кто-то обижал. Уже тогда она могла дать отпор мальчишкам, и за это они ее уважали. Шли годы. Снова Тихон обратил внимание на девушку, когда учился в десятом. Около семиклассницы и отличницы Арины Бабичевой всегда крутились мальчишки. «Какая красивая дивчина», — подумал Тихон и вдруг под сердцем у него что-то екнуло. Он понял, что влюбился. С тех пор Тихон старался не выпускать ее из виду. Обратить на себя внимание помог случай.

Как-то летом в колхоз привезли студентов убирать помидоры и арбузы. Жили они в студенческом лагере за селом и часто наведывались в Калиновку. Однажды они заявили на танцплощадку. Группа из пяти подвыпивших студентов сразу обратила внимание на стройную смазливую девчонку и стала к ней приставать. Сначала Арине это льстило, но чем больше она с ними кокетничала, тем развязнее они себя вели. Тихон стоял за ограждением в темноте и все видел. Арина, прячась за спины танцующих, поспешила к выходу. Но ребята оказались ушлые и кинулись вслед за ней. Вот тут на их пути стеной встал он...

Потом Тихон долго лежал в больнице с сотрясением мозга. К нему каждый день приходила Аришка. Она садилась на стул рядом, брала его руку и держала в своих теплых ладошках до тех пор, пока медсестра не прогоняла девушку домой. С тех пор они не расставались. А когда Арине исполнилось восемнадцать, поженились.

— Тиша, ты где? — по дорожке, не торопясь, шла жена.

«Какая красивая! Ей уже тридцать восемь лет, а она становится все краше и краше», — успел подумать Тихон. Арина подошла к мужу, присела рядышком, прижавшись к плечу.

— Хорошо у нас, Тиша, — вдруг промолвила она. — С тобой хорошо!

Внезапно загремела щеколда калитки и в ее проеме показалась почтальонша Любаша.

— Хозяева! — закричала она, держа в руках толстый конверт. — Тихон Евсеевич, это вам, — протянула подошедшему Тихону. — Паспорт давайте и распишитесь.

— Паспорт тебе зачем?

— Письмо заказное, из Петербурга. Порядки такие!

Тихон с тревогой взял письмо, вскрыл. В нем лежали какие-то бумаги. Бегло оглядев, увидел в конце крупно написанную кругленькую сумму. У него затряслись руки:

— Любка, разберись, что это? Что-то ничего не понимаю. О деньгах каких-то там?!

Почтальонша внимательно прочитала аккуратно вложенные три красочных листа.

— О, Арина Петровна и Тихон Евсеевич, собирайтесь!

— Куда собираться? — встревожилась Арина.

— В путешествие! — засмеялась Любаша. — Родственник ваш оплатил проживание в отеле и билеты в С-Петербург, — она снова достала из конверта красивый лис-

ток и торжественно прочитала: «Людмила Игоревна и Юрий Дмитриевич Курбановы приглашают Арину Петровну и Тихона Евсеевича Перепелкиных посетить славный город С-Петербург, чтобы ознакомиться с его достопримечательностями и приятно провести время». Увидев застывшие лица Перепелкиных, расхохоталась:

— Бегите, чемоданы собирайте! Через три дня вылет!

ВСТРЕЧА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

1

Рыже-красный шар выкатился из-за холма и, медленно поднимаясь по небосклону, окрасил все три окна вросшего в землю саманного дома в розовый цвет. В саду весело запели пичуги. Взлетев на изгородь, загорланил соседский петух. Матвей Егорович вышел на крыльцо, обвел взглядом свое нехитрое хозяйство.

— Пират! — громко позвал он.

Зазвенела цепь и из будки неторопливо вылез взлохмаченный пес. Он зевнул, потянулся и, виляя хвостом, подошел к хозяину.

— Спишь, шельмец! Старый стал, не дозовешься,— дед Матвей ласково потрепал собаку за холку.— Нынче жарко будет. Вишь, какое светило яркое. Сейчас покормлю тебя да водицы свеженькой налью. Смотри, бандит, не опрокинь, как в прошлый раз.

Накормив пса и насыпав корма курам, Матвей Егорович обрядился в привычную форменную одежду, взял ружьишко и отправился на обход своих владений.

Деда Матвея в Калиновке знали все. Здесь он родился, вырос, женился и составил семью. Его супруга — Анна Тимофеевна — слыла женщиной тихой и скромной. Прожили они вместе в любви и согласии лет пятьдесят, но детей так и не нажили. Сельчане уважали старика, хотя частенько добродушно посмеивались над его формой, принадлежавшей разным видам войск и эпохам. Женщины его побаивались, мужики — уважали. Умел дед дать дельный совет и словом присмирить любого, даже самого отъявленного сельского бунтаря.

Раньше Матвей Егорович работал счетоводом в колхозе, но в пресловутые девяностые хозяйство распалось, и он остался не у дел. Да и власти в селе тоже не стало. Достал он тогда с чердака старое отцовское ружьишко и стал охранять колхозную технику от непрошенных гостей. Вскоре такие объявились. Хотели приватизировать все, что осталось от советской власти, тем самым полностью разграбить колхозное имущество и разорить Калиновку. Но на их пути смело встал счетовод, так и убралась они восвояси ни с чем. С тех пор не выпускает дед Матвей ружье из рук. Следить за порядком в селе стало для него уже привычным занятием. А как старуху схоронил, так желание сидеть дома совсем пропало. В одном месте языком зацепится, поговорит с мужиками о житье-бытье, в другом остановится — и день прошел. Вот и сегодня, совершив привычный ритуал, решил еще в продмаг заглянуть, чтобы бабьи сплетни послушать.

Вечерело. Потихоньку спадала жара. Весело зачирикали воробьи. Вдруг он заметил в кустах соседского одиннадцатилетнего мальчугана, целившегося из рогатки в юркого воробья, сидевшего на нижней ветке старого осокоря.

— Лешка, сорванец, ну-ка, поди сюда!

Лешка, поправив грязной пятерней непослушный чуб и подтянув сползающие штаны, доставшиеся ему по наследству от старшего брата, подошел нехотя, понимая, что эта встреча не сулит ему ничего хорошего.

— Ты чего ж озорничаешь? Воробей — это живая душа. Давай рогатку, я в тебя пульну,— дед строго посмотрел на мальчика.— От рук совсем отбился, мать не слушаешься! Утром она опять тебя костерила.

Мальчишка, шмыгнув носом, спрятал рогатку за спину.
— На кой ляд ты в соседский сад залез?
— За грушами,— на всякий случай плаксиво ответил он.— Я только две и сорвал.
— У вас же свои груши есть?! Чужие тебе зачем?
— У тетки Ганьки они вкуснее.
— Горе ты луковое! Вкус-не-е,— передразнил пацана.— Смотри у меня! Вот ружьишко солью заряджу и пальну,— сняв с плеча берданку, застрашал дед.— Чтобы в следующий раз неповадно было по чужим садам лазить! Понял?!
— Угу,— торопливо ответил мальчуган, оглядываясь по сторонам и отыскивая короткий путь к спасению.
— Мать слушайся! Она из последних сил бьется, чтобы вас поднять, а ты ей одни неприятности приносишь. Отец утоп, теперь вы с братом вместо него! Иди уж,— примирительно произнес дед Матвей и, водрузив ружье на плечо, зашел в магазин.

2

— Матвей Егорович, по всему селу тебя ищут,— в магазин заглянула почтальонша Любаша.— Лешка Пегов сказал, что ты здесь.— Она протиснулась в дверь, придерживая ее одной рукой.— На, держи письмо!
— Откель? — удивился дед Матвей.— Лет сорок, как писем не получал. Неоткуда мне их ждать.
— С Ростова, от Н.Е. Парамонова.
— Парамонова, говоришь?! — еще пуще удивился старик.— Знать такого не знаю. Ты не перепутала чего?
— Нет! Тут написано Матвею Егоровичу Матлахову, село Калиновка.
Дед Матвей взял красивый конверт в руки и стал внимательно вчитываться в строчки.
— Точно, адресовано мне от этого неизвестного Н. Е. Парамонова. Любка, очки дома забыл, ну-ка прочти, что этот Н. Е. от меня хочет.
Любка взяла конверт обратно и, вскрыв его, стала читать: «Здравствуй, Матвей! Еле нашел тебя. Наверное, удивлен моему письму, но прочти его до конца. Я Николай Егорович Парамонов — твой младший брат...»
Девушка удивленно посмотрела на Матвея Егоровича:
— Я и не знала, что у вас есть брат.
Матвей Егорович стоял, как вкопанный, не веря своим ушам.
— Брат, говоришь?! — и, собравшись с мыслями, добавил,— а что меня искать? Как жил в родительском доме, так и живу досель. Нашелся значить.
— Егорыч,— вступила в разговор Наталья Ивановна, женщина пятидесяти лет, проработавшая в этом магазине лет двадцать пять и знавшая все и про всех в своем селе,— неужто нашелся? Лет шестьдесят, поди, минуло, как он пропал...
— Шестьдесят четыре,— уточнил дед.— Дай, Любка, я дома дочитаю. Трясущимися от волнения руками он взял письмо и медленно побрел домой.

А по селу с быстротой молнии разлетелась весть, что у Егорыча нашелся брат, пропавший шестьдесят четыре года назад. Со всех концов Калиновки к его дому потянулись люди. Вскоре пришел и местный участковый.
— Матвей Егорович, рассказывай, что брат-то пишет,— участливо спросил Степан Александрович.
— Вот и пишет, что повидаться хочет.
— А где же он пропадал все это время? — пытаясь вывести старика на разговор, снова спросил участковый.
— В Ростове жил... Искал меня...

— Я слышал от родителей, что был у тебя брат, но в пятидесятых пропал, да вот запаматовал, как это случилось. Ты уж расскажи нам, что тогда произошло.

Дед Матвей горестно вздохнул, оглядел всех и начал рассказ:

«Отец вернулся с войны калекой. Полступни миной оторвало. Сидеть дома не стал. Он до войны лесником был и снова пошел лес сторожить. Мама же в колхозе работала на элеваторе. В сорок шестом я появился. Через три года родился Коленька. А ранней весной в пятьдесят пятом на переправе через речку колхозная машина под лед ушла. В ней и мама наша была,— дед Матвей закричал, видно не просто давались ему эти воспоминания.— Все спаслись, не глубоко было, но мама простудилась и заболела. Через две недели ее не стало,— старик смолк. Его плечи обмякли, голова склонилась и по щеке скользнула скупая мужская слеза.— Большенький я был, все запомнил. Горевал сильно отец, трудно нам жилось. А тут браконьеры в лесу объявились, косуль много забили и егеря местного убили. Видно, он их за охотой застал. Колхозный председатель милиционеров из города вызвал, а как они приехали, к нам пришел:

— Егор, помоги,— попросил он.— Ты лес хорошо знаешь, не справишься им без твоей помощи. Матвей уже большой, за Колей присмотрит, да и соседи помогут, не бросят детей одних.

Отец и повел их только ему известными тропами. Через трое суток вернулись милиционеры, да не одни. С собой привели троих, со связанными за спиной руками. Это были люди пришлые, не из нашего района: бородатые, грязные, со злыми глазами. Целый арсенал браконьерского оружия принесли. А вот отец не вернулся. Не появился он и на следующий день. Охотники с окрестных деревень собрались и группами пошли на его поиски и только на второй день нашли с пулевым отверстием в груди у пустующего кордона,— старик отсутствующим взглядом посмотрел на фотографии в деревянных незатейливых рамах на стене, а затем медленно перевел на ружье с кожаным ремнем, висящее на спинке кровати. Ружье — вот все, что осталось мне от отца.— В наступившей тишине раздался чей-то скорбный вздох, кто-то всхлипнул, а дед Матвей продолжал: — Меня соседи забрали, а за Колей приехали люди из города и отвезли в приют. Мал он был, не разрешили его в селе оставить, хотя мы очень просили. Как я чуть подрос, поехал в город за братом, но его в детском доме не оказалось. Мне сказали, что усыновили нашего Колюшу. Умолял их адресок дать — не дали. Домой вернулся, места себе не находил. Куда мы только с председателем нашим не писали, но отовсюду приходил ответ, что такой в городе не проживает. Лет сорок назад я снова пытался его найти, но безрезультатно. Не проживает, и все! Как в воду канул Николай Егорович Матлахов, а он, оказывается, теперь не Матлахов вовсе, а Пармонов, и живет не в Краснодаре, а в Ростове. Каким-то образом сам меня нашел и обещался на неделе приехать. Вот и весь мой рассказ»,— завершил дед Матвей.

— Нашим родителям досталась тяжелая доля. Страну они после войны поднимали, чтобы мы хорошо жили. Ну, Матвей Егорович, встретим вашего брата как положено, всем селом! — заключил Степан Александрович.

Через три дня Матвея Егоровича снова навестил участковый.

— Созвонился я с твоим братом, Егорыч! Он у тебя непростой человек. Сейчас на пенсии, а работал инженером-конструктором водного транспорта в одном КБ. Много лет тебя искал. Фамилию не помнил, так как маленький был, когда его в детский дом забрали. А вот имена запомнил, по ним и искал, да все безуспешно. А нашел случайно. Встретил он как-то своего однокашника. Предпринимателем тот стал, несколькими фермерскими хозяйствами владеет. Разговорились. И вот он и говорит Николаю Егоровичу, что не дает ему покоя одна встреча. В лихие девяностые он с компаньонами решил под Краснодаром землю скупить, а в одном, некогда богатом селе, хотели технику по дешевке забрать, да не вышло. Мужик решительный такой,

серьезный встал на пути. Что-то неуловимо-знакомое было в его движениях, голосе, походке, а главное — в чертах лица: «На тебя сильно похож. Знаю, что брата ищешь. Съезди туда, посмотри, авось, это он».

Вот так тебя и нашел. Николай Егорович скоро сам тебе все расскажет, готовься к встрече. Завтра приезжает.

К обеду все жители села собрались на небольшой площадке у сельсовета. В центре стоял дед Матвей в аккуратно отглаженном пиджаке, вынутым из шкафа по этому случаю. Подтянутый, строгий и внезапно помолодевший, он напряженно всматривался вдаль.

— Едут, едут! — завидев вдалеке машину, свернувшую на сельскую дорогу, закричали ребятишки.

— Е-ду-т! — разнеслось в толпе и затихло. Напряженная тишина повисла в воздухе. Белая «тойота» медленно въехала в село и остановилась возле собравшихся людей. Дверца открылась, и с заднего сидения машины вылез пожилой мужчина в дорогом твидовом костюме. Он оглядел встречающих и остановил взгляд на стоящем в центре Матвее Егоровиче.

— Глянь, как две капли воды! Как похож на нашего деда Матвея! — послышалось из толпы.

— И вправду похож! — шушукались сельчане.

Два пожилых человека шагнули навстречу друг другу.

— Ну, здравствуй, брат!

— Коля! — только и смог произнести Матвей Егорович.

Слезы застили глаза братьев. Обнявшись, не расцепляя рук, они так и стояли, словно боялись снова потерять друг друга. А на ветке старой липы, радуясь солнечному дню, весело расчирикался воробей. Вскоре эту песню подхватили его собратья, и разлетелась она по всем пределам Калиновки. Это была даже не песня, а торжественный гимн жизни на прекрасной и цветущей земле.

Валерий Сдобняков
(г. Нижний Новгород)

ВОЛОДЯ

Сдобняков Валерий Викторович, родился в 1957 г. в Красноярском крае. Создатель и главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Секретарь Союза писателей России. Председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России. Лауреат многих всероссийских и международных литературных премий. Награждён государственной наградой – «Медалью Пушкина», а также Почётной грамотой Нижегородской области и Почетным знаком главы города Нижнего Новгорода. Автор тридцати книг прозы, публицистики, критики.

1

В дверь негромко, но настойчиво постучали. Сквозь сон не понял: это было на самом деле или мне приснилось. Прислушался. На крыльце осторожно скрипнула половица, и все смолкло.

Я взглянул на будильник, стоявший у книг на стеллажах, убедился, что ночь только заканчивается. Ранний сумрак заполнял комнату сероватым неясным светом. В этом свете оструганные темно-медовые плоскости старых бревен угадывались чернеющими трещинами-разрывами.

Вновь засыпая, ослабленным сознанием я еще успел подумать: «Кто бы это мог быть?» И тут же самому себе ответил: «Володя».

По деликатности стука, по уважительным к покою хозяев осторожным шагам на чужом для раннего гостя крыльце это мог быть не иначе, как он.

2

Только в деревне у меня получается так долго и безмятежно спать. Никакие посторонние звуки не доносятся с улицы. Лишь крик соседского петуха проникает непрошеным гостем куда-то вглубь сознания и там затухает, теряет силу, умолкает, не нарушая глубокого сна. Потому всякий день мы встаем поздно. По деревенской классификации нам одна оценка: «лежебоки».

Этот день ничем от предыдущих не отличался, и потому только к десяти часам утра я увидел на крыльце в чашке пяток куриных яиц.

Ну, конечно, их оставил Володя. Встав спозаранку, чтобы идти пешком в совхозный гараж (там работал стропальщиком), он успел проверить тайком от старушки-матери, что за ночь снесли куры, и обнаруженное оставил у нас в надежде, что позже за приношение удастся опохмелиться.

Когда у меня в доме была водка, я без всяких подношений наливал Володе половину стакана: меру свою он знал и за один раз больше не выпивал. В то же время Володя считал, что задарма водку ему никто наливать не обязан (это было его принципом, если хотите — сохранением чувства собственного достоинства: мол, ничем я не хуже вас, но уж так получается, что обращаюсь по надобности, и не за подаянием, а на принципах

взаимовыгодного обмена), и потому тоже пытался чем-нибудь отдариться: обрезной доской, привезенной тайком с местной лесопилки; десятком всегда нужных в хозяйстве больших гвоздей; срубленной недалеко от дороги крепкой жердиной...

Каждый раз от его приношений я отказывался, ругался (так, для остротки, но осторожно, чтобы ненароком не оскорбить искренних Володиных чувств), бывало, что и стыдил, но он находил способ тихонечко свою поклажу оставить на ступеньках бани, что стояла через дорогу от дома, у забора палисадника — в саду под старыми яблонями. Я находил эти «закладки» довольно продолжительное время спустя, когда возвратить их уже не было никакой возможности — только на себя наводить гнев его родственников: старшей сестры и матери, которые оставались в полном и непреклонном убеждении, что все соседи и знакомые только и думают, как бы сподить их брата и сына, а заодно выманивают у него всякую необходимую в хозяйстве вещь.

На этот раз Володя принес свой «подарок» впрок. Значит, вечером зайдет выпить положенную порцию водки.

Я позвал жену, показал стоявшую на лавке миску. Невольно вздохнув и сокрушенно покачав головой, жена озабоченно сказала:

— У нас у самих полный холодильник, только из города всего привезли.

— Пойдете с девчонками пить козье молоко, вот и отдадите бабушке.

Жена, соглашаясь, кивнула, хотя предстоящая передача законной хозяйке тайком принесенных нам яиц, снесенных ею лелеянными курицами, могла иметь для нас определенные последствия.

Дело в том, что мать Володи, добрая и трудолюбивая не по годам женщина, единственная на всю нашу дачную деревню держала козу. В качестве профилактики от простудных заболеваний моя супруга решила поить малолетних дочерей козьим молоком. Договорившись с недалекой соседкой, двор которой всего через дом по порядку, она каждый вечер, когда пасущуюся невдалеке на привязи животинку приводили к ее хозяйке, забирала девчонок и шла в ближайший конец деревни. Хозяйка, только подоив рогатую своевольницу (норов у козы был тот еще: то умудрится вырвать колышек, к которому привязывалась удерживающая ее веревка, и убежать; то вот не гуляется ей на лужку, залезет в придорожные кусты и там запутается), тут же процеживала через марлю и наливала молоко в кружки детям, и те еще теплым его выпивали.

Предстоящая процедура передачи незаконно изъятых из хозяйства ее сыном пяти куриных яиц могла нарушить все нами ранее достигнутые договоренности. Но уж тут как получится.

3

По своему рождению Володя не местный. Жизнь его помотала по необъятным просторам Советского Союза — от Средней полосы России до Камчатки. Была у Володи и семья — жена, дочь. Но это все осталось в каком-то далеком и неясном, за чередой многих прожитых лет, прошлом. Сам он только раз с горечью об этом вспомнил, как о чем-то почти невероятном и малореальном. Развела, раскидала их судьба в разные стороны раз и навсегда, чтобы не соединить уже никогда.

Невысокого роста, худощавый, с прореженными временем, высветенными до пепельной серости волосами на голове, с перебитым и после неровно сросшимся носом, что придавало его лицу некоторую несуразность и даже комичность, Володя производил впечатление человека пьющего, утомленного жизненным неблагополучием. Но и в облике его, и в выражении лица было много добродушия, незлобивости, мягкости, в хорошем смысле этого слова — простоты. Потому и называли его все, несмотря на, в общем-то, солидный возраст, без затей: словно был Володя ровня как старожилам нашей деревни, так и подросткам.

Деревенской работой Володя занимался с понуканием. Изначально он не был к ней приучен, и потому только упреки матери да увещевания, взывание к совести, угрозы сестры могли заставить его выйти на усадебный участок с лопатой вскопать

грядки или с мотыгой окучивать картошку. Однако стоило надзору чуть-чуть ослабнуть, как Володя испарялся, исчезал из огорода, с усада, со двора, и после найти его можно было, только приложив немалые усилия, затаившимся в гостях у кого-то из своих знакомых-собутыльников.

Вольная душа была у Володи, не терпящая привязанности к земле или дому. Была у этого человека и одна удивительная, мало свойственная обыкновенному деревенскому люду черта: он знал и любил стихи Сергея Есенина. Кое-что из сочинений поэта, несмотря на тяжелые удары по памяти большей частью дешевого и некачественного алкоголя, он до сих пор помнил наизусть.

Неведомыми для меня путями как-то проведая, что я имею определенное отношение к литературному труду, Володя однажды, возвращаясь с работы (традиционно в подвыпившем состоянии), подошел, я косил траву напротив своего дома, и с чувством, проникновенно, словно открывая нечто потаенное, давно хранимую тайну, признался, что очень меня уважает. Я был тронут словами соседа, а он прочитал мне наизусть стихотворение русского поэта:

*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.*

*Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.*

И вздохнув, махнув рукой, не читая последующих строф, завершил:

*Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.*

Володя повел рукой в сторону поля.

*Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.*

4

При всей вольности своего характера, Володя все-таки был человеком хозяйственным. Хотя упрекали его родные за леность, мне все-таки стоит отметить, что в этих упреках далеко не все было справедливо.

Я уже упоминал, что он работал в совхозе за несколько километров от нашей деревни. Часть пути, преодолеваемого Володей ежедневно, проходила через лес. И в каком бы он ни был состоянии, все равно тащил на плече срубленную жердь, засохшую лесину. Все принесенное устанавливал в виде пирамиды возле бани. Со временем эта пирамида многократно разрасталась как в ширину, так и в высоту.

— Зачем ты все это таскаешь? — как-то пожалев его труды, казавшиеся мне бессмысленными, спросил я у Володи.

— Хорошими покупными дровами летом печь топить не будешь. А нужно и для скотины приготовить, и для птицы, и постирать в печке-прачке, подтопок растопить, чтобы в сырую погоду избу согреть. Вот этот бросовый сухостой и пойдет в дело.

Объяснял все это Володя, стоя у своего дровяного сарая, под завязку набитого заготовленными хорошими сухими колотыми дровами. Вообще нравилось ему иметь дело с лесом. С огородом — нет.

За то время, что я его знал, у Володи прожили свой век две собачки: обе маленькие, черненькие, лаючие, если подойти к его дому, тем более к калитке. Тут возму-

щению собак не было предела: до хрипоты, до крайнего звериного озлобления, до вздыбливания шерсти на невзрачных, коротких загривках. Кто их этому учил — сказать трудно. Не верится, чтобы подобную воспитательную работу проводил сам хозяин. В то же время, когда сами свободно бегали по деревне, это были обыкновенные, добродушные, беспородные дворняжки: в меру трусливые, в меру заискивающие, в меру жуликоватые.

Первой была у Володи сучка Жучка. Прожив сполна весь свой собачий век, она умерла, и была зарыта в землю на краю картофельного усада скорбящим по ней хозяином. Второй щенок, что принес Володя на свой двор, оказался кобельком. В память о своей любимице и преданном друге и новой собаке Володя дал похожую с прежней кличку — Жучок.

Жучку ненадолго, но все-таки пришлось пережить своего хозяина. Так уж угодно было распорядиться неведомой для нас собачьей судьбе. Ну да об этом речь еще впереди.

5

Зимой в нашей деревне одно время оставались жилыми всего два дома: один — первый от дороги с начала порядка; другой — в самом конце его у леса.

Когда я только купил здесь дом, были и еще постоянные жители, но довольно быстро деревня осиротела. Дорогу к ней стало заметать снегом, и если браконьеры-лесорубы не тащили на тракторах из леса свою незаконную добычу, то она и вовсе напоминала нетронутую целину. И тогда жизнь в наших краях сразу дичала. С остальным миром ее соединяла только с большим трудом набитая малым числом жителей тропинка до совхоза. Там работал магазин, была почта и, какая-никакая, власть. В деревне же жизнь настораживалась от полной оторванности и беззащитности.

Одинокая старушка, жившая в начале деревни, каждый месяц, во время получения пенсии, подвергалась ограблению местными пьяницами. Они приходили из совхоза, требовали денег, грозили, и бедная женщина все им отдавала. Боясь мести, она не смела на злодеев заявить в милицию. Да и где они — защитники? Далеко. А лихим людям — что стоило сжечь хозяйку вместе с домом, коровой и прочим хозяйством — пустяк, только спичку поднести к стожку сена, что высился у двора под старой, неизвестно какой век стоящей ветлой.

Когда был жив ее муж, местный лесник, поговаривали, что мужик резкий, норовистый, властолюбивый, втихую приторговывающий государственным достоянием, так кто бы ее посмел тронуть. А теперь, как сухая травинка в занесенном снегом просторе, — кто хочет, тот и ломает, затопчет, в поле от этого ничего не изменится.

К дому Володи злые люди подходили ли, нет ли, я не знаю — об этом ничего слышно не было.

Раз по какой-то срочной надобности я приезжал в свой дом поздней осенью, в самый предзимок, на легковом «Москвиче». В народе эту машину называли «каблучком» за своеобразную форму небольшого грузового фургончика вместо пассажирского салона. Дорогу заморозило, будто асфальтом покрыло, потому добрались мы с шофером до дома без проблем. Гляжу, бежит ко мне Володя.

— Выручай, привозил из совхоза козла для своей козы. Теперь его нужно вернуть хозяевам, а я с ним управиться не могу — сильный, рогами бьется.

Что делать? Решили помочь соседу.

— Только придется тебе вместе с козлом в фургончике ехать. Другого места в машине нет.

Володя с радостью согласился. Убежал. Вскорости тащит на веревке упирающегося здоровенного козла с закрученными к спине рогами. С великим трудом погрузили этого невероятно вонючего зверя в фургончик. Следом уселся Володя. Довезли мы их до совхоза. Володя повел сдавать козла хозяевам, как полностью и добросовестно выполнившего свое дело по увеличению козьего поголовья.

Позже, уже весной, вновь приехав в деревню, я узнал, что Володя в этот день получил травму головы — то ли сам разбил ее, ударившись о батарею отопления в одном из подъездов жилого дома (спускался со второго этажа на первый и на лестничном пролете не удержал равновесия, упал), то ли кто его неосторожно толкнул — это так и осталось невыясненным. Понятно, что был Володя сильно пьян, потому и не мог ничего толком вспомнить. Не хотелось думать, что кто-то сознательно, по злобе, его, незащитного, жестоко избил. Хотя в пьяном неразумении, запальчивости чего только ни случается.

6

Лечился Володя в городе, в хорошей больнице, где сестра его работала медсестрой. Поплакала перед начальством, договорилась с врачами, и брата из района перевезли в областной центр. Закончилось дело оформлением преждевременной пенсии по инвалидности, чему Володя был несказанно рад. Теперь выплаты оказались выше, чем его зарплата в совхозе, к тому же и работать больше было не нужно.

Всем известна поговорка: беда одна не ходит. Так и тут — вскорости тихо и незаметно умерла у Володи мать-старушка. И остался над ним лишь один контроль — сестра, которая далеко, в городе.

Летом-то еще куда ни шло. Каждые выходные слышен был в нашем конце деревни ее громкий распорядительный голос. При ней не побалуешь. К тому же спирт для успокоения души и плоти страждущего она непременно привозила и братца, под строгим контролем выпиваемой нормы, угощала — как же: ведь родная кровь, хоть и безалаберный, а тоже жалко, хочется побаловать. К тому же начали мучить Володю сильные головные боли, а когда выпьет чего, так вроде полегче. А вот зимой, долгими покинутыми одинокими днями, когда понимается, что спасение от тоски и ночных страхов только в одном — в вине? Как тут быть, как прожить?

Да тут и сосед внезапно объявился. Еще одного неисправимого пьяницу спровадили из города жить в деревню. Вроде бы как дом сторожить от лихих людей, а на самом деле хоть немного отдохнуть от его бесконечных загулов, дебошей и требований денег на выпивку. Вот на пару с этим соседом, мужичком шкодливым, в мелочах хитроватым, Володя и стал подворовывать: то в своей деревне, то в соседних. Немного, так только, чтобы на выпивку хватило. О закуске речи не шло — сосед хоть и алкоголик, но и заядлый грибник, за лето при любых погодных обстоятельствах успевал этого добра заготовить впрок: и засолить, и засушить.

По весне вернувшиеся в деревенские дома дачники замечали незначительные пропажи в своем хозяйстве, расстраивались, сокрушенно передавали друг другу недобрые вести (у кого лист фанеры пропал, приготовленный для ремонта веранды, у кого набор инструментов, у кого переносной насос воду из речки для полива качать), да и забывали об этом в наступивших хлопотах борьбы за урожай нового дачного сезона.

Кто мог быть причастен к случившимся пропажам, некоторые догадывались, между собой нет-нет да шушукались, но прямо подозреваемым в лихоимстве соседям обвинения не предъявляли. Неловко как-то: живем рядом, в одной деревне, на одном порядке. А вдруг подозрения несправедливы — ведь за руку никто не пойман. Мучайся потом, прячь глаза при встрече, если подозрения не подтвердятся. Да и не так уж жалко пропажу — по большому-то счету. Обидно только, оскорбительно.

Деревня наша небольшая, так ее еще и неглубокий болотистый овражек разделяет ровно наполовину — с одной стороны остается восемь домов, с другой — девять. Когда-то домов было больше, но, оставленные хозяевами (одни переехали в благоустроенные многоквартирные дома в совхоз, другие подались в город, на заводы, учебу — да так там и осели, обзавелись семьями), они постепенно хирели, крыши у них проваливались, дворы разрушались и теперь на их месте пустыри, заросшие крапивой да дикой злой травой в человеческий рост.

Если в эти пустыри углубиться, непременно ноги побьешь о догнивающие, хао-

тически упавшие бревна былых срубов. Вот туда никто и не ходит. Но напоминает мне вид этих пустырей человеческие судьбы. Вот так же выстраиваются они в хлопотах и заботах о пропитании, довольствии, удобствах, нацеленностью на далекое будущее (ведь ради этого неясного будущего все и создается, столько трудов и сил полагается), а приходит срок, и...

Так незаметно, исподволь пришел к Володе и его срок.

7

В тот год я работал в городе, далеко от родных мест, и потому в деревню наезжал редко. Да и вовсе, если быть точным, в ней не бывал. Лишь раз, под осень, в конце августа, заглянул туда проведать свой сиротливо стоящий с закрытыми окнами дом. Тогда и узнал неожиданную новость о Володе.

Как-то прошедшим летом, абсолютно трезвый, он всех удивил. Ни с того, ни с сего пошел по домам нашей деревни, и везде каялся в том, у кого что подворовал. Всех обошел, перед всеми повинулся. Люди только руками на него махали: нашел что вспоминать, мы уж про это давно забыли. Никто на Володю не держал зла. Хотя тут, конечно, в этих словах полной правды не было: пропажа забывалась, ее со временем становилось не жалко, а вот нанесенное воровством оскорбление — помнится долго.

В общем, дивились люди такому необычному поступку, успокаивали непутевого соседа, как могли, у кого насколько хватало сердца. Ну вот разве в том, в чем каялся Володя, он и был только виноват, а другого никакого зла за ним не числилось, никто ничего худого вспомнить не мог.

А на следующее утро облетела деревню ошеломляющая всех весть: ночью Володя помер!

8

На этом можно было бы и закончить мне свой рассказ, если бы не еще один эпизод, свидетелем которого я был.

Осиротела без Володи наша деревня. Вроде бы какая-то особенная душа ушла из нее, что-то необъяснимое, словами не передаваемое, изменилось, потухло в ней. Никто больше рано утром не стучал к нам в дверь, не приходил к нам с просьбой опохмелиться днем. Не выбегал с радостным лаем на середину улицы Жучок, встречая возвращающегося с работы, пошатывающегося от выпитого за день вина, хозяина: не крутился песик у его ног, задрав крючком несуразный, лохматый хвост.

Не первым Володя был человеком, который при мне в деревне покинул этот мир, но первым, о котором сердце мое испытало скорбь — настоящую, не случайную. Особенно, когда узнал о последнем покаянно-прощальном дне его жизни. Видимо, что-то было открыто Володе, раз так смело пошел он «в народ» исповедоваться.

Сиротой остался и преданный ему пес. Летом Жучку жилось как обычно сытно, а вот что делать зимой?

Договорилась медсестра с последней постоянной жительницей деревни, чтобы Жучок перезимовал с ней. Сама еженедельно из города возила кобельку еду, оставляла ее у пожилой хозяйки: та ежедневно по необходимости выдавала прибегающему от своего двора к ее дому песику дневную норму. Вовсе от своего двора Жучок уходить не хотел. К дому у дороги приходил только ради еды, а к ночи по им же набеганной узкой тропинке возвращался обратно в свою конуру, смастеренную и заботливо утепленную еще Володей.

К тому времени и моя работа в дальнем сибирском городе закончилась, я возвратился в родные места.

Начало декабря выдалось морозным, но малоснежным, и я, истосковавшись по тишине, по свежему лесному морозному воздуху, решил на два дня уехать в свою деревню.

Тишиной покинутого людьми места встретила меня знакомая улица. Это пространство на земле уже окончательно было оставлено жителями до следующей весны.

Я вынул из машины сумку с припасами, открыл дом, вошел под его крышу. В сених холодно, неуютно. Особый нежилой запах говорил о том, что давно хозяева не появлялись в этом жилище. Дом — как живое существо: он и скучает без людей, и томится, и стареет, дряхлеет раньше времени. Тогда и появляется в нем этот старческий запах.

Но зато как он оживает, стоит открыть его двери, отдернуть с окон занавески, впустив во внутреннее бревенчатое пространство дневной свет — даже такой тусклый, замирающий, потухающе закатный, тот особый свет окончания дня, который только и бывает во время бесприютной русской зимы.

Первым делом принес дрова, затопил печь в первой комнате (вторую решил не открывать и печь в ней не затапливать — тяжело сразу обогреть весь дом), сходил к роднику за водой.

И тут у крыльца увидел маленького, серенького полосатого котенка. Малыш призывно мяукал, похоже, что просил есть, но в руки не дался. Почти сразу он убежал к соседнему дому, спрятался там под крыльцо. Я наломал ему разной еды на бумажную тарелочку (кусочки сыра, колбасы, ветчины), поставил ее к лазу под крыльцо, туда, куда спрятался котенок.

Пока дом обогревался и впитывал в себя уют электрического света, пока пощелкивание и потрескивание в печи поленьев и свист закипающего чайника наполняли его пространство ожившими звуками, я еще несколько раз выходил в морозную ночь, звал к себе котенка (жалко было оставлять его на морозе, хотел забрать в тепло), но он так и не появился.

Поздно поужинав, при лунном свете я прошел нашей улицей к покрытому льдом, слегка запорошенному снегом озеру. Постоял на плотине, слушая, как в ночи падает вода в обледенелый черный зев колодца водосброса.

Первобытная, космическая тишина окружала меня. Ни звука вокруг, и только холодный, тягучий зов замерзающей стекающей воды под безжизненным лунным светом. Уже тогда я подумал, что запомню эту ночь на всю свою оставшуюся жизнь.

На следующий день мне нужно было возвращаться домой. Котенка я решил забрать с собой, но с сожалением увидел, что ничего из оставленного мною для него он не съел.

Укладывая вещи в машину, увидел, как по узкой замерзшей тропинке торопится на край деревни Жучок. Пробежит несколько метров и встает, оглядывается, словно кого-то поджидает. Затем опять то же самое.

Я сел в машину, выехал на дорогу с нашего конца деревни и поехал в объезд. Напрямую не позволял проехать овражек.

Дорогу снегом еще не завалило, и заледенелая примороженная корка на ней громко хрустела, ломаясь под шинами. Когда машина поравнялась с крайним домом у дороги, и я прощаясь взглянул на деревню, то с изумлением увидел, как Жучек ведет за собой к единственно оставшемуся жилому дому котенка. Пройдет немного по тропинке, и, остановившись, оглядываясь, дожидается неспешно прыгающего за ним котенка.

Увиденное настолько поразило меня, что я подумал: «Это Володина душа, вместе с Жучком спасает только народившуюся кошачью жизнь».

Никого больше в этом белом замороженном пространстве не оставалось. Только одинокая старушка, осиротевший пес и бесприютный котенок. И над ними тусклое, размытое, замерзающее зимнее солнце России.

Владимир Монахов
(г. Братск, Иркутская область)

Автор более десяти сборников стихов и прозы. Активно публикуется в журналах и альманахах. Финалист первого Всероссийского конкурса хайку, награжден Пушкинской медалью Международного Пушкинского общества (Нью-Йорк), стал лауреатом литературной премии имени Владимира Максимова и национальной премии «Серебряное перо». Лауреат Международного поэтического конкурса «Лет лебединый» имени Петра Вегина (2014). Занял второе место в номинации «Бэла» за лучшую новеллу о любви в международном Лермонтовском конкурсе (2014). Возглавляет Иркутское региональное отделение Союза литераторов России.

КОЛЛЕКЦИЯ ГРУСТЬ-БАНК

22 сентября 2008 года нашел на улице современную копейку. Постоял рядом: поднимать или нет?

— Зачем она тебе? — спросил равнодушно Александр Кузьменков, с которым мы гуляли улицами Братска. Не просто гуляли, а, изрядно выпив, вышли на улицу глубоко дышать, дружить с листопадом, пиная тупыми носками ботинок опавшую листву. Было у нас в ту осень такое любимое творческое занятие для поднятия духа. А что еще делать двум безработным журналистам...

— Да вроде бы незачем! А все-таки жаль: хоть и малый, но финансовый ресурс, и к тому же орлом лежит. Значит, к удаче! — ответил оптимистично товарищу. Со мной случались иногда приступы немотивированного оптимизма. Я это объяснял склонностью к написанию лозунгов и стихов, которыми время от времени тешил моих знакомых. Хотя читатели говорят, что лозунги и стихи у меня получались в тот период жизни мрачные. Еще постояли пару минут в нерешительной задумчивости.

— Будешь поднимать? — спросил я безработного коллегу, намекая на то, что ему нужнее.

— Да ну, — махнул он на мое предложение рукой и посмотрел как на безнадежного человека. — Куда и зачем она тебе?

— Не знаю, — многозначительно я ковырнул копейку ногой. Постоял, постоял, переминаясь с ноги на ногу, но все-таки поднял.

Несколько дней носил беленькую маленькую монетку в кармане — даже не на что потратить. Грустно, что современная копейка опять ничего не стоит. Так же и со многими людьми: многие стоят посреди людского базара — никто не интересуется ценой! Но с того самого дня начали со мной происходить странные, подававшие надежды события. Тогда я временно, как мне казалось, остался без работы. Деньги на жизнь, конечно, еще были, но как-то очень быстро пропадали в местных магазинах. А мои банковские счета не пополнялись. И даже купленный однажды на удачу лотерейный билет моментального выигрыша ничего мне не принес.

Так вот, с того самого дня, когда копеечка попалась мне на пути, я стал находить на улице деньги. Не бог весть какие суммы, но на пропитание хватало. Для меня это было не событие, поскольку я с детства отличался «финансовой находчивостью». Осенью 2008 года чаще других попадались мне копейки. Оно и понятно: монета эта была вытеснена инфляцией из торгового оборота, и люди не брали ее в магазинах в качестве сдачи, а выбрасывали. А я стал поднимать. Нет, не из возрастной жадности, а из привитой в детстве бережливости и финансовой наивности, что копейка рубль бережет. Уже не берегла. Но тогда мне в этих копеечных посланиях, другой скажет — подачках, виделся путь выхода из личного кризиса, в который меня засасывало время безнадеги. Копеечки накапливались у меня в специально выделенной для них коробочке, куда я переместил все сохранившиеся в доме мелкие монеты советского периода. Я назвал ее согласно своему тогдашнему настроению «Грусть-банк». Эти утратившие цену монеты не могли уже повлиять на мое материальное положение. Коробок между тем с каждым днем становился все тяжелее и тяжелее. И вот однажды у себя во дворе я поднял старинную монету. Я не сразу понял, что это, ведь монета была черной от времени и даже, пока я ее не очистил от пыли времени, не читалась. Я внимательно огляделся по сторонам — не валяется ли еще что-то историческое в нашем дворе? Увы, ничего не было, кроме листьев.

Я так разволновался, что сменил маршрут и вернулся домой. Отмыл, отчистил находку и стал рассматривать. Это была копейка 1916 года. Я полез в Интернет узнать, какую ценность она из себя представляет сегодня. Специалисты меня разочаровали. Среди коллекционеров она была в большом ходу, и ее нумизматическая ценность не превышала 500 современных рублей. И тем не менее, я был рад находке и отвел для нее специальное место. Историю находки стал рассказывать всем своим знакомым, и люди поражались — откуда копейка 1916 года могла оказаться в моем дворе? Я сам терялся в догадках — не иначе как передо мной образовался провал времени. Хорошо, что мне выбросило только старую монету, а не утащило в начало XX века за собой,— шутил я...

Когда я хвалился этой удивительной старинной находкой, то находилось немало знакомых, которые тут же вспоминали свои взаимоотношения с мелкой монетой. Больше всего запомнилась история поэта из Москвы Андрея Чехоманова:

— У меня была копейка, которая мне «жизнь спасла». Наклонился за ней и не «успел» под машину, которую не видел на дороге. Копейку легко было узнать, так как одна сторона была во вмятинах от асфальта. Полгода проносил, потом пришлось отдать в магазине...

Напомню, кто забыл, что в романе Максима Горького «Мать» есть пронзительная экономическая «история» с болотной копеечкой, раскрывшая стихийный бунт против фабриканта, распорядившегося вычестить «копейку» из зарплаты рабочих на осушение болота... Революция, по версии автора, разгорелась с копейки... Как когда-то в московской типографии начался мятеж из-за наборщиков, которые требовали платить за знаки препинания, как за слово... Революции в России начинаются с мелочей...

Но самое важное произошло со мной через несколько дней после находки. Молодые люди открыли информационный городской сайт и позвали писать заметки. Сайт набирал обороты и теснил газеты. Сочинять заметки было моим ремеслом, и хотя предложенные финансовые условия не были вдохновляющими, я не отказался. И по сей день там работаю, но уже главным редактором сайта. Кстати, с тех самых пор, как моя материальная жизнь стабилизировалась, я перестал находить деньги, и копейки в особенности. Они совсем куда-то исчезли из поля моего зрения. Последний раз современную копейку я видел в прошлом году, но даже поленился поднять и положить в свой заветный «Грусть-банк», который и так полным-полнехонек мелкой монетой. Конечно, в нем нет редких копеек времен Ивана Грозного и Екатерины Великой, которыми дорожат настоящие коллекционеры, но меня это не беспокоит.

Поэтому время от времени достаю коробочку с моими копейками и внимательно изучаю безымянных героев финансовой системы России, которые, как мне теперь кажется, вернули меня в экономическое пространство страны. Я собрал сотни монет прошлого и нынешнего веков. Копеек разных времен и народов. Самая старинная датирована 1916, а самая юная — 2007 годом. С точки зрения заядлых нумизматов, не бог весть какая коллекция. Но иногда мне кажется, что вот-вот эти монеты со мной заговорят. Мне греет душу мысль, что эти монеты зреют в цене и дождутся своего часа, чтобы предъявить городу и миру всю свою ценность.

И я его храню вместе с копейками... Сегодня я достал коробочку, рассеял копейки по столу, взял лупу и стал рассматривать коллекцию. А попутно вспомнил эту историю, которую вам рассказал. Не знаю, есть ли в ней что-то чудесное, но та первая копейка, найденная в ворохе осенних листьев, сильно поменяла мою текущую к старости жизнь...

* * *

А недавно копейка опять дала о себе знать. В Сбербанке, где я осуществлял бытовую финансовую операцию, мне причиталась сдача. В ее составе были четыре копейки.

— И дадите мелкую монетку? — съехидничал я.— Обязательно,— невозмутимо ответила оператор и подала мне четыре копейки.

Девушка аккуратно выложила передо мною новенькие блестящие крохотные монетки, которыми я, естественно, не побрезговал, а благодарно собрал и дома снова положил в свой Грусть-банк. Пусть нарастут проценты истории, на которые станут жить наши внуки.

БОРОВСК ВЛАДИМИРА ОВЧИННИКОВА

*Вы, живописцы, покрывающие стены
Загадочными фигурами нашей истории,
Откройте младенцам глаза,
Развяжите уши...*

Николай Заболоцкий

Россия задохнулась от продолжительного бега за экономическими достижениями Запада и Востока, улеглась между ними, демонстрируя особый способ наложения красок Боровска, куда я приехал званым гостем, хотя и с опозданием в несколько лет. Но меня здесь ждали все продолжительное время моего отсутствия.

Пешая жизнь по древнему городу замирает перед скважиной неба. Из тюбиков звездного чрева в замкнутое пространство пейзажа среднерусской полосы художник Владимир Овчинников выдавливает краски. А затем мазками проталин рисует весну, по итогам которой богатый урожай огурцов соперничает с космическими замыслами Циолковского, а Николай Федоров регулярно думает будущим воскрешать постоянное прошлое, чтобы поэты вслед за колесом истории гоняли колесо рифмы и спорили до хрипоты абзаца:

— А доедет это колесо до будущего или не доедет? Я ощущаю всем своим внутренним содержанием, как здесь время повзрослело и отправилось путешествовать верхом на яблоне по временам года: то прошелестит молодым листочком, то упадет оземь плодом созревшим, соперничая с падалицей звезд, то зависнет под луной снежной шапкой, отражая небо, а то замрет сухостоем-поводырем для ветра, напевающего в отогретую флейту сада... Иногда время глубинки, как ребенок, задремлет в жаркий день плодоношения в тени кроны и сквозь две проталины глаз с любопытством наблюдает, как целуются двое под вечно цветущим деревом-путешественником...

А трудолюбивый художник, нанятый за бесценок красотой, как заправский маляр, закрашивает стены города сюжетами русского прошлого, настоящего и будущего, с раннего утра вписываясь душой в опасный поворот будней заспанной провинции, где толпа с наступлением темноты плотно садится у телевизоров, на экранах которых бурным потоком гонят сквозь русский чистый разум сериал за сериалом засвеченного враньем бытия кино.

И не подозревают едоки хлеба, что их настоящее крепко спит по ночам в тюбиках художника Владимира Овчинникова...и лишь писающий мальчик перед уличной фреской на случайной фотографии корреспондента «Огонька» заставляет очнуться на время Боровск, у которого на заднике покоится изящное, и с ним легче всего заходить в будущее.

— Может, зайдём в церковь? — вопросом приглашает меня художник.

— Нет, я не люблю в них бывать. Меня раздражает религия, хотя о Боге как научной формуле я постоянно думаю,— ответил я Овчинникову.— Но вокруг меня стало столько людей, которые обивают пороги храмов, что я избегаю этого. Вам кажется это странным?

— Нет, все люди разные. Те живут под куполами, и выше им уже не подняться даже в своих молитвах, а вы под Богом, который вам многое позволяет,— быстро нашёл Владимир ответ на мой вечный вопрос самому себе.

И в темноте вслед за художником Владимиром Овчинниковым выхожу к ночному краю, вдыхаю чистый глоток неба, поперхнувшись остроконечностью замертво падающей в мировую ноосферу звезды, что прорезает, как хлебный мякиш, тишину, звучащую с того света. Только в Боровске с подлинностью действия я ощутил, как Бог прячет концы в человеке, а человек — отдает концы Богу!

Проснувшись среди ночи, долго-долго хриплю всем своим внутренним содержанием песню безмолвия, цепляясь за последнее слово светотехники жизни, где по морщинам истории ползает божья коровка провинциальной мечты, обрушивая края памяти, где часы — чучело вечности, по стрелкам которых нам никогда теперь не узнать — сколько осталось будущего у Бога. И потому — в одиночной камере бытия перестукивается со временем. Художник — сердцем. Вечность — часовым механизмом у пульса на его руке.

Только в Боровске понимаешь: мы на пару с художником из тех, кому больше всех мало!

